Гуманитарный университет (г. Екатеринбург)
Уральская школа прав человека
Уральский филиал Международной ассоциации религиозной свободы
Совет по толерантности Свердловской области

Свобода совести в современной России: опыт, проблемы и перспективы развития

посвящается 10-летию принятия
Федерального закона
«О свободе совести и о религиозных объединениях»

Материалы международной
научно-практической конференции
Екатеринбург, 3 - 4 октября 2007 г.

Екатеринбург
2007

ББК – 86.7
УДК -342.731
С 25

С 25 Свобода совести в современной России: опыт, проблемы и перспективы развития. Посвящается 10-летию принятия Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». Материалы международной научно-практической конференции, (Екатеринбург, 3 - 4 октября 2007 г.) - Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2008. – 118 с.

Общая редакция и составители: доктор политических наук, заместитель декана юридического факультета, директор Центра прав человека Гуманитарного университета (г.Екатеринбург) Глушкова С.И.; юрист, Исполнительный директор Уральского филиала Евразийского отделения Международной ассоциации религиозной свободы (УФ ЕОА МАРС) Ничик В.И..

Основу материалов сборника составили доклады и сообщения, представленные на международной научно-практической конференции, которая состоялась в Гуманитарном университете (г. Екатеринбург) 3 - 4 октября 2007 г. В ходе конференции были обсуждены следующие вопросы: понятие, сущность и границы свободы совести и вероисповедания; проблемы реализации ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» десять лет спустя; толерантность и свобода совести; роль различных институтов власти и гражданского общества в защите права на свободу совести в современной России: опыт, проблемы и перспективы развития.

ISBN 978-5-86328-892-5

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

«Федеральное Собрание Российской Федерации, подтверждая право каждого на свободу совести и свободу вероисповедания, ... считая важным содействовать достижению взаимного понимания, терпимости и уважения в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания, принимает настоящий Федеральный закон».
Преамбула ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»

В канун 10-летия принятия Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» 3 октября в Гуманитарном университете (г. Екатеринбург) состоялась Международная научно-практическая конференция *«Свобода совести в современной России: опыт, проблемы и перспективы развития»*. Организаторами конференции выступили Гуманитарный университет (г. Екатеринбург), Уральская школа прав человека, Уральский филиал Евразийского отделения Международной ассоциации религиозной свободы и Совет по толерантности при поддержке Департамента внутренней политики Губернатора Свердловской области, Уполномоченного по правам человека Свердловской области и Российского Объединения исследователей религии (г.Москва).

В работе конференции приняли участие около 80 человек: ученые, педагоги, представители государственных и муниципальных органов власти, национальных и религиозных организаций, общественных объединений из г. Москвы, Чувашской Республики, Свердловской, Калужской, Нижегородской, Кемеровской, Тамбовской и Челябинской областей, а так же студенты.

С приветствием к участникам конференции обратились: ректор Гуманитарного университета доктор философских наук, профессор Л.А. Закс, декан юридического факультета, доктор юридических наук, профессор А.П. Семитко, Уполномоченный по правам человека Свердловской области Т.Г. Мерзлякова, генеральный консул США в г.Екатеринбург Д. Степанчук. В работе конференции так же принимали участие: А.Е. Себенцов - Ответственного секретаря Комиссии по вопросам религиозных объединений при Правительстве Российской Федерации и доктор исторических наук, профессор М.И. Одинцов - начальник отдела по свободе совести в аппарате Уполномоченного по правам человека в РФ, которые в 1996-1997 гг. непосредственно участвовали в разработке федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях».

Участники конференции в своих выступлениях отмечали, что, несмотря на закрепленные в Конституции и федеральном законе «О свободе совести о религиозных объединениях» нормы равенства всех вероисповеданий России и недопустимости превосходства одной религии над другой, приходится отмечать нарушения в сфере свободы совести. Действующее

законодательство нуждается в серьезной доработке для полноценной реализации принципов свободы совести.

Для обсуждения проблем имеющих место в сфере свободы совести и свободы вероисповедания, а так же в межконфессиональных и государственно-конфессиональных отношениях было предложено создать рабочую группу экспертов. Участниками рабочей группы стали 25 человек - представители религиозных и национальных организаций, ученые и государственные и муниципальные служащие.

На второй день работы конференции состоялась лекция дискуссия, которую провели А.Е. Себенцов и М.И. Одинцов. В частности А.Е. Себенцов уделил особое внимание проблеме защиты права на свободу совести в Европейском суде по правам человека. В ходе дискуссии были обсуждены многие острые вопросы, касающиеся возможности реализации права на свободу совести в современной России. По итогам конференции в пресс-центре ИТАР ТАСС прошла пресс-конференция для уральских СМИ. (информация о пресс-конференции представлена на сайте: http://www.tass-ural.ru/press от 05.10.07). Обобщением обсуждения проблем в сфере свободы совести стало принятие рекомендаций конференции.

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

Ответственного секретаря Комиссии по вопросам религиозных объединений при Правительстве Российской Федерации
Себенцова А.Е.

Приветствую участников конференции, представляющих широкий круг людей, работающих в сфере государственно-конфессиональных отношений. Познакомившись со списком из 54 участников, я обнаружил в нем 14 представителей философских наук и 16 юристов, 33 человека имеют ученые степени доктора и кандидата наук, 29 – звания профессоров и доцентов, немало и научной молодежи, аспирантов – это свидетельство высокого уровня научного и общественного интереса к теме конференции, наличия в Екатеринбурге мощного научного сообщества, а также и таланта организаторов конференции.

Россия – многонациональная, многоязычная страна, многие народы имеют свои традиционные религии, оказавшие определяющее влияние на становление их культуры; исторически сложилось и многообразие религиозных направлений, приживавшихся среди населения вне зависимости от этнического фактора, укоренившихся и действующих на протяжении многих десятков лет.

Характерной для России чертой отношения к религии, однако, является массовое восприятие как нормы связи этнического происхождения с соответствующей традиционной религией, терпимость в отношении к традиции другого этноса, подозрительность в отношении исканий, приводящих к переходу в другую религию. Лишь в начале 20 века было отменено уголовное преследование за выход из православия.

В советский период, когда все религии подавлялись государством, религиозные различия скрывались за атеистической светскостью, хотя и здесь государство не пренебрегало политикой разделения, используя ее, прежде всего, против религиозных движений западного происхождения, которые воспринимались коммунистической машиной как вражеские происки. Современное движение к естественной духовной свободе и возрождению религии не свободно и от традиций императорской России, и от наносов коммунистического периода. Кроме того, в религиозных формах проявляется и неудовлетворенность отдельными сторонами жизни, да и другие государства и международные сообщества для реализации своих политических интересов активно используют религиозные факторы, поддерживая желаемое им развитие событий идейными обоснованиями и деньгами. Все это вместе отражается в активности религиозных объединений, имеющих собственные представления о вариантах идеала обще-

ственного устройства, и в деятельности граждан, для которых религиозные мотивы поведения становятся значимыми.

Государственные деятели, чиновники, на протяжении многих лет привыкшие к жизни в индоктринализированной среде, неуютно чувствуют себя в условиях отсутствия государственной идеологии, и порой пытаются найти ее в религии. Все это создает своеобразный духовный климат, в котором состояние государственно-конфессиональных отношений может существенно колебаться, а дальнейшее развитие предсказать трудно. Религиозные организации проявляют высокую общественную активность, многие приняли свои концепции социального служения, ведут наступательную политику, в том числе предъявляя требования к государству. Особенно активна РПЦ, достаточно вспомнить образовательные чтения и дискуссию по ОПК, систематические заседания Всемирного русского народного собора, обсуждавшего проблемы и морали, и бедности, Всемирный саммит религиозных лидеров в Москве в 2006 году с участием большинства "религиозных традиций", с ее подачи Министр иностранных дел РФ 28 сентября, выступая на Генеральной Ассамблее ООН внес предложение о создании при ООН межрелигиозного форума.

Все это вызывает обоснованный интерес научной интеллигенции, практических работников, и сегодняшняя наша встреча, очевидно, внесет свою лепту в осознание происходящего и формирование знаний и представлений, необходимых для разрешения накопившихся и возникающих в обществе противоречий и проблем.

Желаю Вам плодотворной работы в ходе открывающейся конференции.

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

Генерального Консула США Д. Степанчука

Уважаемые участники конференции, дорогие друзья!

Для меня большая честь принять участие в этом форуме, который приурочен к десятилетию российского федерального закона «О свободе совести». Для нас, американцев, свобода совести – это один из важнейших принципов, лежащих в основе демократического общества. Ведь Соединенные Штаты создавались людьми, которые устремлялись в Америку из разных стран мира, спасаясь, в том числе, и от преследований за свою веру. С самого начала истории США в нашей стране бок о бок жили люди самых разных религиозных убеждений. Такое мирное сосуществование возможно только в условиях подлинной толерантности, уважения к вере и традициям других людей. Вот почему мы считаем толерантность одной из базовых ценностей свободного человеческого общества.

Принципы свободы совести и толерантности не в меньшей мере актуальны и для России. Ведь российское общество, как и американское, состоит из многих этнических групп и объединяет людей разных религиозных убеждений. Отрадно поэтому, что эта тема привлекает внимание как представителей общественности, так и институтов власти. Не сомневаюсь, что эта конференция послужит делу взаимопонимания между представителями различных конфессий и дальнейшему укреплению веротерпимости в России.

Желаю вам большого успеха в вашей полезной и важной работе!

Спасибо за внимание.

Себенцов А.Е. (г. Москва)

Доклад на пленарном заседании

ДЕСЯТЬ ЛЕТ – ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О СВОБОДЕ СОВЕСТИ И РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЯХ

Наша конференция посвящена 10-летию принятия Федерального закона "О свободе совести и о религиозных объединениях", и мое выступление касается нормативной основы государственно-конфессиональных отношений, обеспечения свободы совести и деятельности религиозных объединений.

Нормотворчество – одна из самых необходимых форм освоения мира, включающая познание связей в обществе и упорядочение поведения человека в нем. Это бесконечный и неравномерный процесс, а в меняющемся обществе - противоречивый и скоротечный, и за небольшое время возможны серьезные подвижки и даже переходы из одной крайности в другую.

В 1990 г. были практически одновременно приняты взвешенный закон СССР «О свободе совести и религиозных организациях» и либеральный закон РСФСР «О свободе вероисповеданий». Распад Союза и утрата действия его законов оставили закон РСФСР единственным регулятором отношений между государством и религиозными объединениями, либерализм закона существенно разошелся с российскими традициями, в результате возникли реакционные поправки в закон, по сути отменяющие свободу совести. Они были отброшены в 1993 г. вместе с Верховным Советом РФ, была принята новая Конституция Российской Федерации, и потребовалось еще 4 года, чтобы найти компромисс, воплощенный в Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» № 125-ФЗ от 26 сентября 1997 г.

Компромисс в сочетании с традиционным для России характером отношения к исполнению законов оказался довольно удачным, то есть баланс между защитой прав человека на свободу совести и фактически накладываемыми в соответствии с законом ограничениями не создал принципиальных проблем ни для государства, ни для граждан, ни для религиозных объединений. Особенностью правоприменения оказались: (1) отсутствие федерального органа исполнительной власти, профессионально работающего в сфере государственно–конфессиональных отношений, (2) неготовность российских судов к рассмотрению деликатных вопросов, связанных с вероучительными проблемами, и принятие ими ряда неудач-

ных решений, позволяющих оспорить их в Европейском суде по правам человека, (3) фактически конфессиональная ориентированность многих государственных служащих и руководителей, в том числе в органах, осуществляющих правосудие и надзор за законностью, (4) связанное со всем изложенным отсутствие внятной политики в государственно-конфессиональных отношениях, а в текущей жизни - практическая симфония государства с наиболее массовыми религиозными организациями. В последнее время (5) складываются предпосылки для нового правового продвижения в связи с решениями Европейского суда по правам человека.

Правовые проблемы нередко выявляются на основе сложившейся практики. Так, обсуждение проблем светскости возникло в связи с введением в муниципальной школе под вывеской культурологической дисциплины преподавания предмета, по мнению многих имеющего вероучительный характер – ОПК. Подобное же фактическое введение в республиках с преимущественно мусульманским населением преподавания исламского вероучения в силу определенных обстоятельств прошло практически беззвучно.

Церковь выдвигает серьезные аргументы за включение муниципальной школы в распространение религиозных представлений. Вот как об этом заявил митрополит Кирилл 20 апреля 2007 г. «Известия»: *"Работа Церкви – это в первую очередь воспитание людей с детства. Почему мы настаиваем на том, чтобы курс "Основы православной культуры" преподавался в школах? Потому что в этом случае мы сможем включить в систему нравственного воспитания подрастающего поколения религиозную мотивацию, а это очень важно. Почему нельзя дерево ломать? Не только потому, что это неэстетично, а потому, что это грех. Почему нельзя цветы с клумбы рвать? Потому, что это грех. Почему нельзя кошку схватить за хвост и о стену треснуть? Грех! Ибо, как ты со слабым и зависимым поступишь, так и Бог с тобой обойдется".*

Вместе с тем, обучение религии в школе, включение ее в воспитание верующего человека может дать и серьезные побочные эффекты. При этом распространенным мнением является необходимость допуска в школу только традиционных религий, что слабо соответствует принципам равенства религиозных объединений перед законом (ст. 14/2 Конституции Российской Федерации, далее - КРФ) и равенства прав граждан вне зависимости от отношения к религии (КРФ ст. 19/2). Конкурирующая идея – об обязанности государства дать школьникам определенный объем знаний о всех религиозных традициях России и о некоторых религиозных исканиях, как основу взаимопонимания и толерантности, встречает понимание не во всех религиозных организациях.

Другие нормы закона, предписывающие светскость государственной службы и недопустимость использования государственными и муниципальными служащими, а также военнослужащими своего служебного по-

ложения для формирования у подчиненных того или иного отношения к религии, находятся в дремлющем состоянии. Распространение миссионерской деятельности в военных структурах было отмечено Генеральной прокуратурой в форме разработки законопроекта, узаконивающего эту практику. Закон даже не внесен, а проблема снялась, совесть спокойна. Проходят слеты полковых священников, на территориях множества воинских частей построены и действуют храмы, фактически в частях образуются религиозные группы, хотя Закон не предусматривает (ст. 6/3) создания религиозных объединений в органах государственной власти, других государственных органах, государственных учреждениях и органах местного самоуправления, воинских частях, государственных и муниципальных организациях.

Недавно («Интерфакс» 07.06.07, выступление на Круглом столе в Государственной Думе РФ в июне 2007 г.) директор ФСИН Ю.И. Калинин предложил ввести в штат службы тюремных священников: "Доступ священнослужителей в исправительные учреждения открыт уже 17 лет. У нас 1052 подразделения, а число храмов и молельных комнат также превышает тысячу". Нет спора, миссионерская деятельность в местах заключения естественна и необходима, речь лишь о нормативной основе для нее, обеспечении условий религиозного служения, причем не только для священнослужителей РПЦ.

Вызывает сомнения и правоприменительная практика, вернее – ее отсутствие – с оценкой деятельности сектоведов: они достаточно наглядно сеют религиозную рознь и обосновывают дискриминацию граждан по признаку религиозной принадлежности, но тема вяло обсуждается, а око закона смотрит на это спокойно, и ненормативный термин "деструктивные секты" звучит порой даже из уст прокуроров.

То есть, реальная жизнь развивается, возникает новая религиозная обстановка и практика государственно-конфессиональных отношений, не во всем находят отражение в изменениях законодательства.

Федеральный закон 1997 г. остается стержнем, обеспечивающим в основном реализацию прав человека на свободу совести, предусмотренных Конституцией РФ. Непосредственно в него вносились сравнительно незначительные по содержанию изменения *(продление сроков перерегистрации, уточнение порядка регистрации юридических лиц, несколько слов в связи с введением закона о противодействии экстремистской деятельности).* Самое последнее изменение в связи с сокращением срока службы по призыву исключило нормы о праве на отсрочку от призыва для священнослужителей и студентов духовных учебных заведений. Тем не менее, развитие законодательства о свободе совести и религиозных объединениях продолжается непрерывно, а новые предложения возникают постоянно, и есть несколько направлений, наиболее продуктивных в этом отношении.

Из свершившегося необходимо упомянуть федеральные законы: «О противодействии экстремистской деятельности» (2002), «Об альтернативной гражданской службе» (2002), «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (2002), Трудовой (2001), Земельный (2001, с изменениями 2004) и Налоговый (1999, с изменениями по 2004 г.) кодексы. Учтены запросы религиозных организаций и граждан на обеспечение свободы совести в других кодексах - уголовно-исполнительном, уголовном, об административных правонарушениях, законе о приватизации.

Надо отметить, что при появлении новых законодательных актов иногда находятся пути для реализации сохранивших характер общего регулирования положений закона «О свободе совести и религиозных объединениях», а иногда его отдельные нормы фактически утрачивают силу и заменяются новыми нормами. Например, с выходом Трудового кодекса, детально регулирующего особенности трудовых отношений в религиозных организациях, нормы 24 статьи Закона фактически утратили силу. Наоборот, с выходом Земельного кодекса положения о собственности статей 21 и 22 Закона 1997 г. наполнились новым содержанием. То же произошло с принятием Закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», которым открылась возможность передачи религиозным организациям в собственность памятников культуры.

Из законов, оказавших существенное влияние на исполнимость норм «нашего» Закона 1997 г., необходимо отметить знаменитый Закон 122-ФЗ 2004 г., который снял государственное финансирование преподавания общеобразовательных предметов в частных школах – и перевел таким образом в дремлющее состояние норму пункта 3 статьи 4 в части оказания государством финансовой, материальной и иной помощи религиозным организациям в обеспечении преподавания общеобразовательных дисциплин в образовательных учреждениях, созданных религиозными организациями в соответствии с законодательством Российской Федерации об образовании. Православные, мусульманские и другие религиозные гимназии попали в результате в трудное положение.

Некоторые акты оказывают на положение религиозных объединений явное и понятное воздействие, некоторые порождают дополнительную неопределенность. Так, изменения в часть I Гражданского кодекса Российской Федерации, принятые Федеральным законом № 6-ФЗ от 3 января 2006 г. четко зафиксировали неприменимость процедур банкротства к религиозным организациям. А, например, статья 288 ГК, установив, что жилое помещение предназначено исключительно для проживания граждан, запретила размещать в жилых помещениях производства, организации же разрешила размещать только после перевода помещения в нежилые. В какой мере это распространяется на местные религиозные органи-

зации – общины, вообще говоря, остается неясным. Работники Федеральной регистрационной службы (Росрегистрации) чаще трактуют, что распространяется.

Существенно повлияло на отношения религиозных организаций с государством изменение, внесенное принятым в январе 2006 г. законом № 18-ФЗ в Закон «О некоммерческих организациях». Распространяясь на все виды некоммерческих организаций, новая редакция статьи 32 этого Закона дополнила инструменты государственного контроля за деятельностью религиозных объединений, ранее ограниченные 25 статьей Закона о свободе совести. «Уполномоченным государственным органам» теперь предоставлены широкие полномочия, вплоть до "участия" в мероприятиях, проводимых любой, в т.ч. религиозной, некоммерческой организацией.

В ее реализацию и с учетом структуры федеральных органов исполнительной власти выпущены также постановление Правительства (№ 212 от 15.04.2006 г.) и Указ Президента Российской Федерации (№ 450 от 02.05.2006 г.) о внесении изменений в вопросы и положение о Федеральной регистрационной службе. На рубеже 2006 – 2007 гг. дружно выраженный религиозными организациями протест привел к упрощению форм отчетности для них, и будущая судьба этих норм не вполне ясна.

Другой закон, подписанный 29 апреля 2006 г., внес изменения в Кодекс об административных правонарушениях (КоАП), включив в него статью 20.28, установившую ответственность за организацию деятельности общественного или религиозного объединения, в отношении которого принято решение о приостановлении его деятельности. Напомню, что Уголовный Кодекс Российской Федерации уже предусмотрел ответственность за деятельность запрещенного и ликвидированного объединения.

Слабая продуманность репрессивных мер видна на примере Свидетелей Иеговы, которые в Москве попытались провести религиозное мероприятие – при том, что деятельность их московской организации запрещена. Прокуратура, опираясь на статью 282.2 Уголовного кодекса, должна бы обратиться в суд, требуя для граждан, нарушивших запрет, привлечения к ответственности организаторов (минимальная – штраф 40 тысяч рублей, максимальная – до 3 лет лишения свободы) и участников (соответственно, 20 тысяч рублей и до 2 лет). В какой мере не запрещенная судебным решением Петербургская организация вправе или не в праве организовывать для единоверцев религиозное мероприятие в Москве? Как представляется, тут есть, о чем задуматься и судьям, и законодателям. Насколько эффективны предусмотренные законом санкции?

Недавно Государственная Дума отвергла внесенный Кабардино-Балкарией законопроект по ужесточению мер административной ответственности религиозных организаций. Мотивом была недостаточная проработанность, сама же необходимость такого шага сомнения у палаты не

вызывала. Заинтересованным комитетам предложено поработать и внести более комплексные предложения. Учитывая, что гонения на религию в более или менее демократическом обществе всегда содействовали ее укреплению и распространению, верна ли репрессивно ориентированная политика в отношении религиозных объединений? И пробовал ли кто-нибудь провести мысленный эксперимент – можно ли применить жесткое законодательство к нашей самой массовой религии, православию? Или никто никогда не слышал экстремистских высказываний от православных или называющих себя православными?

Нередки случаи, когда на религиозных организациях отражаются решения, принимаемые в совершенно других целях. Например, изобилие фирм-однодневок и фактическая невозможность проводить расчистку от них реестра юридических лиц через ликвидацию по судебным решениям привели к внесению в 2005 г. в закон "О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей" 2001 г. № 129-ФЗ статьи 21.1, позволяющей исключить из ЕГРЮЛ юрлицо, не представившее в налоговые органы документов отчетности, не имевшее движение на банковских счетах. Причем исключает Федеральная налоговая служба без информирования и самой организации, и Росрегистрации! Уже десятки религиозных организаций попали в такое положение. И хотя ведение хозяйственной деятельности - не главное для них, но неимущественные права, связанные с регистрацией, незаметно утрачиваются, что явно не должно происходить.

Таким образом, мы подошли к теме совершенствования законодательства. Эти вопросы находятся в разной степени зрелости, я расскажу о наиболее значимых. Источник законопроектов о традиционных религиях временно затих, а группа последователей "Справедливой России" заявила о готовности инициировать изменения Конституции РФ по исключению норм о равенстве религий перед законом. Вообще же идей много и иногда из серии "нарочно не придумаешь". Например, есть законопроекты о возвращении РФ к летоисчислению по юлианскому календарю, чтобы устранить разницу между гражданским календарем и церковным, об обязательном преподавании в муниципальной школе ОПК, о приравнении научно-атеистических учреждений по всем правам к религиозным организациям. Перспектива их принятия ничтожна. Есть другие, более насущные вопросы, которые обсуждаются достаточно давно.

Первый (по длительности обсуждения, с 2004 г.) – изменение Федерального закона "О свободе совести и религиозных объединениях" и/или только постановления Правительства в части государственной религиоведческой экспертизы. Здесь две темы: первая связана с изменением административного устройства органов, принимающих решение о государственной регистрации. Росрегистрация с 2004 г. стала единым федеральным органом, в котором вполне может быть один единственный совет по

государственной религиоведческой экспертизе, а советы, создаваемые администрациями субъектов РФ утратили значение для регистрации религиозных организаций. Это не исключает их "пересоздания" для иных целей, необходимых указанным администрациям. Вторая тема – предложения о расширении функций государственной религиоведческой экспертизы, которую можно бы проводить не только в момент создания организации, но и при оценке ее деятельности, например, по результатам контроля, осуществляемого Росрегистрацией в силу 32 статьи закона "О некоммерческих организациях".

Постоянно возникают предложения о принятии закона в целях противодействии незаконной миссионерской деятельности или о миссионерской деятельности, в виде отдельного акта или изменений в закон о свободе совести.

Международные акты, участником которых является Россия, и Конституция Российской Федерации предусматривают право каждого свободно распространять религиозные убеждения. Права и свободы человека могут быть ограничены только федеральным законом и в той мере, в которой это необходимо (в международных актах уточняется "в демократическом обществе") в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Миссионерство – распространение религиозных убеждений среди тех, кто не является их приверженцами. И постоянные предложения и попытки ограничить миссионерскую деятельность иностранцев, а также чрезмерно (с назойливым приставанием к гражданам) активно ведущуюся деятельность отечественных представителей некоторых новых для России религий слабо обоснованы с точки зрения права. За ними видны усилия одних религиозных организаций по противостоянию наступательной деятельности других, что понятно, но вряд ли достаточно для принятия законодательных актов. Минюст России неоднократно искал ответ между интересом одних и правом других и пока не нашел ничего содержательного, кроме цитат из сомнительных в правовом отношении актов о миссионерстве, принимавшихся в субъектах Российской Федерации.

Вместе с тем, видимо, есть случаи, когда миссионерскую деятельность можно ограничить. Бесспорным, на мой взгляд, является случай, когда религиозная вера распространяется среди несовершеннолетних против воли их родителей или без согласия их иных законных представителей.

Но более актуальным представляется открытие для миссионерской деятельности тех сфер, где она фактически уже ведется, в первую очередь учреждений системы исполнения наказаний. Так что тема пока перспективна для законодательных инициатив.

Необходимо так же несколько слов сказать об образовании и о свободе совести – о праве духовных образовательных учреждений реализо-

вывать государственные образовательные стандарты и выдавать документы государственного образца.

Проблема связана с религиозным образованием, прежде всего с той подготовкой, которую получают священнослужители и богословы. От них люди ждут религиозного вдохновления на повседневную деятельность, жизненных установок. Из созданных многие века назад священных книг не каждому человеку дано самостоятельно извлечь то, что необходимо для формирования мировоззрения в современном мире. А жизнь выдвигает все новые проблемы, требующие осмысления и активной позиции каждого гражданина.

Сложилась парадоксальная ситуация. Террористы находят вдохновение и оправдание своей деятельности в исламе, одной из самых распространенных в России мировых религий. Подготовкой исламского духовенства (термин условный) для нашей страны озабочены арабские страны, в том числе Саудовская Аравия, которые выделяют на эти цели средства. Эти страны приглашают тысячи молодых россиян на обучение к себе, где они получают высокий уровень религиозной подготовки и вместе с ним чуждые нашей стране жизненные установки. У нас же в стране на пустом месте создаться мусульманское религиозное образование не может. Причем саудовцам поддерживать наших мусульман можно (и заказывать соответствующую "музыку"), они наших мусульман от своего исламского мира не отделяют, а нашему государству нельзя, мы религию от него отделили.

В этих условиях представляется логичным оказание государством определенной помощи в формировании отечественной системы подготовки священнослужителей, которые могут соответствовать вызовам времени. В связи с этим ведется проработка изменений в законодательстве о свободе совести и в законодательстве об образовании, открывающих пути для подготовки в духовных образовательных учреждениях высокообразованных специалистов, в том числе по государственным образовательным стандартам.

Здесь имеется в виду дать возможность духовным образовательным учреждениям аккредитовывать определенные программы (например, теологию, историю, философию и другие, знания, по которым необходимы современным священнослужителям) и выдавать признаваемые повсеместно дипломы, заверенные печатью учебного заведения. При этом само учебное заведение не получает государственного статуса (университет – академия – институт), а остается религиозной организацией, действующей под своим названием (Екатеринбургская православная семинария Екатеринбургской и Верхотурской епархии Русской православной церкви или Российский исламский университет Совета муфтиев России). Эта мера позволит, хотя бы для обучающихся по аккредитованным программам, обеспечить равенство студентов и выпускников духовных и светских ВУ-

Зов. Такой законопроект разработан под руководством Комиссии и внесен двумя депутатами – председателями комитетов Государственной Думы.

Одновременно внесен и проект изменения закона "О высшем и послевузовском профессиональном образовании" в части имущества – в ст.10. Сегодня "лицензии высшим учебным заведениям независимо от их организационно-правовых форм, … могут быть выданы лишь при наличии у них на правах собственника, оперативного управления, аренды или самостоятельного распоряжения необходимой учебно-материальной базы". А большинство духовных учебных заведений имеют здания в безвозмездном пользовании – что и необходимо дополнить в закон.

На стадии согласования концепции находится законопроект "О передаче имущества религиозного назначения религиозным организациям". Возрождение в российском обществе духовной жажды, обращение к своим корням целых народов, получило ответ в активной деятельности религиозных организаций, прежде всего культурообразующих для народов Российской Федерации. И эта деятельность нуждается в культовом имуществе и финансах, одним из источником которых также является имущество. Разработку ведет Минэкономразвития России по поручению Комиссии по вопросам религиозных организаций при Правительстве Российской Федерации. Сегодня значительная часть храмов остается в государственной собственности, а действующее постановление Правительства по порядку передачи такого имущества, во-первых, распространяется только на федеральное имущество, во-вторых, не предусматривает обязательности передачи имущества религиозного назначения по должному обращению, и не может выйти за эти рамки без нового законодательного предписания. Имеющийся закон устанавливает только бесплатность передачи. Необходимо определить понятие имущества религиозного назначения, случаи и условия обязанности передачи, режим ограничения в гражданском обороте имущества религиозного назначения до его передачи религиозным организациям, а возможно – и после.

О льготах некоммерческим (в т.ч. религиозным) организациям, ведущим благотворительную деятельность, Минэкономразвития России разрабатываются предложения в закон о благотворительности, о некоммерческих организациях, Налоговый кодекс. Законопроект находится также на стадии согласования концепции.

Пока не разрабатываются, но складываются условия для постановки вопроса о разработке законопроектов на следующих направлениях:

Достойны анализа результаты действия в 2007 г. статьи 32 Федерального закона "О некоммерческих организациях". При анализе стоит обратить внимание на парадоксы с информированием о продолжении деятельности – отчеты по ст.32, информирование по закону о свободе совести ст. 8, с учетом упомянутой статьи 21.1 закона о регистрации юрлиц. Информируют всех, а тем временем произвольно исключают из реестра.

"О некоммерческих организациях" – в части регистрации эмблем и символов. Закон установил:

Статья 3. Правовое положение некоммерческой организации

4. Некоммерческая организация имеет печать с полным наименованием этой некоммерческой организации на русском языке.

Некоммерческая организация вправе иметь штампы и бланки со своим наименованием, а также зарегистрированную в установленном порядке эмблему.

Вот в части "установленного порядка" регистрации эмблем, особенно эмблем религиозного характера, существует пробел, нуждающийся в заполнении. Уже сегодня Росрегистрация задает вопрос по эмблемам при принятии решения о регистрации религиозных организаций и загоняет их порой в тупик.

Есть и еще одна серьезная проблема, носящая общий характер, но в отношении религиозных объединений проявившаяся в последнее время в связи с принятием Европейским судом по правам человека решений по российским религиозным организациям – это необходимость установления законом порядка реализации решений Европейского суда по правам человека. Эта тема требует отдельного времени, я думаю, мы коснемся ее в ходе предусмотренной на завтра лекции-дискуссии.

В российской правоприменительной практике большое значение имеют и подзаконные акты, иногда в значительной степени влияющие на применение законов. Например, деятельность по оказанию услуг может приносить доход, который подлежит налогообложению. А классификатор услуг населению разрабатывается Ростехрегулированием и Росстатом. Недавно был прецедент, когда в одном из субъектов Российской Федерации обложили налогом "религиозные услуги" по крещению и отпеванию. После вмешательства Комиссии по вопросам религиозных объединений при Правительстве Российской Федерации областной закон был исправлен, запись в классификаторе тоже, но появление аналогичных нормативных аномалий не исключено. При создании еще двух классификаторов – "индивидуального потребления домашних хозяйств по целям" и "продукции по видам экономической деятельности" история повторилась, в частности, предусматривались "миссионерские услуги" и "монашеские услуги". Воображения не хватает, чтобы представить – что это такое и зачем вводится в нормативное поле, своевременное вмешательство приостановило это творчество.

Предсказать изыски творческой мысли невозможно, но будем надеяться, что в сочетании с демократическими процедурами и административным присмотром процесс нормативного регулирования реализации права на свободу совести и дальше удержится в рамках, диктуемых интересами общества.

Антонова О.И. (г.Екатеринбург)

СОЦИАЛЬНОЕ СЛУЖЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЩНОСТЕЙ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Декларация принципов толерантности, утвержденная резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года определяет толерантность как уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений. Толерантность - это добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене культуры войны культурой мира. Она предполагает активное отношение, формируемое на основе признания универсальных прав и основных свобод человека. Ни при каких обстоятельствах толерантность не может служить оправданием посягательств на эти основные ценности, толерантность должны проявлять отдельные люди, группы и государства. Толерантность - это обязанность способствовать утверждению прав человека, плюрализма (в том числе культурного плюрализма), демократии и правопорядка.

О толерантности в условиях сильной церковной цензуры писали Дж. Локк в "Очерках о терпимости" и "Письмах о терпимости", П. Бейль в нескольких своих философских сочинениях. Как философская категория толерантность была сформулирована в связи с проблемой нетерпимости и первоначально воспринята как осмысление итогов Тридцатилетней войны, в ходе которой представители враждующих религиозных конфессий почти поголовно истребили друг друга.

Значительная часть экспертов признает, что особенности российской и советской истории, связанные с имперским прошлым и советской национальной политикой, во многом обусловили существующие в современном российском обществе формы расовой дискриминации, ксенофобии и нетерпимости. К изначальным предпосылкам ксенофобии, как отмечает А.Малашенко в статье "Ксенофобии в постсоветском обществе", могут быть отнесены традиции и преставления роли и идеологии русского (позже российского) государства: Россия - наследница Византии, Москва - "третий Рим", абсолютная истина - в православии. После революции 1917 года официальная советская идеология фактически санкционировала существование ксенофобии как таковой. Советский Союз и созданное в его рамках общество были провозглашены высшим достижением человеческой мысли и практики. На смену православию пришел государственный атеизм: "чужаком" стал верующий.

Говоря о религиозной фобии, прежде всего, следует остановиться на дискриминации по отношению к новым "нетрадиционным" религиям -

она сегодня особенно остра в России, Центральной и Восточной Европе. Если в столице основная масса не выкрикивает лозунгов, призывающих запретить какие-либо религиозные группы, то в провинции большинство настроено к нетрадиционным религиям крайне отрицательно. При этом забывается, что когда-то нашими предками зарождение и распространение христианства или ислама также рассматривалось как воинствующее инакомыслие. Провозглашается тезис, что искоренение инакомыслия позволит достичь в государстве желанного единства и порядка. Увы, история доказывает, что насильственными действиями этого не добиться.

Толерантность – это прежде всего взаимодействие людей, осуществляющих совместную деятельность, основанную на принципах взаимоуважения и терпимости.

Одним из видов деятельности религиозных общностей является *внекультовая религиозная деятельность*. Она реализуется в духовной и практической сферах:

- сочинения богословов, разработка религиозных догматов, богословская полемика, решение экуменических проблем /1/, систематизация и интерпретация догматов теологии и т. д. /2/. Примером этому может служить англикано-православный диалог, который ведется между двумя конфессиями уже не одно столетие /3/;

- деятельность руководящих религиозных органов по вопросам взаимоотношений с различными религиозными объединениями; встречи руководителей религиозных организаций с государственными, общественными и религиозными деятелями; написание и подготовка различных посланий руководителей конфессий, проведение Поместных и Архиерейских соборов, епархиальных собраний и т. д. /4/;

- проведение международных, региональных, областных и городских конференций и фестивалей: Международные рождественские образовательные чтения, Всемирный русский народный собор и т. п. /5/; конференции, посвященные межконфессиональному диалогу, государственно-конфессиональным отношениям и т.п. /6/;

- миссионерская деятельность. К примеру, работа Миссионерского отдела РПЦ, возрожденного на Архиерейском Соборе в 1994 г., проводится по следующим направлениям и формам: организация различных миссионерских форумов (встреч, дискуссий, конференций, круглых столов); миссионерские экспедиции, организация и деятельность миссионерских приходов и столов; разработка концепций миссионерской деятельности РПЦ; образовательно-воспитательная деятельность и сотрудничество со СМИ и т.п. /7/; организация православных клубов /8/;

- работа с военнослужащими и молодежью, в частности, Синодального отдела Московской Патриархии «По взаимодействию с Вооруженными Силами и правоохранительными учреждениями» и «Отдела по делам молодежи»; Совета муфтиев России /9/;

- деятельность учебных заведений: у РПЦ, к примеру, сюда входят как высшие духовные заведения (Духовная семинария в Сергеево-Посадской Лавре, Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный Университет и т.д.), так и церковно-приходские школы;

- издательская деятельность (религиозные журналы, газеты, радио и телевидение и т.д.) /10/;

- производство средств религиозного культа (в частности, на крупном заводе г. Софрино Московской обл.) и другая деятельность.

Нерелигиозная деятельность религиозных субъектов. Такая деятельность зачатую религиозно окрашена, поскольку в качестве одного из ее мотивов выступает религиозный. Но по своему глубинному содержанию, предмету и результатам она внерелигиозна. На наш взгляд, в данном виде религиозной деятельности целесообразно выделить 2 подвида: - деятельность обеспечительная (строительство храмов, финансовая отчетность); она – условие осуществления религиозной культовой деятельности; и участие в решении социальных проблем (социальное служение).

Примером нерелигиозной деятельности является протестантское понимание значимости трудовой деятельности, которая в кальвинистской трактовке приобретала форму сакрального действа /11/. Другим примером может служить социальное служение клира и мирян. Данное служение может осуществляться как под непосредственным руководством священнослужителей, так и при «автономном» служении простых верующих, объединенных для выполнения целей благотворительности и милосердия. Для первой формы социальной деятельности характерны следующие виды служения (на примере Русской Православной Церкви) /12/: православные братства и сестричества, социальная деятельность мужских и женских монастырей; дома престарелых (богадельни) при церквях; благотворительные центры и приюты для бездомных при церквях; церковное попечительство над заключенными в соответствующих учреждениях; патронажная деятельность сестричеств и общин милосердия; православные центры помощи детям-инвалидам; детские дома при храмах и монастырях; центры реабилитации наркоманов при храмах; благотворительные столовые при храмах и т.п.

Для второй формы социальной деятельности характерны следующие виды служения, проводящиеся, как правило, по благословению священнослужителей: адаптационно-реабилитационные центры для бездомных; социально-реабилитационные центры для несовершеннолетних; ассоциации помощи детям-инвалидам, центры лечебной педагогики; реабилитационные центры медико-социальной и психолого-педагогической помощи беспризорным детям; благотворительные фонды; региональные общественные организации по работе с наркоманами; социально-медицинские станции; группы сестер милосердия при медицинских училищах и т. п.

В своей деятельности религиозные общности исходят из следующих религиозных критериев:

- социальное служение строится на принципе социальной справедливости, которая предусматривает неотъемлемость принадлежащих человеку прав. Они даны ему Богом и определяют его достоинство;

- верующий должен заботиться не только о собственном благополучии, но непременно и об улучшении качества жизни других людей. «Сознавая ценность каждой человеческой личности, созданной Творцом по Его образу и подобию, - записано, к примеру, в «Социальной позиции протестантских церквей России», - мы определяем «ближнего» не по конфессиональной, национальной или родственной принадлежности» /13/ Мотивом благотворительности религиозных общностей в данном случае служат не реклама конфессиональных добродетелей или стремление к самоутверждению, а религиозный принцип необходимости помощи ближнему;

- солидарность и максимальное участие в социальном служении, основанное на взаимоуважении и взаимной ответственности;

- сотрудничество и партнерство с государственными, общественными и религиозными организациями в их деятельности в социальной сфере и др. Религиозные объединения осуществляют это сотрудничество при помощи различных религиозных институтов, начиная от местных, церковных общин и заканчивая работой специализированных отделов Церкви.

Литература

1. *См.: Журнал Московской Патриархии. – 2002. - №11. – С. 9-11.*
2. *См.: Васильева О.Ю. Осень патриархов. К вопросу о взаимоотношениях Московской и Вселенской Патриархий в XX столетии // Православный палестинский сборник. Выпуск 100. М., 2003. С. 28.*
3. *См.: Михаил, епископ. Из истории взаимоотношений Русской и Англиканской Церквей // Журнал Московской патриархии. – 1956. - №. 10. – С. 38-39; Резюме собеседований православных и англиканских богословов, принятых на заседаниях от 16-23 июня 1956 года // Журнал Московской Патриархии. – 1956. - № 9. – С. 34-36; Собеседование по доктринальным вопросам // Журнал Московской Патриархии. – 1990. - №3. – С. 66-67; Там же. 1991. - № 6. – С. 64 и т.д.*
4. *См.: Определение Священного Синода о подписании Акта о каноническом общении и восстановления единства внутри Поместной Православной Церкви // Журнал Московской Патриархии. – 2007. - №9. – С. – 4-23; Встречи Святейшего патриарха Алексия II с государственными, общественными и религиозными деятелями // Журнал Московской Патриархии. – 2007. - №8. – С. 6-9 и др.*
5. *См.: Журнал Московской Патриархии. – 2006. - №12. – с. 22-27; Там же. 2007. - №3. – С. 22-30.*
6. *См.: Межконфессиональный мир и консолидация общества: Материалы международной конференции (Москва, 27-28 февраля 1997 г.). М., 1997.*

7. См.: Православная миссия на рубеже веков // Журнал Московской Патриархии. – 2006. - №12.- С. 32-40.
8. См.: Клуб православной молодежи // Журнал Московской Патриархии. – 2006. - №11. – С. 50-51.
9. См.: Методические рекомендации по работе с военными строителями-мусульманами. М., 2004.
10. См.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия» // Журнал Московской Патриархии. – 2007. - №4. – С. 54-65.
11. См.: Вебер М. Этика протестантизма и дух капитализма // Избранные произведения. М., 1990. С. 125129; Булгаков С.Н. Народное хозяйство и религиозная личность // Сочинения в двух томах. Т. 2. М., 1993. С. 347-359; Сторчак В.М., Макеев А.В. Протестантизм и православие: этос труда и предпринимательства // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Информационно-аналитический бюллетень № 1. М., 2000.
12. См.: Чапнин С.В. Православная Москва. Справочник монастырей и храмов. М., 2006. С. 352-380.
13. Социальная позиция протестантских церквей России. С. 63.

Арцыбашев И.Г. (г. Екатеринбург)

ВЕРОТЕРПИМОСТЬ – ОСНОВНОЕ УСЛОВИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СВОБОДЫ СОВЕСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Произошедшие в нашей стране в 90-е гг. XX в. изменения в государственном и общественном устройстве привели к законодательному утверждению и практической реализации основных демократических принципов, в том числе свободы совести. В результате активизировалась организационная и религиозно-проповедническая деятельность как исторически традиционных для России конфессий, так и появившихся в большом количестве новых религиозных движений; значительно возросло число их верующих и, соответственно, усилилось влияние на различные стороны общественной жизни. Однако обратной стороной указанного процесса явились определённая нестабильность и повышение конфликтогенного потенциала в государственно-религиозных и межконфессиональных отношениях, сопровождающиеся ростом несвойственных отечественным культурным традициям проявлений нетерпимости, агрессивности, враждебности либо индифферентности. В этой связи на первый план выступила «тема взаимопонимания и взаимодействия, являющихся неотъемлемыми элементами» сотрудничества между людьми независимо от их вероисповедания. Речь идёт о проблеме веротерпимого сознания и поведения, которая в современных условиях приобрела особую актуальность, вплоть до её трансформации на уровень угрозы национальной безопасности. Это обусловлено тем, что только устойчивая гармония в отношениях,

взаимопонимание и конструктивный диалог приверженцев различных религиозных мировоззрений способны обеспечить стабильное и прогрессивное развитие общества и государства. Поэтому следует сосредоточиться «на поиске выходов из духовного кризиса, формировании системы ценностей и идеалов» /1/, способной обеспечить дальнейшую реализацию мер по утверждению в общественном сознании уважительного отношения к убеждениям и чувствам верующих и атеистов /2/. Таковой, на наш взгляд, является веротерпимость; наличие именно её в отношениях участников государственно-религиозного и межконфессионального взаимодействия может создать необходимые условия для обеспечения свободы совести в обществе.

Вопросы веротерпимости почти всегда привлекали к себе внимание философов, богословов, церковных иерархов, основателей конфессий, писателей, государственных деятелей. В частности, дефиниции этого понятия в той или иной форме нашли отражение в религиозно-философских трудах таких известных мыслителей, как Фома Аквинский, Дж. Локк, Дж. Ст. Милль, Ж. Боден, Максим Грек, Феодосий Косой, протопоп Аввакум, А.П. Куницын, В.С. Соловьёв, И.С. Аксаков, Л.Н. Толстой, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин и др. Рассмотрим наиболее концептуальные подходы, сформулированные у Дж. Локка и Л.Н. Толстого, имеющие не только существенное сходство, но и различия.

Так, Дж. Локк называет веротерпимость (взаимную и только христиан) основным критерием «истинной церкви». Проявляясь по отношению к «иному» (религиозному мировоззрению), она, по его мнению, естественным образом «согласуется с Евангелием и разумом». При этом веротерпимость заключается прежде всего в предоставлении каждому индивиду (при неукоснительном соблюдении его гражданских и человеческих прав) возможности свободно выбирать для себя то или иное вероучение, при этом в отношениях как между различными церквями, так и отдельными людьми, всегда в равной мере «должны уважаться мир, равенство и дружба без какого-либо правового преимущества».

Одновременно богослов предостерегает религиозных иерархов и проповедников от применения насилия в отношении последователей других вероучений, тех, кто стремится выйти из лона той или иной церкви, либо для привлечения новых верующих: «…ни огонь, ни меч не являются самыми подходящими орудиями для изобличения заблуждений и для просвещения или обращения людских умов». Для этого есть лишь «единственно верный способ – соединение веских доводов и доказательств с человечностью и доброжелательством».

Рассуждая о причинах возникновения «распрей и войн, возникавших в христианском мире во имя религии», Дж. Локк делает вывод о том, что ими являются не различия во взглядах, которых «нельзя избежать», а «нетерпимость к инакомыслящим», зачастую вызываемая такими «пустя-

ками», как споры о дороге, которой следует совершать паломничество в Иерусалим; нужно ли иметь при этом проводника, и какого – увенчанного митрой или облачённого в белую мантию; и т. д. Во избежание конфликтов среди «братьев-христиан, согласных между собой в важнейших вопросах религии», он предлагает игнорировать указанные «пустяки» или принимать их «без всякого ущерба для религии и спасения души», отказавшись от суеверия и лицемерия. Кроме того, для достижения уровня веротерпимости в отношениях друг с другом, церкви должны отказаться от споров об истинности догматов, а также от приоритетной поддержки правителей своих стран. Оба этих посыла обосновываются им следующим образом.

Во-первых, тем, что любая церковь считает истиной только свою веру, другие же религиозные учения воспринимает в качестве заблуждающихся или еретических; следовательно, в споре об истинности догматов, о верности обрядов все церкви «имеют равные основания». А посему, из-за отсутствия земного судьи, способного дать их позициям справедливую оценку, право принимать окончательное решение в этом вопросе принадлежит лишь «единственно одному верховному судье, вершащему суд над всеми людьми» и обладающему единоличным правом «порицать заблудшего», – Богу.

Во-вторых, как только та или иная церковь становится сильнее «благодаря благосклонности» того или иного правителя и его поддержке, «тотчас же мир нарушается и исчезает христианское человеколюбие» (и с этим трудно поспорить – достаточно, например, вспомнить факты использования Русской православной церковью административного ресурса государства против своих духовных оппонентов, особенно в досоветский период истории; к сожалению, нечто подобное начинает наблюдаться в её деятельности и в современных условиях). Если же такая поддержка отсутствует, то ей (церкви) вольно или невольно «приходится уважать взаимную терпимость».

В концепции Дж. Локка наблюдается и выраженное стремление ограничить число объектов веротерпимости, в частности исключить из них:

- догматы, враждебные и противные человеческому обществу и добрым нравам, необходимым для сохранения гражданского общества;
- тех, кто требует для «людей верующих, ортодоксальных, то есть для самих себя, каких-то привилегий в сравнении с остальными смертными и влияния в делах государства», стремится под прикрытием религиозных лозунгов «присвоить себе власть над людьми, не принадлежащими к их церковному сообществу и никак с ним не связанными»; отказывается призывать к терпимости по отношению ко всем, «не разделяющим их собственных религиозных взглядов»;

• религиозную организацию, «всякий вступающий в которую самим фактом своего вступления переходит на службу и в подчинение к другому государю, ведь в таком случае правитель в своей стране, в своих городах предоставил бы место чужеземной власти и сам бы позволил из своих граждан готовить воинов против своего же государства». В качестве примеров Дж. Локк приводит случаи принятия ислама или католичества гражданами тех стран, в которых эти вероучения не являлись господствующими. На первый взгляд, такой его подход можно считать некоторым проявлением религиозной нетерпимости. Однако не следует забывать о том, что в те времена подобные факты действительно могли заставить правителей некоторых стран задуматься о благонадёжности своих подданных. Впрочем, и сегодня данный подход средневекового мыслителя вновь актуализировался (в основном, по отношению к мусульманам) в США, Англии, Франции и некоторых других странах, особенно после череды известных трагических событий, начавшихся 11 сентября 2001 года;

• и, наконец, тех, кто «не признает существования божества» и «ниспровергает всякую религию», то есть атеистов, ибо для них «ни верность слову, ни договоры, ни клятвы, всё, на чём держится человеческое общество, не могут быть чем-то обязательным и священным» /3/ (здесь в первую очередь, прослеживается позиция Дж. Локка как верующего человека).

В свою очередь Л.Н. Толстой полагал, что веротерпимое отношение могут проявлять лишь христианская религия и «все люди, исповедующие» её, признающие себя в обладании «только известной степени истины». Но это свойство имманентно им тогда, когда они, встречая «новые для них, несогласные со своими, верования, не только не осуждают и не отбрасывают их, но радостно приветствуют, изучают, вновь проверяют по ним свои верования, откидывают то, что несогласно с разумом, принимают то, что уясняет и возвышает исповедуемую ими истину, и ещё более утверждаются в том, что одинаково во всех верованиях». Вместе с тем писатель изначально придерживается более категоричной оценки веротерпимости церкви – практически отказывает последней в праве иметь указанное свойство и в этом смысле отделяет её от христианской религии, как «несогласное с христианством и скорее враждебное ему» мирское учреждение. В частности, говорит, что по своему определению она «не может быть веротерпима». Это обусловлено тем, что любая церковь утверждает себя «единственной хранительницей полной, божеской, вечной, неизменной на все времена истины», в связи с чем каждая из них смотрит на всякое другое верование не иначе, как на «лживое, зловредное (или даже злонамеренное), влекущее людей в вечную погибель». А такое восприятие «иного» не может не сопровождаться употреблением насилия против «несогласных с собою вероучений» либо для принуждения людей верить в определённую «истину», особенно, если речь идёт о церкви, «соединён-

ной с властью» и поддерживаемой государством. Именно в такой церкви «не может быть веротерпимости».

Однако в конечном итоге данная позиция у Л.Н. Толстого смягчается. Для того, чтобы церковь могла стать дóлжным образом веротерпимой, он также предлагает ей отказаться от поддержки светской власти, в том числе финансовой (по его мнению, денежные средства привлекаются «посредством насилия и всегда суть орудия насилия»), а также от претензий на то, что лишь она «одна в истине, а другие все во лжи», поскольку истина открывается людям только самим Богом. И далее им делается вывод о том, что веротерпимым может быть «только истинное, свободное христианство, не связанное ни с какими мирскими учреждениями и потому ничего и никого не боящееся и имеющее целью только всё большее познание божеской истины» /4/ и воплощение её в жизни.

Таковы дефиниции веротерпимости, изложенные в концепциях Дж. Локка и Л.Н. Толстого. Несмотря на то, что они основаны на традициях христианства, их положения, как представляется, могут быть взяты за общую основу при обеспечении свободы совести в современном российском обществе.

Литература:

1. *Желудова Н.Ф. Путь к ненасилию в современном обществе // Идея ненасилия в XXI веке: Сборник научных докладов к международному симпозиуму-диалогу светских и религиозных учёных «Идея ненасилия и её пределы» (Пермь, 24-25 мая 2006 года). Пермь, 2006. С. 222-224.*
2. *Васильева О.Ю. Заключение // История религий в России: Учебник / Под общей ред. Васильевой О.Ю. и Трофимчука Н.А. М, 2004. С. 641.*
3. *Локк Дж. Послание о веротерпимости // Соч. в 3-х т. М, 1988. Т. 3. С. 91-103, 106, 123-125, 130.*
4. *Толстой Л.Н. О веротерпимости // Полн. собр. соч. в 90 т. М, 1952.Т. 34. С. 293-298.*

Быстров А. А. (г. Екатеринбург)

ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ СОВЕСТИ В ХРИСТИАНСТВЕ: ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ

Сегодня можно от всей души порадоваться за всех верующих нашей необъятной страны, и особенно за христиан, потому что право на свободу совести, а, следовательно, и на внутреннее развитие, и духовный рост охраняется государством. Дело в том, что только в христианстве во время гонений и преследований за веру на человека возлагается обязанность участвовать в духовном противостоянии, и его

участь в судный день ставится в зависимость от слов, произносимых им в это время. "… Кто постыдится Меня и Моих слов в роде сем прелюбодейном и грешном, того постыдится и Сын Человеческий, когда приидет в славе Отца Своего со святыми Ангелами" — четырежды эта мысль Иисуса Христа повторяется в Евангелиях (Мк 8: 38, Мф 10: 33, Лк 9: 26, 12: 9. Все приведенные в данной статье цитаты из Библии даны по Синодальному переводу. Сокращения в названиях книг Библии являются общепринятыми. Число до двоеточия означает номер главы, после двоеточия — номер или номера стихов). И дважды эту мысль предваряет обнадеживающее высказывание:

"… Всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным; А кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим Небесным" (Мф 10: 32-33, Лк 12: 8-9).

И обратим внимание, что слова «постыдиться» и «отречься» в данном случае несут одинаковый смысл: отречься — значит постыдиться.

Таким образом, дилемма ясна. Выбор линии поведения и исповедания всегда остается за человеком. Но это значит, что независимо от того, как складываются внешние обстоятельства, проблема свободы совести является исключительно внутренней проблемой индивида, проблемой выбора. И как положительное, так и отрицательное решение этой проблемы в каждом конкретном случае определяется духовным, то есть внутренним развитием человека.

Безусловно, время гонений и преследований за веру является своеобразным экзаменом в жизни верующих. Один выдерживает это испытание, делая положительный выбор, а другой изменяет своим внутренним убеждениям, решая проблему свободы совести отрицательно. Понятно, что отрицательный выбор показывает, что внутреннее развитие индивида не соответствует намеченной ранее им цели. Но было бы ошибочным полагать, что положительный выбор всегда является показателем соответствующего провозглашаемой цели внутреннего развития человека. Это обусловлено следующим:

Во-первых, решение индивида и его готовность отдать жизнь за идею, в данном случае за имя Иисуса Христа, может поколебаться при изменении обстоятельств. За примером далеко ходить не нужно – апостол Петр. Нет сомнений в искренности его слов: "Хотя бы надлежало мне и умереть с Тобою, не отрекусь от Тебя" (Мф 26: 35). И, заметим, не просто так "Петр, имея меч, извлек его, и ударил первосвященнического раба, и отсек ему правое ухо" (Ин 18: 10). А ведь выступил против них целый отряд, "множество народа с мечами и кольями, от первосвященников и старейшин народных" (Мф 26: 47). Но как только изменились обстоятельства, желание умереть с Иисусом сразу было

утрачено, поскольку Петр, готовый к героической смерти с мечом в руках, совершенно не был готов к оскорблениям и унижениям.

И другой случай, но не из библейской истории, а из истории христианства, рассказанный преподавателем одного московского библейского вуза в качестве напутственного слова выпускникам. Речь шла об одном миссионере – пастыре, основавшем новую церковь в небольшой деревушке и прожившем в той местности уже достаточно, чтобы со своими подопечными вместе встретить время гонений за веру. Все они оказались в тюрьме, и наутро была назначена казнь. Нет сомнений в том, что этот миссионер был готов в муках и страданиях умереть за Иисуса. Но он совершенно не был готов к предложению, поступившему от властей: если он не отречется от веры, то один за другим будут казнены все его друзья, а ему самому будет дарована жизнь. Так вот, этот миссионер предпочел отречься, сразу перечеркнув и все свои проповеди о том, что "у вас и волосы на голове все сочтены" (Лк 12: 7), и провозглашаемую веру в воскресение из мертвых.

Но самое интересное в данном случае, что этот номинальный, как оказалось, христианин, не прошедший испытание на прочность своей веры, был поставлен уважаемым преподавателем в пример для подражания. И, кстати, еще вопрос, не сделал бы такой же выбор апостол Петр, находящийся уже в зените своей проповеднической деятельности, окажись он в подобной ситуации. Или, например, апостол Павел, открыто писавший в Послании к Римлянам:

"Истину говорю во Христе, не лгу, свидетельствует мне совесть моя в Духе Святом, Что великая для меня печаль и непрестанное мучение сердцу моему: Я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти, то есть, Израильтян…" (Рим 9: 1-3).

Во-вторых, ни для кого не секрет, что история христианства просто переполнена мучениками за веру, имевшими весьма поверхностное представление об учении Иисуса Христа, и потому очень восторженно воспринимавшими приведенные выше ободряющие слова основателя христианства: "… Всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным…" (Мф 10: 32). Неудивительно, что у человека, малознакомого с контекстом учения Иисуса, подобные слова порождали желание попасть в это грядущее царство и жизнь вечную. Между тем, эти обнадеживающие слова ни в коем случае не являлись достаточным, но только лишь необходимым условием прохождения отбора, поскольку Иисус Христос предупреждал перед этим о строгости подхода, о существовании некоего закона и о том, что ни один из нарушителей этого закона не войдет в его царство (Мф 7: 21-23). Можно было сколько угодно говорить о своей любви к Иисусу и идти на смерть во имя этой любви, но для самого Иисуса Христа важным было исполнение его заповедей:

"Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня…" (Ин 14: 21), "Нелюбящий Меня не соблюдает слов Моих…" (Ин 14: 24).

Хорошо, если человек, перед лицом смертельной опасности решавший проблему свободу совести положительно, имел уверенность в том, что он на самом деле "имеет заповеди" Иисуса и "соблюдает их". Но только создается впечатление, что уже с того знаменательного дня Пятидесятницы, когда апостолы открыли дверь в свое братство всем, кто пожелает признать Иисуса Христом, Помазанником, Мессией, соблюдение его заповедей не было поставлено во главу угла, а приоритет в отношении разум – вера был смещен в сторону веры. А это значит, что многие герои веры в христианстве и мученики за нее имели в своей жизни весьма зыбкий фундамент в исполнении заповедей Иисуса Христа.

В заключение, автор хотел бы выразить надежду, что проведенное исследование побудит читателя более вдумчиво отнестись к решению проблемы свободы совести.

Глушкова С.И. (г. Екатеринбург)

СВОБОДА СОВЕСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ

Право на свободу совести входит в систему гражданских (личных) прав и свобод человека, которые формировались в период первого поколения прав человека наряду с политическими правами и свободами. Это обуславливает тесную взаимозависимость и взаимообусловленность права на свободу совести с другими личными правами и свободами, такими как: право человека на жизнь, на достоинство, право неприкосновенности личности, право на свободу от пыток и других видов антигуманного обращения и наказания, свобода передвижения и выбора места жительства, право на неприкосновенность частной жизни, др.

Проблема выбора того или иного вероисповедания, или выбора атеизма во многие кризисные периоды мировой истории человечества автоматически вела к выбору жизни или смерти человека, свободы или несвободы человека в своей стране.

Реализация человеком права на свободу совести – при выборе определенного вероисповедания (запрещающего, например, переливание крови или предполагающего другие запреты и ограничения) – влечет гуман-

ное или антигуманное обращение человека к собственной жизни, распоряжение своей жизнью и жизнью своих близких.

Одной из важных проблем, связанных с соблюдением и защитой права на свободу совести, является с одной стороны запрет дискриминации со стороны государственных органов представителей любой конфессии, нетрадиционной религии (при условии, если они не совершают противоправных деяний), и, с другой стороны, запрет дискриминации отдельного человека со стороны псевдорелигиозных миссионеров, псевдоцелителей и т. д. И самым сложным здесь является вопрос о том, какую религиозную организацию и по каким критериям государство зачислило в разряд тоталитарных сект, и насколько такая характеристика является объективной и достоверной? Во многом это зависит от уровня правовой и политической культуры госуправленцев, цивилизованности общества, верховенства правового или антиправового закона в государстве.

При решении вопросов соотношения веры и политики, веры и справедливости, веры и закона, веры и правды, актуальным является утверждение ведущим российским теоретиком С.С. Алексеевым понимания права как «надежды людей»,а прав человека как единственного «убежища человека».Разрешение вопросов веры и политики и других религиозно-политических дилемм посредством права, путем правового анализа и регулирования и должно быть основой формирования концепции этноконфессиональной толерантности в любом цивилизованном обществе.

Международное право прав человека защищает не только свободу совести, но и свободу религии. Так, Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. в ст. 18 провозглашает право каждого человека на свободу мысли, совести и религии, которое включает в себя свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных порядков.

Важным является тот факт, что в Международном пакте о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966 г. уже нет формулировки «свобода менять религию»,ее заменила «свобода иметь или принимать религию». В п. 1 ст. 18 данного пакта провозглашено, что каждый имеет право на свободу мысли, совести и религии, а именно свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору и свободу исповедовать свою религию и убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в отправлении культа, выполнении религиозных и ритуальных обрядов и учении.

При этом нужно обратить внимание на то, что в этих двух основополагающих международных стандартах ООН по правам человека свобода совести рассматривается в четкой и неразрывной связи со свободой мысли и свободой религии. Т. е. выбор религии, вероисповедания или

атеизма рассматривается в западной правовой культуре как выбор образа мысли, образа жизни, жизненного пути каждым человеком, как естественный выбор.

Конвенция о защите прав человека и основных свобод, принятая Советом Европы 4 ноября 1950 г., в ст. 9 закрепляет за каждым человеком свободу мысли, совести и религии: это право на свободу менять свою религию или убеждения, свобода исповедовать свою религию или убеждения как индивидуально, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в богослужении, обучении, отправлении религиозных и культовых обрядов.

Для более эффективного соблюдения и защиты права каждого на свободу совести и религии 18 декабря 1992 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Декларацию о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам. Защищая права меньшинств, декларация закрепляет: 1) в ст. 1 – обязанность государств охранять существование и самобытность меньшинств, создание условий для развития их самобытности; 2) в п. 1 ст. 2 – права лиц, принадлежащих к меньшинствам пользоваться достояниями своей культуры, исповедания своей религии и отправления религиозных обрядов, свободно и без вмешательства или дискриминации; 3) в п. 2. ст. 2 – право этих лиц активно участвовать в религиозной, культурной, общественной, экономической и государственной жизни; 4) в п. 3 ст. 2 – право этих лиц активно участвовать в принятии на национальном и региональном уровне решений, касающихся данного меньшинства; 5) в п. 4 ст. 2 – право этих лиц на создание собственных ассоциаций и обеспечение их функционирования, др.

Ст. 28 Конституции РФ гарантирует каждому (в том числе иностранному гражданину и лицу без гражданства – в этом важное достижение российского законодателя и преимущество перед советскими конституциями) свободу совести, свободу вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними.

Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (с изменениями от 26 марта 2000 г., 21 марта, 25 июля 2002 г., 8 декабря 2003 г., 29 июня 2004 г., 6 июля 2006 г.) гарантирует каждому в п. 1 ст. 3 свободу совести и свободу вероисповедания, в том числе право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать и менять, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними.

Российский законодатель заменил, как видим, триаду, традиционную для международных и европейских стандартов по правам человека – свобода мысли, совести и религии – на свободу совести и вероисповеда-

ния. Многие исследователи уверены в тождественности свободы вероисповедания и свободы религии (например, А.В. Пчелинцев, др.), а также необходимости приведения российского законодательства в соответствие с нормами международного права и в связи с этим использования вместо понятия «свобода совести и свобода вероисповедания» – термин «свобода совести и свобода религии». Думается, что это является актуальным и необходимым шагом как в совершенствовании российского законодательства о свободе совести и религиозных организациях, так и в практике правоприменения.

Много споров и дискуссий между теоретиками и практиками вызывает одно из положений преамбулы ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», которое указывает на признание особой роли православия в истории России, в развитии ее духовности и культуры. Ряд экспертов рассматривает это как попытку расставить приоритеты государства и политической элиты в отношении к различным конфессиям. Наряду с этим специалисты отмечают как противоречащие международным стандартам по правам человека следующие положения данного закона: разграничение между религиозными объединениями и религиозными группами, различие между традиционными и нетрадиционными религиозными организациями. При этом религиозные группы лишены многих прав, в частности, они не могут создавать образовательные учреждения, обучать детей религии вне рамок образовательной программы, проводить религиозные обряды в лечебно-профилактических и больничных учреждениях, детских домах, домах-интернатах для престарелых и инвалидов, др. Эти и другие противоречивые положения данного закона свидетельствуют о необходимости изменений данного закона, приведения его в соответствие с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации.

Изменения в теории и практике реализации свободы совести и вероисповедания в современной России назрели уже давно. Этноконфессиональные фобии, стереотипы и конфликты развиваются на постсоветском глобализирующемся пространстве особенно быстро, чему способствуют рост миграционных потоков, усиливающееся расслоение общества, обнищание социально незащищенных слоев населения. Конфессиональные предпочтения политической элиты часто становятся определяющими(заменяющими) общественное мнение в отношении религиозных организаций.

Среди проблем, с которыми сталкиваются представители религиозных организаций, по данным экспертов Московской Хельсинской группы необходимо отметить следующие: 1) трудности в регистрации и перерегистрации своих организаций; 2) ограничения в распространении религиозных текстов и печатных изданий; 3) проблемы приобретения помещений и земли под строительство культовых сооружений; 4) трудности в проведе-

нии публичных мероприятий (конференций, пикетов, концертов, др.); 5) ограничения деятельности религиозных организаций, лидеры и члены которых являются гражданами иностранных государств; 6) вмешательство органов власти в деятельность религиозных объединений; 7) проблема возвращения собственности религиозных организаций; 8) распространение недостоверной и порочащей информации о деятельности религиозных организаций; 9) ксенофобия и насильственные акции со стороны силовых структур государства по отношению к членам религиозных организаций; 10) преследования мусульман под предлогом борьбы с экстремизмом, ваххабизмом, исламским терроризмом. (См.: Ксенофобия, нетерпимость и дискриминация по мотивам религии или убеждений в субъектах Российской Федерации. Специализированный информационно-аналитический доклад за 2006 – первую половину 2007 гг. М., 2007).

За последние несколько лет участились случаи угроз, нападений, избиений и убийств на почве религиозной нетерпимости и ксенофобии.

Все эти факты убеждают в необходимости подробного научного анализа и правовой оценки сложившейся ситуации, правового урегулирования имеющихся проблем, противоречий и коллизий в российской теории и практике.

Наряду с этим важным является формирование в обществе культуры прав человека, культуры этноконфессиональной толерантности посредством подготовки качественных учебников для образовательных учреждений, популярной литературы, введения курсов по правам человека, толерантности в вузах, школах и колледжах, организация межнациональных и межрелигиозных движений, структур, советов и т. д.

Денисов С.А. (г. Екатеринбург)

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО ПРОТИВ СВОБОДЫ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ

Российское государство начала XXI в. все больше восстанавливает свои авторитарные черты. Оно превращается в орудие сохранения власти одной группы управленцев. Для поддержания своей власти управленцы стараются получить поддержку духовенства крупных этатистских религиозных объединений, подавить инакомыслие в обществе. В ходе реализации этих задач ведется борьба с теми группами населения, которые исповедуют религию не получившую широкого распространения в обществе или принадлежат к церкви, руководство которой находится за границей. Принимаются меры к тому, чтобы в России не появлялось новых вероучений, а возникшие не могли распространиться. Управленческие элиты

помнят, что демократическое движение в Европе начиналось с реформации. Демократические революции очень часто пользуются знаменем новых религий и борьбы с государственной церковью.

В ходе борьбы государства и его чиновников со свободой вероисповедания применяется широкий набор средств, приемов и методов, которые откровенно нарушают право человека на свободу вероисповедания, являющееся его естественным правом, признанным в ст. 28 Конституции РФ. Одновременно государство и его органы нарушают ст. 2 Конституции РФ, требующей признавать и соблюдать права и свободы человека.

В 1997 г. был принят ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» /1/, который можно назвать законом о запрете свободы вероисповедания. Закон предусматривал массу дискриминационных мер в отношении малых и новых для России религиозных групп. Представители последних обратились в Конституционный Суд. Последний своим решением признал не конституционность некоторых откровенно нарушающих Конституцию РФ статей /2/. Но ряд других статей, ограничивающих права верующих, были признаны конституционными. В результате закон до сих пор нарушает, провозглашенное в Конституции равенство граждан (ст. 19) и равенство общественных и религиозных объединений (ч. 4 ст. 13 и ч. 2 ст. 14). Он вводит ценз оседлости и разделяет религиозные объединения на группы, которые существуют на территории России менее 15 лет и религиозные организации, которые действуют более 15 лет. Религиозным группам создаются помехи для распространения своего вероучения. Они не могут создать организацию для издания богослужебной литературы, учреждение профессионального религиозного образования для подготовки служителей и религиозного персонала, не могут приглашать иностранных граждан в целях занятия профессиональной, в том числе проповеднической, религиозной деятельностью. Это является грубым нарушением ст. 28 и 30 Конституции РФ. Закон прямо лишает права на объединение иностранцев и лиц без гражданства, не постоянно проживающих на территории России (ч. 1 ст. 2 Закона). П. 2 ст. 13 Закона запрещает представительству иностранной религиозной организации заниматься культурной и иной деятельностью. Оно лишается правового статуса религиозного объединения.

Названный закон нарушает ст. 17 Конституции РФ, требующую от государства признавать и гарантировать права и свободы человека согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией, а так же ч. 2 ст. 55 Конституции РФ, запрещающую издавать законы, умаляющие права и свободы человека.

Разработчики закона прямо признавались, что он направлен против распространения в России демократического западного влияния посредством религиозных вероучений, против распространения в стране новых вероучений и должен помочь Русской православной церкви усилить свое

воздействие на общество /3/. Его антиконституционная направленность ими не скрывалась.

На пути распространения новых вероучений ставятся бюрократические преграды. Государственные органы отказываются регистрировать религиозные объединения, которым для нормальной деятельности нужен статус юридического лица (например, Саентологическую церковь). Религиозным общинам запрещают собираться для проведения своих религиозных обрядов и церемоний. Им не дают разрешение на строительство молельных домов. В 2003 г. по решению суда была закрыта Духовная семинария Центра Бога Живого Христиан Веры Евангельской «Вера в действии» в Приморском крае. Основанием стало отсутствие лицензии на преподавание (хотя обучение религии не требует ни какой лицензии), нарушение норм пожарной безопасности и санитарно-эпидемиологических норм в здании, где работала семинария. Верховный Суд РФ отклонил кассационную жалобу семинарии /4/. В 2002 г. из страны были высланы пять католических священников, включая одного епископа. Это был ответ Российского государства на решение Римского Папы о создании в России постоянной епархии /5/. По инициативе ФСБ в ноябре 2003 г. в продлении визы было отказано баптистскому пастору из Латвии за распространении христианства в Татарстане /6/.

Представители современного государства используют те же приемы, что использовало царское самодержавие. Например, в начале XX в. по России был пущен слух, что еврейские общины убивают христианских младенцев (дело Дрейфуса), что вызвало еврейские погромы. Сегодня органы государства (в том числе ФСБ и милиция) распространяют о некоторых религиозных группах ложные сведения о систематическом нарушении ими законов, в том числе, связанных с насилием над людьми /7/.

Конечно, описанные гонения в отношении верующих не сравнить с теми, что осуществляли государства в Средние века, но, тем не менее, они имеют место, порождают новых великомученников.

Наряду с этим, государство и его должностные лица, откровенно создают привилегии Русской православной церкви (РПЦ), которая стремится занять место государственной церкви и устранить действие ст. 14 Конституции РФ, провозглашающей отделение церкви от государства. РПЦ поддерживала авторитарный режим и монархию в России до октября 1917 г., замечена в связях с черносотенными организациями. В последствии она нашла общий язык с коммунистическим тоталитарным режимом. Сегодня ее иерархи не скрывают своих не демократических убеждений, отказа от признания прав и свобод человека и гражданина. Именно в силу этих заслуг по борьбе с демократией в стране РПЦ получает сегодня привилегии в налогообложении, земли для строительства храмов, государственные и муниципальные дотации на свою деятельность, моральную поддержку со стороны чиновников /8/. Руководство муниципальных образовательных

учреждений поддерживает инициативу РПЦ по пропаганде православной религии посредством введения специальных обучающих программ (курса «Основы православной культуры»). Они вводятся как факультативные, но навязываются ученикам как обязательные /9/. Руководство учреждений по исполнению наказания в виде лишения свободы поддерживает руководство православной церкви по строительству храмов на территории колоний. Оказывая содействие определенным религиозным объединениям, государственные служащие нарушают не только Конституцию РФ, но и ч. 4 ст. 4 Федерального закона «Об основах государственной службы», который запрещает им использовать свое служебное положение в интересах религиозных объединений или для пропаганды отношения к ним.

Российская бюрократия не принимает в расчет, что ее действия иногда идут ей же во вред. Граждане России видят, что государство враждебно относится к ним, и платят ему тем же. Разделение граждан на «своих» и «чужих» подрывает единство российского общества и создает основу для сепаратизма, опирающегося на религиозную веру. Это может привести к распаду российской империи, выходу из ее состава в первую очередь территорий с преимущественно мусульманским населением.

Литература:

1. *Российская газета. 1997. 1 октября.*
2. *Постановление Конституционного Суда РФ № 16П от 23 ноября 1999 г. // Российская газета. 1999. 16 декабря.*
3. *Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. М., 2005. С. 537.*
4. *Права человека в регионах Российской Федерации. М., 2004. С. 52.*
5. *Там же. С. 51.*
6. *Там же. С. 58-59.*
7. *Там же. С. 53.*
8. *Колесников А. Лоббистский приход // Коммерсантъ. 2004. № 188. С. 1, 4; Коробов П. Церковь легла в основу государственности // Коммерсантъ. 2004. № 186. С. 2.*
9. *Права человека в регионах Российской Федерации. М., 2004. С. 69.*

Дьячкова М. А. (г. Екатеринбург)

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА СВОБОДУ СОВЕСТИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ: НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Право каждого человека на свободу совести и свободу вероисповедания, равенство всех людей перед законом независимо от отношения к религии и убеждений, признание особой роли православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры, но при этом

уважение к христианству, исламу, буддизму, иудаизму и другим религиям, составляющим неотъемлемую часть исторического наследия народов России, содействие достижению взаимного понимания, терпимости и уважения в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания - вот основные положения, составляющие фундамент Федерального закона (ФЗ) Российской Федерации «О свободе совести и религиозных объединениях», принятого в 1997 г.

ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» регулирует правоотношения в области прав человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания, правовое положение религиозных объединений, которые, в соответствии со ст. 4 ФЗ, отделены от государства и равны перед законом. В законе закреплено, что никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной.

ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» – это инструмент защиты неимущественных прав граждан, к которым относятся: право на свободу совести, право на вероисповедание, право на защиту чести и доброго имени, право на защиту достоинства и др. Защита неимущественных прав людей не менее важна, чем защита имущественных прав. Закрепление права на свободу совести в Федеральном законе Российской Федерации свидетельствует об уровне развития правовой системы нашего государства и о степени гражданской зрелости людей.

Свобода совести - это и плюрализм различных мировоззренческих убеждений, возможность публичного выражения своих представлений о мире и месте человека в этом мире, это и свобода выбора нравственного эталона, с которым человек выходит в общество. Свобода совести дает человеку возможность отдавать свое предпочтение определенным ценностям, предполагает ответственность человека за собственные действия и происходящее вокруг. Право на свободу совести – это право каждого человека не только определять свои мировоззренческие ориентиры, но иметь иную мировоззренческую позицию (в том числе и атеистическую), свободно осуществлять ритуалы и следовать обычаям. Право на свободу совести, закрепленное в законе, отражает нейтральное отношение государства к религиозным и мировоззренческим взглядам граждан, к возможности человека действовать в соответствии со своими убеждениями. При этом свободу совести следует отличать от свободы вероисповедания, которая охватывает лишь сферу религиозных убеждений.

В России существует множество различных конфессий, которые должны жить и развиваться в рамках одного государства, что возможно при условии уважения друг к другу, установления диалога, нахождения общности стремлений, выработки культуры взаимодействия. Федеральный закон РФ «О свободе совести и религиозных объединениях» является гарантом существования многоконфессионального государства, равно благосклонного ко всем гуманистическим религиям. Совместное прожи-

вание и развитие людей разных религиозных убеждений, мировоззренческих ориентиров возможно в условиях толерантности и свободы совести, взаимопонимания и взаимоуважения представителями разных конфессий друг друга. Сегодня нельзя говорить о демократическом государстве, не обеспечив гражданам права на свободу совести. Люди должны себя чувствовать комфортно, жить достойно, а без гарантированной свободы совести это реально не осуществимо.

В настоящее время в обществе обозначилась проблема, связанная с преподаванием религиозных курсов в школах (общеобразовательных школах, средних специальных и высших учебных заведениях), в частности такого курса, как «Основы православной культуры». Суть проблемы: возможно ли введение данной дисциплины в качестве обязательной в перечень учебных школьных дисциплин, как преподавание религии в школе согласуется с правом каждого человека на свободу совести, готовы ли сегодня дети и их родители к приходу в школу не педагога и насколько возможность введения подобных курсов отражена в российском законодательстве.

Отвечая на этот вопрос, необходимо вновь обратиться к ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях». В гл. III (ст. 18, п.2) закреплено, что религиозные организации для реализации своих уставных целей и задач в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, имеют право создавать культурно-просветительские и образовательные учреждения. При этом религиозные организации получили исключительное право создавать учреждения профессионального религиозного образования, духовные образовательные учреждения для подготовки служителей и религиозного персонала, которые должны быть зарегистрированы в соответствии с российским законодательством, а также получить государственную лицензию на право осуществления образовательной деятельности (ст. 19, п.п. 1, 2). Закон трактует религиозное образование как подготовку верующего человека. Религиозное образование - это обучение религии, получение информации о том или ином вероисповедании и обязательное, если это, например, ученики православной гимназии, хождение в храм, на исповедь, причастие. Помимо учреждений специального религиозного образования (семинарий, академий, медресе и др.) религиозное образование может осуществляться в семье, религиозных организациях, в созданных религиозными организациями лицеях и гимназиях, воскресных школах. Закон указывает и на то обстоятельство, что именно религиозные организации могут профессионально, на необходимом уровне осуществлять преподавание религиозных дисциплин, что обучение религии – это дело профессионалов.

В ст. 5 гл. I ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» определены основные позиции в отношении религиозного образования. Закон закрепляет: право каждого человека на получение религиозного об-

разования по своему выбору индивидуально или совместно с другими (ст. 5, п. 1); осуществление воспитания и образования детей с учетом права ребенка на свободу совести и свободу вероисповедания (ст. 5, п. 2). Религиозное образование – это, по сути, обучение религии, воспитание в религиозном духе, чем и занимаются религиозные организации. Таким образом, закон предусматривает обучение религии, но вопрос в том, кто его будет осуществлять. Закон дает ответ: религиозная организация.

Возможность обучения детей религии может быть реализована религиозной организацией в соответствии со ст. 5, п. 3 ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях». Более того, в законе прописан и механизм введения религиозных курсов в светских образовательных учреждениях. В государственных и муниципальных образовательных учреждениях обучение детей религии может быть осуществлено только по просьбе родителей или лиц, их заменяющих, и с согласия детей (до 14 лет ребенок не может без согласия родителей принимать решение о возможности получать религиозное образование). В таком случае администрация указанных учреждений по согласованию с соответствующим органом местного самоуправления предоставляет религиозной организации возможность обучать детей религии вне рамок образовательной программы.

Российское законодательство не предусматривает обязательное обучение религии. Введение предмета какой-то конкретной религии (например, курсов «Основы православной культуры» или «Исламское вероучение») в перечень учебных предметов в школе допустимо, но при соблюдении норм российского законодательства. Следует заметить, что профессионал, имеющий специальное религиозное образование, обученный одной религии, работая с детьми в общеобразовательной школе, будет, вне всякого сомнения, делать акцент на преимуществах своей религии, утверждать, что проповедуемая им вера является истиной в первой инстанции. Не будет ли это проявлением нарушения принципа толерантности и права на свободу совести, навязыванием одной религией своего стандарта, видения мира и знания о нем, предложением детям созданной конкретной религией картины мира? На наш взгляд, воспитание толерантности не согласуется с введением в школе предмета одной религии.

Проанализируем некоторые позиции в отношении выше обозначенной проблемы.

В адрес Президента Российской Федерации В.В. Путина 24 июля 2007 г. было направлено открытое письмо-обращение десяти академиков Российской Академии наук, в числе которых нобелевские лауреаты - Виталий Гинзбург и Жорес Алферов: «С нарастающим беспокойством мы наблюдаем за все возрастающей клерикализацией российского общества, за активным проникновением церкви во все сферы общественной жизни. Конституция Российской Федерации провозглашает светский характер нашего государства и принцип отделения церкви от системы государ-

ственного образования. Мы обращаемся с этим письмом к Вам как к высшему должностному лицу нашей страны, являющемуся гарантом соблюдения основных положений Конституции».

В обращении академики заявили об угрозе «клерикализации» общества, усиления воздействия церкви на все стороны общественной жизни. Исходя из положения Конституции РФ о светском характере нашего государства и принципа отделения церкви от системы государственного образования, они призвали руководство страны не допустить включения «Теологии» в перечень научных специальностей и преподавания в школах «Основ православной культуры». Письмо академиков РАН вызвало большой общественный резонанс и дискуссию, в которой приняли участие представители самых разных слоев общества. Глава Министерства образования и науки РФ А. Фурсенко признал, что, поставленный академиками вопрос – это вопрос общественного звучания и общественного мнения, поэтому министерство совместно с РПЦ подготовило документ, где говорится, что изучение предмета, связанного с религией, возможно только на добровольной основе. Практически этот совместный документ еще раз заострил внимание на правовых нормах, содержащихся в ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях».

Позиция Русской Православной Церкви находит отражение во многих документах и заявлениях священнослужителей. Так, в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» (документ принят на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви, прошедшем в Москве 13-16 августа 2000 г.) говорится о необходимости устранения атеистических пережитков в государственных учебных программах, об опасности для общества нехристианских и антихристианских тенденций в системе государственного образования, о растворении человека в мире массовой культуры, разрушительно действующей на личность. В «Основах социальной политики» (раздел XIV.3) отмечено, что «христианская традиция неизменно уважает светское образование. Многие отцы Церкви учились в светских школах и академиях и считали преподаваемые там науки необходимыми для верующего человека. Святитель Василий Великий писал, что «внешние науки не бесполезны» для христианина, который должен заимствовать из них все служащее нравственному совершенствованию и интеллектуальному росту». По мысли святого Григория Богослова, «всякий имеющий ум признает ученость (paideusin - образование) первым для нас благом». В документе особо подчеркнуто: «с православной точки зрения желательно, чтобы вся система образования была построена на религиозных началах и основана на христианских ценностях». Тем не менее, указано в документе, Церковь уважает светскую школу и «готова строить свои взаимоотношения с ней, исходя из признания человеческой свободы». Священноначалие должно вести с государственной властью диалог, направленный на законодательное и практиче-

ское закрепление реализации международно признанного права верующих семей на получение детьми религиозного образования и воспитания

Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл (Гундяев), председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата, дал ответы на вопросы газеты «Известия» (газ. «Известия» от 20 апреля 2007 г.). Митрополит Кирилл призвал общество вернуться к воспитанию у людей представления о моральных ценностях с детства. Одним из путей достижения этой цели является введение курса «Основы православной культуры» для обучения детей в школе, что позволит «включить в систему нравственного воспитания подрастающего поколения религиозную мотивацию, а это очень важно. Почему нельзя дерево ломать? Не только потому, что это не эстетично, а потому, что это грех. Почему нельзя цветы с клумбы рвать? Потому, что это грех. Почему нельзя кошку схватить за хвост и о стену треснуть? Грех! Ибо как ты со слабым и зависимым поступишь, так и Бог с тобой обойдется. И в душе ребенка формируется такое важное понятие, как страх Божий. Это ведь не эмоциональный страх, не выброс адреналина в кровь. Просто на уровне мышления закладывается система ценностей – а это именно то, что Церковь и должна делать». Церковь призывает людей вновь и вновь обращаться к христианской православной традиции, как основе духовно-нравственного формирования современного человека. Заявление Митрополита Кирилла совершенно очевидно доказывает, что «Основы православной культуры» - курс религиозный, а не культуроведческий.

Еще раз обратимся к основному закону нашей страны - Конституции РФ. В ст. 14 закреплено: «Российская Федерация – светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом».

В гл. I, ст. 2 Федерального закона РФ «Об образовании» закреплены основные принципы государственной политики в области образования, в качестве основополагающих принципов определен светский характер образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях. В соответствии с этим положением и школьная образовательная программа строится на принципе светскости образования, а значит и определяет светский характер направленности содержания образования. Из этого следует, что закон не закрепляет в вопросах содержания образовательных программ приоритета за какой-либо религией.

На наш взгляд, в школьную образовательную программу целесообразно введение культурологических курсов, например, этнология, религиоведение, история религии, мировые религии, на которых дети смогут получить представления о всех религиях, о их вкладе в культуру. Преподавание таких культуроведческих курсов должны вести педагоги, имеющие специальную религиоведческую подготовку, а не представители какой-то одной

религии, которые совершенно естественно будут трактовать процессы и явления с позиций своей веры, своего жизненного выбора.

Светское образование – это целенаправленный процесс воспитания и обучения в интересах человека, общества, государства, подготовка человека к жизни, усвоение знаний, необходимых для жизни в обществе. Главное отличие светского подхода от христианского, православного заключается в принципиально иной трактовке человека: в светской концепции на место Бога-Творца поставлен Человек как мера всех вещей и главный смысл бытия.

На основании вышеизложенного можно заключить, что ни православие в лице Русской Православной Церкви, ни представители других религий, не могут вмешиваться в систему светского образования, настаивать на обязательности религиозного образования. Подобный подход не согласуется, как с ныне действующим законом «О свободе совести и религиозных объединениях», так и с российским законодательством в целом. В многонациональном обществе, каким является Россия, с обилием разнообразных вер, закон выступает гарантом, а его исполнение – необходимым условием сохранения целостности федеральной структуры.

Дьячкова О.Н. (г.Екатеринбург)

ПРАВОТВОРЧЕСТВО В СФЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА СВОБОДУ СОВЕСТИ

Право каждого человека на свободу совести – одно из важнейших в концепции прав человека, так как без реализации этого права другие права человека теряют большую часть реального содержания. Свобода совести включает в себя мировоззренческую, в том числе и религиозную, форму ориентации, поэтому, реализуя право на свободу совести, человек осознает себя, обретая смысл и определяя свое место в жизни. Право на свободу совести закреплено в Федеральном законе «О свободе совести и религиозных объединениях».

Следует подчеркнуть, что реализация права на свободу совести возможна лишь при наличии гарантий реальной возможности и развитости правового механизма. Конституция Российской Федерации (ст. 15, п. 4) закрепляет положение, что общепризнанные принципы и нормы международного права являются составной частью правовой системы РФ. Обратимся к основополагающим международным документам в области прав человека, в которых закреплено право на свободу совести и определены правовые гарантии свободы совести.

Ориентиром при решении вопросов, связанных со свободой совести, является Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.). В соответствии со ст.18 каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; что включает в себя свободу менять свою религию или убеждения, свободу исповедовать свою религию или убеждения (единолично, сообща с другими, публичным или частным порядком, в учении или богослужении). В Международном пакте о гражданских и политических правах (принят Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 г.) также заключено, что каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии и никто не должен подвергаться принуждению, умаляющему его свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (подписана странами – членами Совета Европы 4 ноября 1950 г.) в ст. 9 закрепляет право человека на свободу мысли, совести и религии.

Все эти международные правовые документы, имеющие юридическую силу и для Российской Федерации, не только закрепляют право на свободу совести, но и определяют границы реализации этого права. Ограничениями служат основные права и свободы других лиц и предписанные законом ограничения, необходимые для защиты общественной безопасности, порядка, здоровья или морали с учетом природы конкретных прав. Критерии границ свободы совести в международных правовых документах определены в общем виде, поэтому в законодательстве конкретного государства они, как правило, формулируются более четко. Так, в ст. 55 п. 3 Конституции РФ закреплено, что «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». Критерии границ свободы совести в Российской Федерации связаны с реальными отношениями между государством и религиозными организациями, в основе которых лежат законодательно закрепленные представления о месте религии в жизни общества и государства.

Ограничения в сфере реализации права на свободу совести вызваны наличием ряда причин: отсутствием федерального органа по вопросам конфессий, неготовностью российских судов работать по вопросам конфессий, расширяющимся влиянием Европейского суда по правам человека на правовую реальность РФ. Объективно в сфере реализации права на свободу совести складывается ситуация, которая вызывает, стимулирует правотворческую деятельность. При этом следует подчеркнуть, что ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» - это основа, а внесение изменений не означает отказа от закрепленных позиций. С 1997 г. было рассмотрено множество предложений по совершенствованию Федераль-

ного закона, также были внесены изменения в другие законодательные акты. В Гражданский Кодекс (часть 1) внесены изменения, закрепляющие, что религиозные организации не могут быть доведены до банкротства. В ФЗ «О некоммерческих организациях» (2006 г.) прописан механизм регистрации религиозных организаций. Изменения, внесенные в Кодекс об административных правонарушениях, касаются ответственности официальных органов власти за необоснованное приостановление деятельности религиозных объединений.

В настоящее время правотворческая деятельность по совершенствованию законодательства в сфере права на свободу совести осуществляется по многим направлениям. Рассматриваются предложения о разработке и принятию закона о традиционных религиях, о внесении изменений в Конституцию РФ в части равенства религий. И здесь не все так просто, так как сразу возникает ряд серьезных вопросов: о значимости религии в истории страны и в настоящее время, возможна ли иерархия среди религиозных конфессий, одинаковые ли права должны быть у Церкви и просто у религиозной организации. Ответы на эти вопросы, несомненно, требуют вдумчивого подхода.

Религиозные организации постоянно будируют вопрос о предоставлении им права на преподавание религиозных дисциплин в общеобразовательных школах, требуя внесения соответствующих поправок в российское законодательство, в частности в ФЗ «Об образовании». Предлагается также внести поправки в ФЗ «Об образовании», в соответствии, с которыми религиозным образовательным учреждениям будет предоставлено право на обучение по образовательным стандартам и выдачу дипломов государственного образца. Действующее законодательство о высшем и послевузовском образовании содержит не преодолимые препятствия для религиозных образовательных учреждений и при получении лицензии на право осуществления деятельности в сфере образования. Для получения лицензии необходимо подавать сведения о наличии материальной базы, при этом здания должны быть либо в собственности, либо в аренде, а у большинства религиозных образовательных учреждений они находятся в безвозмездном пользовании. Не правда ли парадоксальная ситуация?

В законодательном закреплении нуждается и вопрос о взаимодействии государства с конфессиями относительно создания религиозными организациями детских учреждений. Не прописан в нашем законодательстве и механизм передачи религиозного имущества по назначению, а также нет критериев того, что считать религиозным имуществом, по каким признакам здания, сооружения могут быть отнесены к разряду религиозного имущества.

Существуют проблемы и в области миссионерской деятельности: слабо обосновано миссионерство иностранцев с точки зрения прав чело-

века, правомерна ли миссионерская деятельность среди несовершеннолетних без согласия родителей и другие.

В нормативном обосновании и закреплении нуждается и механизм доведения решений Европейского суда по правам человека по вопросам, касающимся Российской Федерации.

В данной статье мы обозначили лишь некоторые проблемы, существующие в сфере реализации права на свободу совести. Но и этот далеко не полный перечень проблем свидетельствует о необходимости основательной и разносторонней правотворческой деятельности. Не обращать внимание на имеющиеся проблемы, значит, усугублять ситуацию, что в конечном итоге приведет к еще большему ограничению важнейшего права - права на свободу совести.

Ершов Ю. Л. (г. Екатеринбург)

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ СВОБОДЫ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ В РФ

Правовое регулирование свободы совести и свободы вероисповедания в настоящее время не лишено проблем, и ряд из них имеют достаточно серьезный характер.

Одним из нерешенных вопросов остается отсутствие легального очерчивания признаков такого понятия, как «вероисповедание» («религия»). Именно по признаку наличия определенного вероисповедания производится государственная регистрация религиозных объединений как юридических лиц. Возможность объединения с людьми своей веры в составе религиозной организации является одной из важных составляющих конституционного права на свободу вероисповедания (ст. 28 Конституции РФ). Причем возможность учреждать юридические лица имеет целый ряд практических аспектов, обладающих весьма серьезным значением: получение льгот по налогам, право учреждать образовательные религиозные учреждения, гораздо более реальная возможность реализации права на тайну исповеди (включая недопустимость допроса священнослужителя по поводу содержания исповеди и основания на этом уголовного обвинения) и т.д.

В числе оснований для отказа в регистрации религиозной организации в качестве юридического лица выступает, согласно ст. 12 ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях», то, что она «не признана в качестве религиозной». Соответственно, важнейшим вопросом при подаче документов на регистрацию выступает именно вопрос, является ли представленное заявителями учение, свод правил и догматов, вероисповеда-

нием. Поскольку легального понятия этого термина нет, нетрудно понять, что вопрос будет разрешаться на основе субъективного усмотрения тех, кто будет принимать решение. Для минимизации роли субъективного мнения государственных чиновников Федеральной регистрационной службы РФ, вопрос об определении наличия качества вероисповедания у того учения, которое некая группа людей намерена коллективно исповедовать в качестве религии, законом предусматривается возможность проведения религиоведческой экспертизы. Экспертами должны выступать наиболее авторитетные представители науки, культуры, а также религиозные деятели. Но принципиально коллективный характер экспертного органа, который будет производить экспертизу на предмет статуса вероисповедания, объективности добавить в эту сферу вряд ли сможет. Несколько субъективных мнений не обязательно создают одно объективное. Важно при этом и принять во внимание присутствие в таких экспертных советах представителей иных религий. Далеко не все из существующих в Российской Федерации конфессий отличаются толерантным отношением к иным верованиям, особенно к тем из них, которые принято называть «новыми». Если же обратиться к ст. 28 Конституции РФ, то выражение «исповедовать любую религию», как представляется, должно толковаться в пользу граждан, избравших для себя некое вероучение за истину, которой необходимо следовать в жизни. Вряд ли правильно ограничивать их в этом праве просто по тому основанию, что кто-то это вероучение религией признать не хочет.

Таким образом, проблема легального закрепления признаков вероучения, при наличии которых отказ в регистрации религиозного объединения недопустим, требует разрешения в целях реального наделения граждан правом исповедовать любую религию. Для ее решения предлагается избрание курса на формирование и закрепление на уровне закона легальных признаков именно понятия «вероисповедание» (или религия), с целью устранить из этой сферы какой-либо субъективизм. В противном случае имеет место ситуация, когда одни люди решают, во что можно верить другим. Причем «верить» в данном случае употребляется в полном смысле слова, со всем набором возможностей, закрепляемых за человеком в цивилизованном обществе: объединяться с единоверцами, создавать юридические лица и т.д., а отнюдь не как «дарование права» вести полуподпольное существование, утешаясь тем, что «не бросают ко львам, как в Древнем Риме, и то хорошо». Никакая «авторитетность» и «компетентность» в вопросах религии тех, кто решает судьбы вероисповедания других, утешением для последних не будет. А то, что эти наиболее острые вопросы существования человека, несущие для него наибольшую важность, очень наглядно иллюстрируют многие религиозные сюжеты, где во имя своего Бога человека готов принести в жертву собственных детей. Та-

кова роль веры в жизни людей. И такова же должна быть деликатность в правовом регулировании этих вопросов государством.

Еще одним сложным вопросом российского законодательства о свободе совести и вероисповедания является своеобразный «ценз оседлости», требуемый для религиозной группы в целях приобретения ею статуса юридического лица. По Федеральному закону «О свободе совести и религиозных объединениях» для регистрации религиозного объединения в качестве юридического лица необходимо либо вхождение его в состав централизованного религиозного объединения, либо доказательства, что оно находится в данном месте не менее, чем в течение 15 лет. Данное положение, как при принятии закона, так и после него подвергалось справедливой критике как дискриминирующее. Ущемляет оно религиозные интересы тех граждан, которые избрали для себя вероисповедание, не имеющее столь протяженной истории в России. Конституция никак требований о длительности существования религии в определенном месте не выдвигает, и закон в этой части по сути закрепляет весьма несбалансированный механизм реализации гражданами своих прав на объединение по религиозному признаку. Таким образом, данное положение закона нарушает принцип равенства людей перед законом и давно нуждается в отмене как не основанное на общепринятых правовых нормах, присущих цивилизованному и развитому обществу.

Решение сложных вопросов реализации права на свободу совести и вероисповедания не должно рассматриваться в качестве незначительной проблемы, поскольку оно затрагивает один из наиболее важных для человека аспектов нормального и свободного существования – такого, который выходит, по большинству учений, за пределы собственно человеческой жизни.

Кириллова К.В. (г. Екатеринбург)

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦЕЛИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: МЕДИЦИНСКИЙ И РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТЫ

В настоящее время наблюдается огромный рост нетрадиционных медицинских услуг, предлагаемых религиозными организациями и отдельными целителями. С одной стороны, обращение за этими услугами является одной из форм реализации гражданами их свободы вероисповедания. Но возникает вопрос, не входит ли в данном случае это право в коллизию с правом на получение квалифицированной медицинской помощи, и возможно ли защитить права потребителей подобных услуг?

Для начала стоит определиться в том, как квалифицировать предлагаемые целителями услуги. На практике имеет место два варианта:

1. Услуги классифицируются как **медицинские**. В судебной практике имеются случаи привлечения к ответственности различных псевдоцелителей за незаконную медицинскую деятельность. К примеру, в ноябре 2006 г. православные активисты направили обращения в Областную прокуратуру Челябинской области с требованием привлечь к ответственности известного «мага и целителя» *Анатолия Кашпировского*, проводившего свои лекции в Челябинске. В частности, заявители указывают на то, что согласно статье 54 «**Основ законодательства** Российской Федерации об охране здоровья граждан» № 5487–1, которые и ныне действуют с изменениями, право на занятие медицинской и фармацевтической деятельностью в Российской Федерации имеют лица, получившие высшее или среднее медицинское и фармацевтическое образование в Российской Федерации, имеющие диплом и специальное звание, а также сертификат специалиста и лицензию на осуществление медицинской или фармацевтической деятельности. Также в отношении Кашпировского применима ст. 57 «Основ», которая прямо гласит, что «проведение сеансов массового целительства, в том числе с использованием средств массовой информации, запрещено». Как известно, Кашпировский был привлечён к ответственности в административном порядке, и на него был наложен штраф.

Кроме того, определением Верховного суда от 1 августа 2006 г. было оставлено в силе решение о ликвидации *Архангельской региональной общественной организации "Духовное возрождение северян"*. Суд отметил, что указанные в Уставе организации цели относятся к традиционной медицине. В соответствии со ст. 57 «Основ законодательства РФ об охране здоровья граждан» **народная медицина (целительство)** - это методы оздоровления, профилактики, диагностики и лечения, основанные на опыте многих поколений людей, утвердившиеся в народных традициях и не зарегистрированные в порядке, установленном законодательством Российской Федерации. Правом на занятие народной медициной обладают граждане Российской Федерации, получившие диплом целителя, выдаваемый органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации в области здравоохранения.

Пунктом 3 **Постановления Правительства** РФ от 2 июня 2002 г. N 499 "Об утверждении Положения о лицензировании медицинской деятельности" применение методов *традиционной медицины включено в понятие медицинской деятельности*.

С учетом приведенных положений нормативных актов суд пришел выводу о том, что оказание на человека целительного действия методами народной (традиционной) медицины, как указано в Уставе организации, является медицинской деятельностью. В соответствии с пунктом 96 ч. 1 ст. 17 Федерального закона "**О лицензировании отдельных видов дея-**

тельности" от 8 августа 2001 г. N 128-ФЗ медицинская деятельность подлежит лицензированию. АРОО "Духовное возрождение северян" не имела этого, что явилось основанием для ликвидации данной организации.

Определением Верховного суда от 26 ноября 2002 г. было удовлетворено заявление прокурора о ликвидации общественной организации "Хабаровский региональный гуманитарный центр "Дианетика". Суд отметил, что применяемая в Центре сайентологическая "Программа очищения" включает в себя серьезные физические нагрузки в процессе бега; продолжительного, по несколько часов, пребывания в сауне с высокой температурой, приема массивных доз витаминов или других неизвестных доз медикаментозных средств, т.е. оказывает прямое физическое и психологическое воздействие на организм человека, что обязательно должно подразумевать медицинский контроль за состоянием человека, участвующего в программе "Очищение".

Из представленных в деле материалов по деятельности ХРГЦ "Дианетика" неизвестно, кто назначал, контролировал и корректировал дозировки и продолжительность курса ведения указанных методов, поэтому риск ущерба здоровью клиентов этого центра был особенно велик при отсутствии необходимого медицинского контроля. Данный факт был одним из оснований ликвидации организации.

2. Услуги квалифицируются как **психотерапевтические**.

В упомянутом уже определении Верховного суда о ликвидации общественной организации «Хабаровский центр "*Дианетика*" суд отмечает: «На основании изложенного материала и его анализа комиссия экспертов пришла к выводу о том, что процедура "одитинга" содержит в себе элементы самовнушения, внушения, методики визуализации, осуществляемые на фоне измененных трансовых состояний сознания. "Одитинг" можно считать вариантом гипнотического воздействия. "Одитинг" является методом воздействия на личность человека, не прошедшим специальную апробацию, и поэтому не может быть разрешен к применению; использование в процедуре "одитинга" самовнушения, внушения, визуализации на фоне измененного состояния сознания противоречит **Приказу Минздрава РФ от 13 июня 1996 г. N 245** "Об упорядочении применения методов психологического и психотерапевтического воздействия", а именно п. 1 - "не допускать пропаганды и использования в целях оздоровления, профилактики, лечения, реабилитации неразрешенных методов и методик психологического и психотерапевтического воздействия; п. 3 - "применение разрешенных методов и методик воздействия допускается только при наличии лицензии на данный вид деятельности в учреждении здравоохранения при условии тщательного отбора пациентов на индивидуальном приеме"; п. 4 - "к работе с методами и методиками психологического и психотерапевтического воздействия допускаются специалисты, имеющие подготовку по психиатрии, психологии, психотерапии и медицинской

психологии и получившие в установленном порядке сертификат по указанным специальностям».

В соответствии с **Отраслевым классификатором** "Простые медицинские услуги" (ОК ПМУ N 91500.09.0001-2001), утвержденным Приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 10 апреля 2001 г. N 113 и введенным в действие с 1 мая 2001 г., диетическая терапия при различных заболеваниях, психотерапия, гипнотерапия относятся к простым медицинским услугам.

Таким образом, суд пришёл к выводу, что Архангельская региональная общественная организация "Духовное возрождение северян" осуществляла медицинскую деятельность, не имея лицензии, чем нарушила ст. 17 ФЗ "О лицензировании отдельных видов деятельности".

Подводя итог вышесказанному, можно выделить нарушения законодательства по следующим *основаниям*:

- по субъекту (то есть по признаку отсутствия у лиц, занимающихся медицинской деятельностью, соответствующего образования);

- по виду деятельности. В данном случае методика может быть прямо запрещена. Например, медицинская деятельность сайентологов запрещена Приказом Минздравмедпрома РФ от 19 июня 1996 г. N 254 "О недопущении пропаганды и использования методов детоксикации, иных вытекающих из учения Р. Хаббарда методов сайентологии и дианетики в практике здравоохранения".

- на основании отсутствия лицензии у лица или организации на занятие медицинской деятельностью.

Однако Приказ Минздрава РФ от 13 июня 1996 г. N 245 "Об упорядочении применения методов психологического и психотерапевтического воздействия", запрещающий не только неразрешенные Минздравом методы и методики психологического и психотерапевтического воздействия, но и методы и средства оккультно-мистического и религиозного происхождения, с некоторого времени был отменён. Как отмечает заместитель руководителя Центрального органа системы сертификации услуг в области народной медицины при Федеральной службе по надзору в сфере здравоохранения и социального развития Егоров В.В.: процедура получения сертификата народного целителя на право заниматься народной медициной состоит из следующих этапов:

1. Лицо должно быть зарегистрировано в качестве индивидуального предпринимателя.

2. Кандидат должен иметь определённые медицинские знания и диплом об образовании в области народной медицины. С этим дело обстоит не так-то легко. Оказывается, в данном случае под медицинскими понимаются знания, полученные и в негосударственных образовательных учреждениях, а то и вовсе на 2-3-месячных целительских курсах. Ситуация усугубляется тем, что стандарты образовательной подготовки для це-

лителей в принципе не утверждены, хотя в будущем планируется проведение стандартизации целительских услуг. Встаёт вопрос, являются ли в таком случае подходящими дипломы разнообразных «народных академий», число которых растёт в нашей стране столь стремительно, что при таком темпе грозит в будущем превзойти число общеобразовательных школ? Например, на одной только квартире на улице Рубинштейна находятся основанные известным оккультистом Рушелем Блаво Международный университет восточной медицины, НИИ традиционной народной медицины и музыкальной терапии и другие не менее презентабельные учреждения. Однако, как уверяет руководство органа по сертификации, на данный момент в России существует всего пять признанных учреждений для подготовки специалистов в области народной медицины. Это Белгородская ассоциация врачей, Омская ассоциация народной медицины, аналогичная Тольяттинская ассоциация, Челябинская академия инновационных технологий и Санкт-Петербургский социальный институт. Дипломы, полученные в других учреждениях, Минздравом не признаются.

3. Следующий шаг: будущий народный целитель должен собрать отзывы не менее десяти пациентов до и после лечения. Возникает вопрос, насколько объективны будут данные отзывы? Например, на своих сеансах А. Кашпировский заставлял выйти на сцену всех, кто исцелился от чего-либо на его предыдущих сеансах. Вышедшие должны были поведать об этом всему залу, умалчивая при этом о вновь возникших болезнях. Поэтому желательно, чтобы отзывы хотя бы сопровождались вполне официальными медицинскими документами.

4. Необходимы также документы, подтверждающие стаж работы целителем не менее пяти лет. Здесь подходит всё – от свидетельства о регистрации в качестве ИП до всё тех же отзывов пациентов, что опять является непроработанным моментом в системе.

5. Целители также должны обладать правовыми знаниями, в частности, законодательства о защите прав потребителей.

6. Если всё перечисленное у кандидата имеется, целителя вызывают в Москву, чтобы провести исследование его способностей по биоэнергетике! Оказывается, биоэнергетика утверждена Госстандартом ещё в 1993 г., и даже существует Институт по объективизации энергоинформационного воздействия, имеющий лицензию Минздрава. Исследования в самом деле проводятся на высоконаучном уровне: изучается влияние энергетики кандидата на электропроводность воды, активизацию и подавление различных бактерий, способность активировать разные участки головного мозга и т. д.

Справедливости ради стоит сказать, что подобная проверка действительно способна отмести откровенных шарлатанов. Однако, даже если проборы зафиксируют экстрасенсорные способности, проблема заключается в *источнике* этих способностей и их влиянии как на самого носителя

«силы», так и на его пациентов. Так, Президент Центра психоаналитических исследований Б.Егоров и директор Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. Сербского Т.Дмитриева свидетельствуют об опасности для здоровья сеансов А Кашпировского. Доктор медицинских наук В. Лебедев исследовал 6228 писем людей, смотревших сеансы «целителя». Вот результаты исследования: "У 63% людей было отмечено резкое обострение заболеваний. Последующие исследования показали, что из 15%, казалось бы, исцелившихся после сеансов, у 13-14% вновь возникли обострения заболеваний в более резкой форме". Подобное можно сказать и про других целителей.

7. Возвращаясь к процедуре сертификации, нужно отметить: на предпоследнем этапе Минздрав посылает в региональное министерство запрос на предмет наличия жалоб на кандидата – как от пациентов, так от иных лиц.

8. Наконец, собирается комиссия, на заседании которой решается вопрос о выдаче сертификата. Сертификат выдаётся сроком на три года, о чём вносится запись в соответствующий реестр.

Контроль за деятельностью народных целителей осуществляет Росздравнадзор. Именно он при наличии жалоб может отозвать у незадачливого экстрасенса лицензию. Правда, на практике таких случаев ещё не возникало.

Итак, с виду система при всей сомнительности отдельных её звеньев выглядит более-менее проработанной. Однако русская поговорка «закон – что дышло» в полной мере справедлива и здесь. Оказывается, вся описанная выше процедура является… не обязательной, а факультативной! Как отмечает В.В. Егоров, народная медицина делится на традиционную медицину, для занятия которой необходима лицензия, и собственно целительство. Целительство не подлежит лицензированию, и для занятия им сертификат не требуется. Таким образом, сертификация услуг в области народной медицины носит добровольный, а не обязательный характер. Нет смысла говорить, что результатом подобной вседозволенности является огромное количество случаев мошенничества на псевдорелигиозной и псевдомедицинской почве. Именно этот разгул смеси оккультизма и шарлатанства мы все и наблюдаем сегодня.

Правда, некоторое воздействие на недобросовестных целителей оказать всё же можно. В случае, если на лицо имеются жалобы, Росздравнадзор передаёт их рассмотрение Роспотребнадзору. Дело в том, что в соответствии с законом «О защите прав потребителей» покупатель имеет право получать достоверную информацию о товаре и производителе. Разумеется, не имеющий государственной лицензии производитель такую информацию предоставить не может, а потому ему грозит в худшем случае административный штраф. Такой же будет санкция за отсутствие у «целителя» свидетельства о регистрации в качестве индивидуального

предпринимателя. Но запретить их незаконную деятельность тем не менее никто не вправе. Понятно, что ни о какой защите прав граждан в этом случае нет речи, и на рынке целительских услуг царит полное беззаконие. Единственным выходом из сложившейся ситуации Минздрав видит в скорейшем введении системы обязательной сертификации. Однако и сама эта система сертификации, как мы видим, во многих моментах не проработана, а потому вопрос так и остаётся открытым.

Костина Н.Б. (г. Екатеринбург)

ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК УСЛОВИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Постоянный рост числа религиозных организаций, распространение новых религиозных течений, возникающие между ними и организациями традиционных конфессий за влияние, проявления религиозного экстремизма – эти и еще ряд важных тенденций современной религиозной жизни ставят перед органами государственной власти сложнейшие социально-политические задачи, связанные с функциями регламентации деятельности религиозных объединений, контроля за выполнением законодательства всеми субъектами этих отношений. Имеет место политизация деятельности ряда конфессий и религиозных организаций, появление клерикальных тенденций.

Под государственно-конфессиональными отношениями (ГКО) мы понимаем отношения равенства-неравенства субъектов этим отношений. Таковыми являются государственные органы и учреждения - и религиозные объединения. Отношения закреплены в соответствующих светских и религиозных институтах и проявляются во взаимодействии названных субъектов.

Сферы взаимодействия государства и религиозных объединений – не только правовая (законотворчество и правоприменение), но и экономическая, сфера социальной защиты, здравоохранения, образования, культуры, экономии, охраны общественного порядка, Вооруженные силы и пенитенциарная система. Важнейшие формы взаимодействия органов власти с религиозными объединениями в этих сферах, за исключением правовой – заключение договоров и соглашений.

Предмет государственно-конфессиональных отношений:

1. Создание условий и возможностей для реализации права личности на свободу совести и вероисповедания, законодательно закрепленных прав религиозных объединений.

2. Контроль за соблюдением законодательства всеми субъектами ГКО, в том числе – за сохранением светского характера образования в государственных и муниципальных учреждениях образования, деятельности государственных СМИ, учреждений культуры.

3. Обеспечение взаимодействия государственных и муниципальных органов власти и религиозных объединений в реализации социально значимых программ.

4. Регулирование межконфессиональных отношений, предотвращающее возникновение конфликтов и способствующее достижению толерантности.

Взаимодействие религиозных объединений и государства осуществляется по двум основным направлениям:

1) проведение совместных акций,

2) обеспечение автономии в тех видах деятельности, в которых они обладают особой компетенцией.

Оба вида взаимодействия основаны на сочетании отношений равенства и неравенства, при преобладании в каждом конкретном случае тех либо других.

Первое направление – это партнерское взаимодействие, основано на преобладании совместных согласованных действий над конфликтами. Государство, коммерческие фирмы, общественные объединения, религиозные организации делают одну и ту же работу, направленную на достижение общих целей. Это помощь малоимущим, обездоленным, участие в реализации экологических программ, в охране памятников истории и культуры и др. Такое взаимодействие основано на преобладании равенства. Неравенство здесь заключается в том, что коммерческие и религиозные организации делают это на свои деньги, а государственные учреждения и ряд общественных – на бюджетные. Хотя и здесь возможны варианты: выделение бюджетных средств на сохранность культурных ценностей, одновременно являющихся церковным достоянием.

Второе направление проявляется в невмешательстве государства и религиозных объединений в дела друг друга. В его основе – равенство государства и религиозных объединений как юридических субъектов. Государство не может (и не должно) вмешиваться в дела церквей и религиозных объединений, а они не ведут политической или какой-либо иной недозволенной деятельности, которая нарушала бы границы признанных и юридически закрепленных полномочий. Взаимодействие проявляется во взаимном контроле за соблюдением автономии в сферах особой компетенции. Каждая сторона следит за тем, чтобы: 1)самой не нарушать принятые договоренности, 2)их не нарушала другая сторона.

Равенство представлено в этом случае равенством прав на контроль за деятельностью «другой стороны» и своей собственной. Ни одна из конфессий не должна иметь привилегий относительно другой, это контроли-

руют как государство, так и религиозные объединения. Неравенство выражается в различии возможностей, которыми обладают конфессии и государство при осуществлении и обеспечении контроля.

Государство обладает публичной властью, средствами принуждения, разрабатывает и утверждает нормативные системы, регулирующие как деятельность религиозных объединений, так и отношения «государство - религиозные организации». Последние таких полномочий не имеют. Если представители одной конфессии нарушают права представителей другой, у религиозных лидеров и верующих есть только идейные ресурсы влияния, причем как светские, так и теологические. Светские – это критика, обращение внимания власти и общественности на возникшие конфликты, апелляция к общественному мнению, прежде всего через СМИ. Теологические способы влияния – и в этом специфика конфессионального контроля – отлучение от церкви, предание анафеме и т. п.

В поликонфессиональном обществе идейные способы влияния ослабевают, поскольку влияния разных конфессий как бы сталкиваются. Государство призвано не допускать нарушения равенства прав конфессий, которые могут прибегнуть к крайним формам защиты – религиозному экстремизму. Это будет незаконным использованием силы для достижения равенства конфессий. Государство использует силу для установления равенства законно.

В основе ГКО два конституционных принципа – свободы совести и светскости государства. Содержание первого: право на исповедание любой религии; право не исповедовать никакой религии; равенство прав граждан вне зависимости от религиозной принадлежности или непринадлежности; равенство всех религий перед законом; отсутствие принуждения в исповедании и неисповедания религии; невмешательство государства в богослужебные и канонические дела церкви.

Принцип светскости государства означает: равноудаленность от всех религиозных мировоззрений и от атеизма; отделение религиозных объединений от государства, они не выполняют функций органов власти, не участвуют в деятельности политических партий и не оказывают им помощи; отсутствие в государственной судебной системе религиозных судов; деятельность органов государственной власти не сопровождается публичными религиозными обрядами; государство не финансирует религиозную деятельность религиозных объединений, но создает условия для их социально-значимой деятельности, оказывает помощь в содержании и охране памятников культуры, в обеспечении преподавания общеобразовательных дисциплин в религиозных учебных заведениях.

Перечисленные позиции фиксируют отношения государства и религиозных объединений: в чем они равны, а в чем – нет.

Взаимодействие государства и религиозных объединений в России осуществляется во всех направлениях – от социально-экономической и

культурно-образовательных сфер до силовых структур и порядка участия в нем религиозных объединений. Общее число нормативных актов, непосредственно регулирующих различные аспекты свободы совести и деятельность религиозных объединений или включающих в себя отдельные положения и нормы, относящиеся к этой сфере, насчитывает сегодня более 100. В Государственной Думе действует Комитет по делам общественных объединений и религиозных организаций. В мае 1994 г. при Правительстве РФ создана Комиссия по вопросам религиозных объединений как межведомственный координационно-методический и информационно-аналитический орган, в 1995 – Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ, в состав которого входят религиозные деятели наиболее крупных религиозных объединений России. Во всех субъектах РФ действуют те или иные органы по взаимодействию местных администраций с религиозными объединениями. Развернута острая дискуссия о необходимости создания государственного органа по взаимодействию с религиозными объединениями, организациями и осуществляющего контроль в этой сфере на федеральном уровне.

Органы государственной власти и местного самоуправления и религиозные организации вправе заключать между собой в пределах собственной компетенции договоры (соглашения) о совместной деятельности в духовно-культурной и иных социально-значимых сферах общественной жизни. Предметом вышеуказанных договоров может быть разработка и осуществление совместных планов, программ и мероприятий, образование совместных координационных центров, государственная и муниципальная поддержка религиозных организаций.

Влияние на ГКО оказывают конфессиональная структура населения, исторически сложившиеся традиции отношений государства и религиозных объединений, глубина секуляризационных процессов. В современной России ГКО во многом обусловлены религиозной ситуацией, под которой сегодня понимаются наличие и интенсивность религиозных проявлений, динамика и направленность их изменений, характером и степенью влияния на общество, регион. Показатели религиозной ситуации: процессы, происходящие а массовом религиозном сознании и религиозной идеологии; конфессиональная структура населения; деятельность религиозных объединений, их влияние на окружающую социальную среду.

В советский период ГКО характеризовались тем, что институциональные основания контроля субъектов отношений за осуществляемой ими деятельностью были разработаны, однако на деле провозглашенные принципы и нормы не реализовывались. Признанная единственно верной и институционально закрепленная идеология марксизма-ленинизма и атеизма выполняла, по сути, роль официальной религии. Сотрудничество религиозных объединений и государства в плане взаимного контроля было

мнимым. Государство жестко контролировало деятельность религиозных организаций, которые были лишены такой возможности.

В постсоветское время ситуация принципиально изменилась. Государство предпринимает действия по реальному соблюдению принципов свободы совести, невмешательства в дела религиозных объединений. Новым является и участие последних в решении социальных вопросов.

Однако, несмотря на позитивные процессы, в ГКО существует ряд проблем:

1. Несовершенство действующего законодательства о религиозных объединениях. Принятый в 1990 г. закон РСФСР «О свободе вероисповеданий» придал легитимный характер свободе совести, но с его принятием государство лишилось возможности влиять на религиозную ситуацию даже в тех случаях, когда угрозе подвергались его национальные интересы. Принятый в 1997 г. ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» не способствовал развитию межконфессионального диалога. Ряд его статей специалисты считают двусмысленными, направленными на защиту интересов традиционных религий, что стало предметом рассмотрения отдельных положений закона в Конституционном суде РФ.

2. Распространение знаний о религии. Право на знание о религии – неотъемлемое право человека. В светском государстве не только не может запрещаться родителям дать детям религиозное образование, но и должны быть созданы условия для предоставлении знаний о религии. Однако религиозное образование должно даваться на основе добровольного выбора, ни одна из конфессий не должна иметь преимуществ. При этом должен быть сохранен светский характер образования.

3. Регламентация деятельности религиозных групп и иностранных миссионеров на территории РФ и контроль за уставной деятельностью религиозных организаций. Действующее законодательство предоставляет религиозным группам право существовать без регистрации и уведомления органов государственной власти и местного самоуправления. Это фактически исключает возможность контроля со стороны государственных органов за соответствием практической работы этих организаций декларируемым принципам, не позволяет своевременно выявлять нарушения действующего законодательства. В целях противодействия религиозному экстремизму необходимо расширить полномочия регистрирующих органов, предоставить им возможность полноценного контроля за соблюдением религиозной организацией уставных целей и порядка деятельности.

4. Необходима разработка законопроекта, который направлен на определение имущества религиозных организаций, облегчение финансового бремени тех организаций, которые имеют право на безвозмездное срочное пользование землей, объектами недвижимости, в том числе – памятниками истории и культуры. Отсутствует законодательное основание надлежащего процессуального статуса религиоведческой экспертизы,

особенно для правоохранительной практики. Не решены и вопросы регулирования трудовых отношений в религиозных организациях, особенно в части пенсионного законодательства.

5. Ведутся споры относительно введения разграничения религиозных объединений на относящиеся к традиционным конфессиям и не являющиеся таковыми. Признание на законодательном уровне такого разделения может при вести к нарушению конституционной нормы о равенстве религиозных объединений перед законом (ст. 14), а также ряда взаимозависимых норм – о гарантии свободы совести (ст. 28), о равенстве прав и свобод человека и гражданина независимо от отношения к религии (ст. 19).

Существенная характеристика ГКО в современной России - признание основными религиозными конфессиями положений светского правового принципа, предполагающего независимость и автономность друг от друга политики и религии. Так, РПЦ заявляет о необходимости дистанцироваться от любого государственного строя, действующих политических доктрин, конкретных политических сил, находящихся у власти. Отказ от вовлечения в политику выражается в подчеркивании нежелательности членства священнослужителей в политических партиях, движениях, блоках, в первую очередь – ведущих предвыборную борьбу. РПЦ заявляет о своем стремлении к взаимодействию со всеми политическими силами. Позицию невмешательства в политическую борьбу партий в современном российском обществе поддерживают все основные религиозные конфессии.

Программными документами, в которых прописаны основные базовые позиции религиозных конфессий, являются принятые в начале XXI века социальные концепции. Это «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», «Основные положения социальной программы российских мусульман», «Социальная позиция протестантских церквей России».

Куропаткина О.В. (г. Калуга)

СТРАТЕГИИ «НОВЫХ» ПЯТИДЕСЯТНИКОВ В СФЕРЕ ДОСТИЖЕНИЯ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Пятидесятники – эта протестантская конфессия испытывает наибольшие сложности в России. Общество относится к ним очень подозрительно, антикультовое движение провозглашает часть из них «тоталитарной сектой». Поэтому им необходимо находить общий язык с верующими других конфессий, укреплять толерантность в обществе, потому что

именно пятидесятники больше всех из христианских конфессий страдают от интолерантности.

Пятидесятников в России можно условно разделить на три группы: классические, или «традиционные» пятидесятники (входят в Объединенную церковь христиан веры евангельской - ОЦХВЕ), «умеренные» (их примерно половина в Российской церкви христиан веры евангельской - РЦХВЕ) и «новые» (практически весь Российский объединенный союз христиан веры евангельской – РОСХВЕ, половина союза РЦХВЕ, часть в Ассоциации христианских церквей «Союз христиан» - АХЦ и Северо-восточном союзе евангельских церквей (СВСЕЦ), а также ряд независимых церквей и миссий). Именно «новые» пятидесятники – самая уязвимая часть российского пятидесятничества (к ним предъявляют претензии и за экстатическое богослужение, и за проповедь здоровья и богатства для христианина, и за «американизированность»), поэтому они наиболее активно разрабатывают стратегии достижения межконфессиональной толерантности.

Помимо практических причин, для стремления к единству есть и богословская база. Во-первых, общепротестантская экклезиология предполагает, что Тело Христово состоит из многих поместных общин, чьи конфессиональные отличия не имеют значения, главное – преданность Христу. Во-вторых, российские «новые» пятидесятники считают, что над Россией навис Божий гнев за десятилетия безбожной жизни, и поэтому всем христианам, вне зависимости от конфессий, нужно объединиться и совместно молиться и призывать страну к покаянию. Не все «новые» пятидесятники придерживаются такой позиции; есть те, кто считает спасенными только себя, однако таких меньшинство.

Сложно складываются отношения «новых» пятидесятников с их самыми близкими братьями – традиционными пятидесятниками. Последние осуждают «модернизированных» собратьев за слишком свободный стиль богослужения и т.н. «теологию процветания». Однако, если лидер ОЦХВЕ Иван Федотов неохаризматических проповедников (западных «отцов» «новых» пятидесятников) резко осуждает, считая, что они искажают евангельское учение, то о российских «новых» пятидесятниках он говорит мягче. Со своей стороны, руководство РОСХВЕ, в частности, Сергей Ряховский, делает все, чтобы подчеркнуть, что они – такие же пятидесятники, как и ОЦХВЕ; традиционные пятидесятники – духовные отцы и старшие братья, считают «новые» пятидесятники. На местах отношения сложные, однако в Алтайском крае и Татарстане сложилось продуктивное сотрудничество.

Следующий приоритет для «новых» пятидесятников – это отношения с т.н. «евангельскими христианами» (баптистами и адвентистами). Курс «История евангельского движения в России», который изучает русское сектантство (хлыстовство, духоборчество, молоканство, штундизм) и

историю дореволюционного и советского протестантизма, есть в Евроазиатской семинарии союза Ряховского. «Новые» пятидесятники подчеркивают, что у них с баптистами и адвентистами общие духовные предки – русские богоискатели, которые уходили в «евангельское христианство» из официального православия, а также общие мученики. Такая стратегия дает свои плоды как на федеральном, так и на местном уровнях: создан Совет протестантских церквей России, куда входят РОСХВЕ, РЦХВЕ, баптисты и адвентисты; совсем недавно заявление на постоянное членство подала методистская церковь. Складывается сотрудничество с баптистами, например, в Карелии, Удмуртии и Кировской области.

Следующий уровень сотрудничества – это т. н. «классические» протестанты, в частности, лютеране. В таком взаимодействии «новые» пятидесятники особенно заинтересованы, так как это показывает их «протестантскость», которая постоянно ставится под сомнение антикультистами. Общая установка такова: «Мы все – протестанты, и у нас общие исторические корни – Реформация». Сотрудничество не всегда складывается; в частности, пастор Евангелическо-лютеранской церкви Ингрии принимал участие в сектоведческой конференции в Саратове «Неопятидесятнические секты: угроза религиозного экстремизма» (2005 г.), где выступил с резким осуждением «новых» пятидесятников. Кроме того, было заявление части лютеранских церквей, которые заявили, что протестантскими в полном смысле этого слова являются только лютеране. Таким образом, по их мнению, не только «новые» пятидесятники, но и баптисты не могут называться протестантами. Тем не менее, представитель лютеранской церкви присутствует в качестве наблюдателя в Совете протестантских церквей России; в Татарстане, Пермской и Астраханской областях лютеране и «новые» пятидесятники сотрудничают.

У интеллектуальной элиты «новых» пятидесятников есть стремление наладить отношения и с православными. Впрочем, не стоит забывать, что часть пасторов (правда, небольшая) уверена, что в православии невозможно спастись. Большая часть «новых» пятидесятников таких резких мнений не высказывает, но в их среде распространена прямая или косвенная критика РПЦ за почитание икон, суеверие и обрядоверие. Тем не менее, складывается и другая точка зрения. Более либеральная часть пятидесятников, как, например, Павел Тимченко, почетный глава Северо-Восточного союза евангельских церквей, признает вклад РПЦ и в культуру, и в христианизацию России. Пасторы церквей «Слово веры» (Краснодар) и «Новый Завет» (Пермь) считают, что нужно учитывать духовный опыт православия. Один из прихожан «Слова жизни» (Москва) полагает, что без учета православной традиции нельзя выработать самобытное евангельское богословие в России. Есть пятидесятники, которые исследуют православную традицию – это позиция руководства РОСХВЕ: Сергей Ряховский, например, преподает в своей Евроазиатской семинарии право-

славное богословие, его студенты интересуются восточнохристианской мистической традицией. Есть работа Владислава Бачинина (Ассоциация христианских церквей (АХЦ)) о Ниле Сорском; на харизматических сайтах можно встретить цитаты из Иоанна Кронштадтского или увидеть в списке литературы по богословию книги А. Шмемана и В. Лосского. Уникальна позиция церкви «Краеугольный камень» (Казань). Руководство церкви считает, что у православия есть глубина, но часто не хватает «духа», а у харизматов есть «дух», но часто нет глубины, поэтому две эти церкви должны сотрудничать и взаимно обогащать друг друга. Роман Усачев, пастор «Краеугольного камня», говорит, что их церковь – «пророческая» (там Дух свободно проявляет себя в откровениях), а православная церковь – «апостольская» (хранительница древнего предания). Члены церкви читают В. Лосского, Н. Бердяева, П. Флоренского, Г. Флоровского; одно время проводился семинар по изучению творений Иоанна Златоуста. Руководство церкви приглашало московских специалистов читать лекции по патрологии и богословию иконы, верующие из РПЦ бывают в летнем лагере «Селах». В целом нужно отметить, что эта церковь ведет наиболее конструктивный и серьезный диалог с православием. И, наконец, есть группа пятидесятников, у которых увлечение православием превращается в своеобразную эклектику: в церквях ассоциации «Виноградник» могут висеть православные иконы, верующим из Ивановского христианского центра разрешают исповедоваться в РПЦ, наконец, в Свободной православной церкви (Калининград) служится литургия восточного обряда, а наряду с глоссолалией практикуется Иисусова молитва. Эту позицию критикует пастор церкви «Дом Отца» (Москва) Михаил Дубровский. По его мнению, происходит поверхностное заимствование, которое превращается в маскарад, и церкви, которые скатываются с «золотой середины» (диалога с православием) в «оправославливание», становятся эклектичными: ни протестантскими, ни православными.

Отметим, что стремление «новых» пятидесятников к общению с православными встречает отклик: часть либеральных православных активно контактирует с ними и ищет общую почву в диалоге о мистическом богословии пятидесятничества и православия.

Наконец, есть еще одна стратегия - отвержение деноминационных границ в принципе. Пастор Евгений Иванов (РОСХВЕ) осуждает протестантские церкви за неумение забыть о частностях и объединиться. Он считает, что протестантизм в России будет сильным только тогда, когда станет единой административной структурой /1/. Какие-то церкви реализуют эти принципы на практике: союзы Павла Тимченко (СВСЕЦ) и Игоря Никитина (АХЦ) включают харизматов, методистов, пресвитериан и т.д. и считают себя просто евангельскими церквями.

Таким образом, «новые» пятидесятники стараются найти общий язык с традиционными пятидесятниками, «евангельскими христианами»,

лютеранами и православными, и, хотя сталкиваются с проблемами, тем не менее, достигают определенных результатов в сфере достижения межконфессиональной толерантности.

Литература:

1. *Иванов Е. Нужна ли нам единая протестантская национальная церковь в России? (часть вторая).* http://www.cef.ru/5/5/a/1279/

Незнамова З.А. (г. Екатеринбург)

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА СВОБОДЫ СОВЕСТИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ

Ст. 28 Конституции Российской Федерации гарантирует каждому свободу совести и свободу вероисповедания, включая право исповедовать любую религию либо не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствие с ними.

Данное конституционное право граждан обеспечивается комплексом мер правового регулирования, включая нормы конституционного, гражданского, трудового, административного, уголовно-исполнительного и иных отраслей права. Нормы уголовного права не должны занимать в этой системе важное место. Однако и преуменьшать роль уголовно-правовой охраны конституционного права граждан на свободу совести и свободу вероисповедания, также вряд ли уместно.

Мы не можем согласиться с утверждением некоторых авторов, занимающихся исследованием данной проблемы, о том, что в отличие от уголовного законодательства некоторых зарубежных стран, в частности, Германии, в уголовном законодательстве РФ лишь одна статья посвящена уголовной ответственности за воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и свободу вероисповедания – 148 УК /1/. Как нам представляется, действующий УК РФ содержит систему норм, направленных на охрану права на свободу совести и свободу вероисповедания в России.

Итак, какие же нормы уголовного права решают данную задачу? Достаточен ли их потенциал для достижения поставленной цели? Нет ли пробелов в уголовно- правовом регулировании данного конституционного права? Именно эти вопросы будут рассмотрены в данной работе, в связи с чем, подробный анализ объективных и субъективных признаков рассматриваемых составов преступлений не будет входить в наши задачи, хотя бы по причине весьма ограниченного объема публикации.

Прежде всего, следует отметить ст. 4 УК РФ, закрепляющую принцип равенства граждан перед законом. Согласно данной норме лица, совершившие преступление, равны перед законом и подлежат привлечению к уголовной ответственности и наказанию независимо, в том числе, от их убеждений, отношения к религии, принадлежности к общественным организациям. Разумеется, данный принцип нельзя назвать специфическим уголовно-правовым отраслевым принципом, ибо УК в значительной степени дублирует конституционное положение о равенстве всех граждан перед законом и судом.

Однако, закрепление данного принципа в уголовном законодательстве следует признать крайне важным, поскольку он задает параметры действий как для законодателя при формировании уголовно-правовой политики в области криминализации и пенализации, так и для правоприменителя при решении вопросов о привлечении к уголовной ответственности и назначении наказания лицам, признанным виновными в совершении преступления. В частности, данный принцип равенства граждан перед законом и судом создает основы для создания норм Особенной части УК РФ, нацеленных на охрану права на свободу совести.

Все преступления, связанные с охраной свободы совести и свободы вероисповедания, по УК РФ можно условно разделить на три группы.

В первую группы должны быть включены составы преступлений, где свобода совести и вероисповедания выступают в качестве основного непосредственного объекта преступного посягательства, иными словами, где данное конституционное право в первую очередь охраняется нормой УК. В эту группу можно включить лишь ст. 148 УК, которая так и именуется «Воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповедания».

Данная норма является наиболее общей уголовно-правовой нормой, направленной на охрану рассматриваемого конституционного права. В ней устанавливается уголовная ответственность за незаконное воспрепятствование деятельности религиозных организаций или совершению религиозных обрядов в любой форме и в любом виде. При этом данное воспрепятствование должно совершаться умышленно.

Во вторую группу уголовно-правовых норм можно включить те составы преступлений, где свобода совести и вероисповедания выступает в качестве дополнительного объекта, где данное право охраняется лишь попутно, наряду с охраной и защитой иных общественных благ и ценностей. Следует признать, что таких норм большинство.

В эту группу следует включить ст. 136 УК, которая устанавливает уголовную ответственность за дискриминацию, за нарушение прав, свобод, законных интересов человека и гражданина в зависимости от его пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеж-

дений, принадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам. Как видно из диспозиции данной статьи, основным непосредственным объектом в этой статье выступает другое конституционное право граждан – равенство граждан перед законом и судом. Свобода совести и вероисповедания охраняются попутно, лишь как один из возможных вариантов посягательства на равноправие граждан.

В ст. 239 и 244 УК основной охраняемый уголовным законом объект – общественная нравственность, духовное здоровье нации. Однако, конституционное право на свободу совести данные нормы охраняют не менее значимо. В ст. 239 УК устанавливает уголовная ответственность за создание религиозного или общественного объединения, деятельность которого сопряжена с насилием над гражданами или иным причинением вреда их здоровью, либо с побуждением граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей или к совершению иных противоправных деяний, а также за руководство таким объединением, участие в деятельности такого объединения, а также за пропаганду подобного рода деяний.

Ст. 244 УК предусматривает ответственность за надругательство над телами умерших, либо уничтожение, повреждение или осквернение мест захоронения, надмогильных сооружений кладбищенских зданий, предназначенных для церемоний в связи с погребением умерших или их поминовением. Казалось бы, данная норма не связана с охраной права на свободу совести. Однако это не так. В большинстве случаев церемонии погребения умерших, а также обряды их поминовения в нашей стране совершаются по обрядом и канонам тех или иных религий, которые умерший исповедовал при жизни. И даже в том случае, когда умерший был убежденным атеистом, его мировоззрение находит свое отражение, как в обряде погребения, так и в обряде поминовения, что тоже напрямую связано со свободой совести и вероисповедания. Свобода совести в этом случае понимается, как право умершего быть похороненным в соответствие с похоронными обрядами соответствующей религии и покоиться согласно этим обрядами. Поэтому ст. 244 УК с полным основанием следует включать в группу преступлений, направленных на охрану свободы совести. Аналогичным образом поступают и законодатели других стран. Так, § 167а УК ФРГ, предусматривающий ответственность за воспрепятствование совершению погребального обряда, а также §168 УК Германии, в котором предусматривается ответственность за надругательство над могилой, включаются в группу преступлений, обеспечивающих свободу вероисповедания /2/.

Свобода совести и вероисповедания выступают в качестве дополнительного объекта уголовно-правовой охраны также в группе статей УК, устанавливающих ответственность за экстремистскую деятельность. Введенная относительно недавно в УК РФ ст. 282.1 устанавливает уголовную ответственность за создание экстремистского сообщества, то есть органи-

зованной группы лиц для подготовки или совершения по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, а равно по мотивам ненависти или вражды в отношении определенной социальной группы преступлений экстремистской направленности, а также за руководство такими сообществами и участием в нем.

Ст. 282.2 УК оценивает в качестве уголовно-наказуемого деяния организацию деятельности общественного или религиозного объединения или иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности, а также за участие в деятельности такой организации или объединения.

Ст. 282 УК устанавливает ответственность за любые действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично или с использованием средств массовой информации.

В этих статьях УК основным непосредственным объектом выступают общественные отношения, направленные на охрану основ конституционного строя и безопасности государства. Право на свободу совести и вероисповедания выступает здесь в качестве дополнительного объекта, к тому же нередко носящего альтернативный характер.

Наконец, в ряде статей Особенной части УК свобода совести и вероисповедания как конституционное право гражданина и человека выступают в качестве факультативного объекта уголовно-правовой охраны. Эти преступления образуют третью группу. Сюда, в частности, следует отнести: п. «л» ч. 2 ст. 105 УК «Убийство, совершенное по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти и вражды, либо кровной мести» /3/; п. «е» ч. 2 ст. 111 УК «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью по мотивам национальной, расовой, религиозной ненависти и вражды» ; п. «е» ч. 2 ст.112 «Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью человека, совершенное по мотивам национальной, расовой, религиозной ненависти и вражды», п. «з» ч. 2 ст. 117 УК «Причинение физических или психических страданий путем систематического нанесения побоев либо иными насильственными действиями (истязание), совершенные по мотивам национальной, расовой, религиозной ненависти и вражды».

Таким образом, конституционного право свободы совести и свободы вероисповедания выступает в статьях УК РФ в качестве основного, дополнительного и факультативного объектов уголовно-правовой охраны.

Что же следует понимать под свободой совести и свободы вероисповедания как объектом уголовно-правовой охраны? Казалось бы, ст. 28 Конституции РФ достаточно четко формулирует данное право: это свобо-

да исповедывать индивидуально или совместно любую религию или не исповедывать никакой. Вторит ей и Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» в ст. 3: «В Российской Федерации гарантируются свобода совести и свобода вероисповедания, в том числе право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать и менять, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними» /4/.

Однако проведенный нами анализ статей УК, посвященных защите права на свободу совести, за редким исключением, скорее охраняет лишь один аспект данного права: свободу исповедывать ту или иную религию. Так, согласно диспозиции ст. 148 УК воспрепятствование осуществлению свободы совести и вероисповеданий выражается лишь в воспрепятствовании деятельности религиозных организаций или совершению религиозных обрядов. Ни в этой статье, ни в других статьях УК не идет речь о воспрепятствовании деятельности, например, атеистических или иных мировоззренческих организаций.

Между тем, статьи УК, направленные на охрану свободы совести и свободу вероисповедания должны защищать данное конституционное право не однобоко, а во всех его аспектах, как это и закреплено в действующем законодательстве. В этой связи статьи УК нуждаются в корректировке.

Еще одним из институтов уголовного права, направленным на охрану свободы совести следует признать предусмотренный законодательством свидетельский иммунитет священнослужителей. Однако и здесь не обходится без правовых коллизий. Согласно ст. 56 УПК РФ священнослужители не подлежат допросу в качестве свидетелей по уголовному делу относительно обстоятельств, которые стали известны ему из исповеди. С другой стороны, ст. 308 УК устанавливает уголовную ответственность за отказ свидетеля от дачи показаний. При этом в применении к ст. 308 УК, где указываются основания освобождения отдельных категорий лиц от уголовной ответственность за отказ от дачи показаний, священнослужители не указаны, что, следуя буквальному толкованию Примечания к ст. 308 УК, не исключает возможность их привлечения к уголовной ответственности по данной статье УК.

По нашему мнению, данная коллизия должна быть устранена путем внесения изменений в Примечание к ст.308 УК. Поскольку наряду со священнослужителями ст. 56 УПК РФ предусматривает и некоторые другие категории лиц, которые не могут быть допрошены в качестве свидетелей по уголовному делу относительно определенных обстоятельств дела, Примечание к ст. 308 УК следует сформулировать в следующей редакции: «Лицо не подлежит уголовной ответственности за отказ от дачи показа-

ний против себя самого, своего супруга или своих близких родственников, **а также в иных предусмотренных законом случаях».**

Можно сделать вывод, что в УК РФ содержится система норм, направленных на охрану права на свободу совести и вероисповедания. Можно ли признать ее эффективной? Ответ на этот вопрос зависит от того, что рассматривать в качестве критерия эффективности уголовно-правовых норм.

Согласно ст. 2 УК задачами уголовного права являются охрана общественных отношений и предупреждение совершения преступлений. Как показывает изучение, по крайней мере, опубликованной судебной практики, уголовных дел по статьям, которые мы отнесли к группе преступлений, имеющих целью охрану свободы совести, практически нет, либо они носят единичный характер.

Значит ли это, что подобного рода преступления не совершаются, либо совершаются крайне редко? Думается, что нет. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к средствам массовой информации, которые периодически сообщают об актах осквернения могил, памятников и иных мест захоронения, насильственных преступлениях против личности, совершаемых на религиозной почве, и других правонарушениях. Является ли отсутствие реальных возбужденных дел недостатком действующего уголовного законодательства? По мнению автора, нет. Уголовный кодекс РФ обладает в настоящее время достаточным арсеналом уголовно-правовых норм, дающих возможность привлечь к уголовной ответственности любых лиц, посягающих на свободу совести и свободу вероисповедания. И если проблемы с привлечением таких лиц к ответственности есть, то это проблемы правоприменения, но не материального уголовного права.

Литература:

1. *Серебренникова А.В. Обеспечение свободы вероисповедания, религиозных и мировоззренческих убеждений по законодательству Германии. М.; 2004. С.28.*
2. *Уголовный кодекс ФРГ. М.; 2001.с.105-106.*
3. *Поскольку обычай кровной мести основан на религиозных обычаях определенных народов РФ, объединение указанных квалифицирующих признаков убийства в одном пункте ст. 105 следует признать правильным, а убийство на почве кровной мести верно относить к группе преступлений, посягающих на свободу совести и вероисповедания.*
4. *Федеральный закон от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ // Собрание законодательства.1997.№ 39,ст. 4465.*

Ничик В.И. (г. Екатеринбург)

ПРИНЦИПЫ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ, СОДЕЙСТВУЮЩИЕ ПОЛНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА СВОБОДУ СОВЕСТИ

Проведя анализ развития государственно-конфессиональных отношений в исторической перспективе, мы можем увидеть, каким образом в истории исполнялась реализация неотъемлемого права на свободу совести. Сегодня в обществе раздаются голоса в пользу того, чтобы воссоздать опыт симфонии, но в истории мы можем чаще увидеть от таких слияний «какофонию», нежели «симфонию». Это только говорилось, что церковь ведет государство в делах духовных, а государство помогает церкви в делах административных. На самом деле дирижерская палочка всегда была в руках государства и церковь во все времена получала от него весьма чувствительные удары. В древней Руси христианство было насаждаемо путем насилия, и свобода совести регламентировалась принципом, объявленным накануне крещения князем Владимиром: «Если кто не придет завтра на реку – богатый или бедный, нищий или раб – не друг мне». Поэтому мы можем отметить, что Владимир Мономах в системе взаимодействия светской и церковной власти отводил церкви подчиненное место /1/.

По этому поводу В.С. Соловьев писал, что отношения между государством и церковью носят негативный характер и «вина в этом падает не на государство. Ибо прежде, чем Петр Великий подверг церковную власть внешнему подчинению государственному, сама эта власть церковная уже допустила в себе противохристианский дух гордости, деспотизма и насилия и тем самым подвергла сомнению свое право на независимое существование» /2/.

Позже был всем нам известный период советской власти, когда государственной политикой являлась борьба с религией, что, конечно, не содействовало возможности реализации права на свободу совести. В связи с этим возникает вопрос: что же необходимо делать, чтобы отношения государства и религиозных организаций были цивилизованными, служили благу общества и содействовали возможности полной реализации права на свободу совести?

Для полной реализации данного права государственно-конфессиональные отношения должны развиваться, придерживаясь определенных принципов. Эти принципы должны проявляться в повседневных отношениях государства с религиозными объединениями, а не только на уровне буквы закона.

1. **Равенство и равноудаленность**. Конституция РФ в ст. 14 провозглашает Россию государством, в котором никакая религия не может уста-

навливаться в качестве государственной или обязательной, а религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом. Всё дальнейшее законотворчество должно базироваться на этом постулате. ФЗ закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», принятый в 1997 г. в общих чертах закрепляет принцип равенства и равноудаленности от всех религиозных объединений, но при этом и имеет тенденцию при всей равности сделать кого-то «равнее». Свидетельством тому является преамбула этого закона: «…признавая особую роль православия в истории России…».

Данное положение, содержащееся в преамбуле, не имеет дальнейшего нормативного развития и в самом законе более ничего не сказано о какой-то привилегии православию, поэтому, казалось бы, можно успокоиться. Проблема же заключается в следующем: это положение дает предпосылку для различной степени сотрудничества и взаимодействия государства с религиозными организациями. Кроме того, многие читают закон, так же как, иной раз, книгу, т.е. предисловие и ещё пару страниц из середины. В результате отношения к другим религиозным конфессиям приходит к ограничительному методу взаимодействия – в лучшем случае или к запретительному – как худший вариант, что является нарушением конституционных прав религиозных меньшинств, их административное преследование, нарушение действующего законодательства.

На первый взгляд, создается впечатление, что государство выступает в защиту российских духовных традиций, стремясь оградить граждан от «тлетворного влияния Запада». На самом деле, во-первых, наносится урон авторитету власти. Во-вторых, в обществе возникают дополнительные очаги напряженности, могущие перерасти в конфликты на религиозной почве, которые, как показывает история, длятся десятилетиями и сопровождаются разрушениями и кровопролитиями. В-третьих, создается почва для политических спекуляций на чувствах верующих, чем очень активно пользуются различные политики. И, конечно, необходимо отметить, что попытки противопоставить граждан друг другу на основе этноконфессиональных приоритетности - это верный путь к внутреннему распаду нации, т.к. сегодня очень многие исповедуют ту или иную религию не по этнической принадлежности, а по убеждениям.

2. **Законность**. В условиях поликонфессиональной России, вставшей на путь развития демократии, нет иного пути, как придерживаться норм закона. Общество, в котором не признается примат закона, в итоге обречено на развитие власти силы. Гарантированная свобода совести и вероисповедания - это возможность беспрепятственно действовать в соответствии со своими интересами и целями в рамках своего мироощущения и мировоззрения, основанного на вере в существование сверхъестественного, Бога или богов.

Обеспечивая религиозную свободу, Конституция РФ запрещает использование религиозного фактора для осложнения отношений между людьми. Так, в ст. 19 провозглашается равенство прав и свобод человека и гражданина независимо, в том числе от отношения к религии. Ст. 29, гарантируя каждому свободу мысли и слова, говорит о том, что не допускаются пропаганда и агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещаются пропаганда социального, расового, национального и религиозного превосходства.

Согласно ст. 18 Конституции РФ, права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими, они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельности законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. Данное принципиальное положение означает, что все нормы права и действия властей должны учитывать, в числе других, и интересы конфессий и верующих.

Необходимо добиваться единства законодательной базы в сфере отношений государства и религиозных объединений. У нас же пока существует, говоря словами известного классика В.И. Ленина, «законность калужская» и «законность казанская». В результате госаппараты регионов работают вроде бы по одним российским законам, но в разных регионах один и тот же вопрос решается по-разному. Казалось бы, мы имеем единую Федеральную регистрационную службу, но требования в каждом регионе разные.

Если государство имеет крен в сторону какой-то конфессии, то в этом случае, как будут реализовываться законы, так будут выстраиваться и отношения между конфессиями в государстве. Придерживаясь принципа законности, не будет допускаться «политизация» религиозных организаций, а так же «клерикализация» власти. Иначе будет развиваться средневековая «охота на ведьм», направленная против религиозных меньшинств под видом борьбы с «тоталитарными», зловредными, опасными сектами. Мы живем в XXI столетии, когда цивилизационо человечество шагнуло далеко вперед и есть достаточное количество правовых норм для сохранения государства от разрушительных действий возникающих псевдорелигиозных группировок.

3. **Системность.** После развала СССР в России практически исчезла определенная системность в отношении религиозных организаций. Так, до революции был Священный синод, который будучи государственным органом ,управлял вопросами религии, при этом Церковь действовала в интересах государства, а государство давало разные преференции церкви. В советский период мы знаем, государство заняло позицию гонителя в отношении религии вообще. Все религии были преследуемы, и Совет по делам религий, зачастую, носил функции контрольно-диктующего органа.

Поэтому Россия, встав на путь развития демократии, полностью отпустила религиозный вопрос. Во многих регионах была выведена из штата органов власти должность, направленная на взаимодействие с религиозными объединениями. Был сделан шаг от тотального контроля и диктатуры к полной бесконтрольности и сумбуру. В связи с этим на протяжении уже почти десятилетия идет разговор о необходимости разработки четкой государственной концепции о принципах взаимодействия государства и религиозных объединений. У данной идеи есть как сторонники, так и противники. Но отсутствие новой модели государственно-церковных отношений и замедление с определением ее сущностного содержания, может стать фактором, дестабилизирующим социально-политическую и духовную обстановку в России.

Очередная возможная реорганизация федеральных органов исполнительной власти без принятия целостной концепции государственно-конфессиональной политики в соответствующей сфере общественных отношений и твердой решимости не только высшего, но и среднего управленческого звена приведет только к дополнительным финансовым затратам и к серьезным проблемам в реформируемых ведомствах. Для этого необходимо, чтобы на всех уровнях исполнительной власти имелись профессионально подготовленные специалисты по вопросам государственно-конфессиональных отношений. В последние годы региональные органы власти стали уделять больше внимания профессиональной подготовке таких специалистов, как на базе Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, так и силами собственных научных учреждений.

Второй, не менее важный аспект в развитии принципа системности, - это создание определенного органа власти на федеральном уровне с представительством в регионах для регулирования отношений государства и религиозных объединений. Но, по мнению одних, возникновение такого органа означало бы большее вмешательство федеральной власти в дела религиозных объединений. К такому мнению подталкивает горький опыт прошлого. С другой стороны, не исключено, что такой орган, который неизбежно стал бы своеобразной апелляционной инстанцией для религиозных объединений, теоретически мог бы позволить ограничить произвол региональных властей. Тем не менее, до настоящего момента политика федеральной власти в сфере отношений с религиозными объединениями остается неопределенной, специальный орган, упомянутый выше, не создан, а нарушения свободы вероисповедания в регионах продолжаются.

Поэтому с этой точки зрения обсуждать вопрос о целесообразности создания органа по делам религии можно не раньше достижения согласия научного сообщества и заинтересованных государственных органов, как минимум, по основным моментам концепции государственно-церковных

отношений. Серьезно определять возможные структуру, задачи и функции соответствующего органа следует только на основе утвержденной в установленном порядке концепции государственно-церковных отношений или одновременно с ее утверждением /3/.

При взаимодействии с религиозными организациями органам государственной власти важно не переступать ту грань, за которой следуют нарушения конституционных принципов отделения религиозных объединений от государства и светского характера образования. В ряде субъектов Российской Федерации в городах и районах созданы комиссии по взаимодействию с религиозными организациями. Особую актуальность организация такой работы, имеет в сложных, с конфессиональной точки зрения, регионах.

Литература:

1. *Исаев И.А. История государства и права России. Учебник. М., 2002. С.28*
2. *Соловьев В. С. Собрание сочинений в 15 т., Т.3. Репринт. изд. М.,1992. С.236*
3. *Каневский К. Угроза государственного клерикализма. Нужно ли России Министерство по делам вероисповеданий?// НГ- религии. 26.12.01*

Савоськин А.В. (г. Екатеринбург)

К ВОПРОСУ О ДОПУСТИМОСТИ РЕЛИГИОЗНОГО ПРЕПОДАВАНИЯ В РОССИИ

Ст. 14 Конституции РФ называет Россию светским государством, в котором церковь отделена от государства, а все религиозные объединения равны перед законом. При этом ст. 14 ничего не говорит об отделении церкви от образовательных учреждений. Вместе с тем нет оснований полагать, что речь идет о принципиальных изменениях в политике государства. Именно по этому к традиционной формулировке Конституции «церковь отделена от государства» часто добавляют, «школа отделена от церкви». И это действительно так, законодательство об образовании предполагает его светский характер, общесоциальную, а не конфессиональную направленность.

Вместе с тем в последние годы не умолкают споры о допустимости или недопустимости религиозного образования в школе. Что касается иных учебных заведений (высших, средних специальных, предоставляющих дополнительное образование) то споров, как правило, не возникает. Это образование не является обязательным и осуществляется по осознанному волеизъявлению самих обучающихся.

Споры вокруг вопроса о возможности преподавания религии в школе настолько запутаны и мифологизированы, что сторонники и противники подобного образования ссылаются на одни и те же нормативные акты, а зачастую на одни и те же статьи, но при этом обосновывают совершенно противоположные суждения. Парадокс ситуации в том, что с правовой точки зрения, в ряде случаев, позиции и тех, и других можно признать обоснованными. А дело все в том, что сторонники и противники религиозного преподавания спорят по поводу разных понятий, то есть доказывают несколько разные вещи, как бы странно это не звучало.

Российское законодательство не дает понятия религиозного образования, что и порождает проблему. Поэтому для начала позвольте остановиться на понятии образования. В преамбуле ФЗ "Об образовании" сказано, что образование - это целенаправленный процесс воспитания и обучения в интересах человека, общества, государства, сопровождающийся констатацией достижения гражданином (обучающимся) установленных государством образовательных уровней (образовательных цензов). Как видно, данное определение совершенно не проливает свет на содержание религиозного образования. Единственный акт, целенаправленно регулирующий вопрос религиозного образования - это Приказ Минобразования РФ от 1 июля 2003 г. N 2833 "О предоставлении государственными и муниципальными образовательными учреждениями религиозным организациям возможности обучать детей религии вне рамок образовательных программ" вообще не содержит термина образование, а употребляет уже совсем иной термин «религиозное обучение». И это не случайно.

Однако сам приказ содержание понятия религиозного обучения не раскрывает. Оно дано в методических рекомендациях, утвержденных Письмом Минобразования РФ от 4 июня 1999 г. N 14-53-281ин/14-04, хотя разъяснения даны недостаточно вразумительно. В соответствии с примечанием к письму, религиозное обучение или по другому обучение религии - это духовно-нравственное воспитание и преподавание основ вероучения. По правде говоря, и приведенное определение почти ничего не проясняет, в то время как ключ к проблеме допустимости или не допустимости религиозного образования заложен именно в правильной трактовке этого понятия.

Следует пояснить, что в теоретическом и практическом аспектах, религиозное образование следует четко разграничивать на две составляющие (назовем их так): религиозное обучение и религиозное просвещение. Если под религиозным обучением мы будем понимать обучение конкретной религии, то есть мировоззрению, обрядам, догмам определенной конфессии, а под религиозным просвещением своеобразный «ликбез», расширяющий кругозор, восполняющий знания человека о традициях, правилах и обрядах представителей различных конфессий, то все становится на свои места. Главное отличие между этими понятиями в том, что

обучение ставит целью изучение конкретной религии и, по сути, воспитание последователя, в то время как просвещение ставит целью повышение уровня образованности человека. Менее значимо, но также существенно отличие в преподавателе. При религиозном обучении - это религиозная организации в лице священнослужителя, который проводит занятие. Что касается религиозного просвещения, то его должен преподавать школьный учитель.

Если мы примем данную терминологию, которой, подчеркиваю, нет в законодательстве, то все становится на свои места. В светском государстве, действительно, нет места религиозному обучению в рамках обязательных государственных образовательных программ, но в нем есть место для религиозного просвещения. Приведенное утверждение легко доказывается соответствующими нормами. Как уже было отмечено, Конституция не содержит упоминания о светском характере образования. Но об этом однозначно говорится в п. 2 ст. 4 ФЗ "О свободе совести и о религиозных объединениях" и в п. 4 ст. 2 ФЗ "Об образовании" – «Государство обеспечивает светский характер образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях», а также косвенно подтверждается п. 5 ст. 1 "Об образовании" – «В государственных и муниципальных образовательных учреждениях деятельность религиозных движений, организаций и объединений не допускаются». Эти положения касаются запрета религиозного обучения, но не исключают религиозное просвещение.

Что касается ст. 5 ФЗ "О свободе совести и о религиозных объединениях", где закрепляется право каждого «на получение религиозного образования», то здесь речь идет и о религиозном обучении и о религиозном просвещении. При этом следует отметить, что ч. 5 данной статьи прямо подчеркивает возможность религиозного обучения в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, но вне рамок образовательной программы, то есть на необязательно (факультативной), добровольной основе. То есть термин религиозное обучение уже не применяется, а заменяется более узким по содержанию, более точном в данном контексте термином - «обучение».

Закон "О свободе совести и о религиозных объединениях" и подзаконные акты четко определяю условия, при которых возможно религиозное обучение в школе. К таким условиям относятся:

1. Право обучать религии предоставляется только религиозной организации, а не любому религиозному объединению. Этим правом также не обладают религиозные организации, имеющие права юридического лица на условиях их ежегодной перерегистрации;
2. занятия могут проводиться только за рамками расписания учебных занятий и во внеучебное время, согласованное с родителями;
3. образовательное учреждение обязано согласовать принимаемое решение с органом самоуправления этого учреждения (советом,

попечительским советом, общим собранием, педагогическим советом и др.), а также с органами местного самоуправления;

4. необходима просьба родителей (законных представителей) о предоставлении конкретной религиозной организации возможности обучать их ребенка (детей) религии, оформленная в письменном виде. Согласие детей в возрасте от 7 до 14 лет на обучение религии указывается родителями (законными представителями) в этом же заявлении. Дети в возрасте старше 14 лет, как это следует из п. 5 ст. 3 ФЗ "О свободе совести и о религиозных объединениях", самостоятельно решают вопрос о своем отношении к религии и религиозному обучению. Причем такое решение должно быть изложено письменно;
5. просьба конкретной религиозной организации о предоставлении ей возможности обучать детей религии в данном образовательном учреждении оформляется официальным письмом руководителя (главы) религиозной организации;
6. используемые в процессе обучения религии литература и учебно-методические пособия, включая аудио- и видеоматериалы, должны иметь маркировку с официальным полным наименованием данной религиозной организации.

Таким образом, только при наличии всех этих требований, возможно религиозное обучение в школе. При этом, заметьте, школа религиозное обучение не осуществляет, она лишь предоставляет помещение, в то время как занятия проводят представители религиозной организации.

Что касается религиозного просвещения, то оно может реализовываться в рамках государственных образовательных программ, через такие дисциплины как «Религиоведение», «Основы религии» и др. Но здесь возникает как минимум два вопроса. Первый: сколько религий изучать? Учитывая, что все конфессии по Конституции равноправны, то получается что самая малочисленная религиозная организация, исповедующая никому неизвестную религию, вправе требовать включение её изучения в программу. Второй вопрос: каким должно быть соотношение часов, отводимых на изучение той или иной религии. В обществе бытует мнение, что приоритет должен отдаваться православию, как религии, имеющей самое большое значение для истории и культуры нашего государства. Но это никак не подтверждается нормативно, более того, повторюсь, это нарушает принцип равноправия конфессий. Отсутствие ответов на эти вопросы, как мне представляется, не позволяет ввести религиозное просвещение в школе. Подводя краткий вывод своим размышлениям, позволю напомнить, что в законодательстве отсутствует понятие религиозного образования. Приведенные в работе термины «религиозного обучения» и «религиозного просвещения», а также их интерпретация, представляют собой не более чем авторское видение проблемы.

Соответственно вплоть до устранения этого правового пробела возможны злоупотребления правом на религиозное образование в виду возможности искусственной подмены понятий.

Семякин М.Н. (г. Екатеринбург)

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ СПОСОБЫ (ФОРМЫ) ЗАЩИТЫ ПРАВА НА СВОБОДУ СОВЕСТИ.

В соответствии со ст. 28 Конституции РФ каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними.

Специфика гражданско-правовых способов (форм) защиты права на свободу совести проявляется в следующем:

1. В случае нарушения данного нематериального блага оно подлежит восстановлению *независимо от вины правонарушителя*.

2. При защите права на свободу совести допустимо, по общему правилу, использование любых способов (форм) защиты гражданских прав (например, таких, как признание права, пресечение действий, нарушающих право, возмещение убытков, признание акта органа власти недействительным, компенсация морального вреда и др.).

3. Основания и способы защиты названного блага различаются также в зависимости от того, нарушено ли право на свободу совести физического лица (гражданина) или юридического лица (религиозной организации).

4. В силу ст. 208 ГК РФ на требования о защите права на свободу совести, равно как и иных нематериальных благ, не распространяется исковая давность.

5. Гражданско-правовая защита рассматриваемого блага направлена также и на то, чтобы предупредить его нарушение в будущем.

Целью гражданско-правовой защиты права на свободу совести является предоставление и обеспечение каждому индивиду свободы вероисповедания, выбора религии, возможности иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними, физической и интеллектуальной неприкосновенности, а также неприкосновенности внутреннего духовного мира личности, с тем чтобы гражданин имел определенную самостоятельность и независимость от государства и общества, а также иных институтов. Такая автономия обеспечивается предоставлением индивиду гарантий права на свободу совести, свободу вероиспове-

дания, неприкосновенности личности, недопустимости вмешательства в ее личную (духовную) жизнь и т. д.

Однако, как свидетельствует практика, чаще всего право на свободу совести нарушается путем издания незаконных властных актов соответствующими органами и должностными лицами. Так, коллегией по гражданским делам Верховного суда Удмуртской Республики было рассмотрено дело по иску о признании недействительным закона Удмуртской Республики «О миссионерской деятельности на территории Удмуртской Республики» в связи с нарушением прав и свобод граждан и несоответствием Закона Конституции РФ и другим правовым актам РФ. Истцы ссылались на то, что указанным Законом были нарушены их права и свободы, гарантированные ст. 28 Конституции Удмуртской Республики, в частности права на свободу совести, свободу вероисповедания, и указывали на то, что ст. 3 этого Закона запрещает исповедовать и распространять религиозные убеждения без разрешения специального органа по аккредитации. Суд признал Закон недействительным и не подлежащим применению с момента принятия как нарушающий конституционные права и свободы граждан /1/.

Изданием этого Закона истцам был причинен также имущественный вред: за получение аккредитации в соответствии со ст. 7 обжалованного Закона был уплачен денежный сбор в размере десятикратного размера минимальной оплаты труда. В данном случае причиненный имущественный вред также подлежит возмещению по правилам, предусмотренным в ст. 1069 ГК РФ.

Причем здесь имеется ряд особенностей, на одну из которых представляется необходимым особо обратить внимание. Установив, что наличествуют условия для возмещения причиненного данным актом имущественного вреда, суд должен удовлетворить требование о его возмещении независимо от признания этого акта недействительным. Такое полномочие суда основано на норме, закрепленной в ч. 2 ст. 120 Конституции РФ, в соответствии с которой суд, установив при рассмотрении дела несоответствие акта государственного или иного органа закону, принимает решение в соответствии с законом. Кроме того, на это обращено внимание и в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» /2/. Следует иметь в виду, что ст. 12 ГК РФ также предусматривает такой способ защиты гражданских прав, как неприменение судом акта государственного органа или органа местного самоуправления, противоречащего закону.

Если при нарушении права на свободу совести причинен вред также чести и достоинству, репутации индивида, то указанные личные неимущественные блага также подлежат защите в соответствии с правилами, закрепленными в ст. 152 ГК РФ.

При нарушении права на свободу совести нередко причиняется моральный вред – нравственные, физические и т.п. страдания индивида. Причем имеется особенность, когда такой вред причиняется посягательством на принадлежащие гражданину личные неимущественные права, в том числе и права на свободу совести. Если моральный вред причинен указанным правам индивида, то он, при наличии предусмотренных законом условий, подлежит возмещению независимо от того, предусмотрено ли такое возмещение специальным законом или нет. В указанных случаях достаточным основанием для возмещения такого вреда служит ст. 151 ГК РФ.

Литература:

1. *Актуальные проблемы гражданского права: Сб. статей. Вып. 7 / Под ред. О. Ю. Шилохвоста. М., 2003. С. 241.*
2. *БВС РФ. 1996. № 2. С. 1.*

Степанова Е. А.(г. Екатеринбург)

КРИЗИС ЛИБЕРАЛИЗМА, ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ПРИНЦИП СВОБОДЫ СОВЕСТИ

Как люди должны сегодня жить вместе в мире, в котором сосуществуют различные веры, культуры, национальности, расы и политические системы как в рамках одной страны, так и в глобальном контексте? Дискуссия на эти темы продолжается по всему миру, и пока никто из ее участников не дал на подобные вопросы полного и адекватного ответа. Один из самых популярных ответов – соблюдение принципов либеральной демократии и толерантности. Они уходят своими корнями в эпоху Просвещения и основаны на определенной эпистемологии, которая подразумевает веру в то, что с помощью разума люди могут объединяться вокруг совокупности общих истин и моральных принципов, несмотря на различия между ними. Более поздние представители либеральной мысли признали тот факт, что подобные просветительские мечты не осуществились, и что апелляция к разуму не гарантирует согласия в обществе, главной чертой которого является плюрализм. Так, Д. Оуэн пишет: «Либеральные принципы, касающиеся религии – отделение церкви от государства, религиозный плюрализм, религиозная свобода – первоначально основывались на революционном всеобъемлющем философском учении, которое объясняло сущность человеческой природы, цель политического общества и истинное место религиозной веры. Либеральные учения о религии были продуктом века Разума… Сегодня вера во всеобъемлющее

философское учение Просвещения лежит в руинах, и мало надежды на то, что его может успешно заменить другая всеобъемлющая философия. Этот пессимизм в значительной степени продиктован радикальной критикой разума как такового» /1/.

Толерантность является одной из самых противоречивых ценностей нашего времени. Эта противоречивость происходит, в частности, из того обстоятельства, что толерантность имеет отношение не только к неформальной, нерегулируемой части жизни людей, но и к институциональным аспектам политической жизни. Большинство исследователей согласны с тем, что толерантность по определению подразумевает несогласие: ее объект рассматривается как морально неоправданный и нежелательный, даже если ее субъект принимает решение не осуществлять никаких действий по отношению к тому, что он считает безнравственным.

Сегодня либерализм, в целом, и толерантность, в частности, подвергается все большей критике, главным образом, за недостаточность своего позитивного обоснования. В силу этого толерантность имеет тенденцию превращаться в индифферентность: люди чаще всего проявляют толерантность не потому, что они действительно привержены ей как ценности, а потому, что они сами не имеют достаточно устойчивых убеждений и поэтому не стремятся судить или подавлять убеждения других.

Но даже, если находятся аргументы, оправдывающие толерантность как таковую, она предстает не в виде ценности, а в виде компромисса, наилучшего сценария поведения в условиях плюралистического общества. Кроме того, толерантность, разработанная в традиционном либерализме, относится, главным образом, к убеждениям, тогда как в современном обществе на первый план вышли проблемы расы, гендера и этничности, т. е. проблемы, связанные с образом жизни.

Отношения между государством и церковью имеют важное значение для теории политического либерализма. Либерализм возник в условиях религиозной раздробленности Европы после Реформации и религиозных войн XVI-XVII вв., которые поставили вопрос о том, каким образом в обществе могут сосуществовать различные интерпретации христианства. В качестве наилучшего ответа на этот вопрос была предложена толерантность. Д. Роулз, который рассматривал свою версию политического либерализма как продолжение этой традиции, считал, что она «дополняет и расширяет то направление мысли, которое началось три века назад, вылилось в растущее признание принципа толерантности и привело к внеконфессиональному государству и свободе совести» /2/. Однако сегодня многие считают, что либерализм возник не столько из желания найти решение религиозного конфликта, сколько из политической необходимости. История XIX и XX вв. показывает отнюдь не уменьшение, но возрастание кровопролития и войн в мире. Государство должно было поддерживать мир, помогая преодолеть насилие, порожденное религией. Но затем кровь про-

лилась уже не во имя религии, а во имя демократии и свободы. Следовательно, толерантность не есть способ решения религиозного конфликта, но она была и остается инструментом, посредством которого государство завоевало и подчинило себе церковь, следуя своим собственным целям.

Некоторые аспекты соотношения государства и религии помогает прояснить позиция великого протестантского богослова XX в. К. Барта. Он выразил ее в тексте Барменской богословской декларации, которую написал от имени Немецкой исповедальной церкви в начале 1930-х гг.: «Мы отвергаем ложное учение о том, что за пределами своей особой ответственности государство может и должно становиться душой и тотальным порядком человеческой жизни, и тем самым осуществлять призвание Церкви. Мы отвергаем ложное учение о том, что за пределами своей особой ответственности Церковь может и должна приобретать природу, задачи и судьбу, которая принадлежит государству, и тем самым становиться органом государства» /3/.

Многие современные богословы разделяют ту же тревогу, что и Барт. Они считают, что когда церковь слишком озабочена политическими проблемами, она ставит в повестку дня такие вопросы, к которым христиане должны относиться крайне настороженно. Прежде всего, это национализм, использование религиозных чувств во имя материальных интересов и превращение церкви в структуру, подчиненную политическому порядку. В то же время Барт отвергает идею о том, что государство имеет право вырабатывать для своих граждан какую бы то ни было философию жизни, и заявляет о том, что гражданское сообщество, в отличие от церковного, не имеет собственного послания. Такое утверждение Барта можно расценивать как выражение некоторой наивности, поскольку он сам был свидетелем того, что государство в лице нацистской Германии было далеко не нейтральным в вопросах, касающихся метафизических истин. Однако политический либерализм согласился бы с позицией Барта, объявив вслед за Д. Роулзом гражданское сообщество политическим, а не метафизическим. Однако следует отметить, что вопреки собственным утверждениям, представители политического либерализма от Д. Роулза до Р. Рорти на самом деле придерживаются определенных взглядов на природу истины, реальности и человеческого существования. Критики политического либерализма также разделяют ту точку зрения, согласно которой государство не может быть нейтральным по поводу понимания добра и зла.

Согласно политическому либерализму, люди, обсуждая общие политические проблемы, должны максимально дистанцироваться от своих «частных» убеждений и предпочтений и выдвигать только рационально постигаемые аргументы с целью достижения всеобщего консенсуса. Однако в современных условиях либерализм все в меньшей степени оказывается способным обеспечить пространство и средства для взаимодействия между различными идентичностями, которые сосуществуют в об-

ществе. В современном либеральном политическом обществе не принято такое обсуждение общественных проблем, которое включало бы в себя реальные вопросы о благе и истине. Публичное поле есть место обмена «преференциями» и «выбором», но не место обсуждения проблемы блага и разных представлений о нем. При этом либерализм и продуцируемое им политическое законодательство и право имплицитно исходит из вполне определенных представлений о благе. Либерализм опасается разделений, которые могут возникнуть в случае публичного обсуждения такого рода проблем, однако они все равно возникают и обсуждаются в реальном практическом взаимодействии между людьми, разделяющими различные ценности в плюралистическом обществе. К сожалению, как отмечает исследователь современного западного христианства К. Джонсон, в понимании сущности «публичной сферы» христианство «восприняло главенствующие парадигмы мышления для того, чтобы включиться в современные дискуссии. Но такое включение не должно происходить за счет утраты идентичности христианства как сообщества и публичного образования. Оно не должно требовать от христианства отказа от своей целостности, дистанцирования от социальной и публичной сферы и превращения в приватную систему верований, которые имеют отношение только к “душевной жизни”» /4/. Когда церковь теряет ощущение своей публичности, она начинает определять себя на основании чуждой логики (будь то политический либерализм или консерватизм), и тем самым теряет способность критического и пророческого отношения к современному обществу.

Современные критики классического политического либерализма предлагают расширить представления о публичном форуме. Например, согласно теории освобождающей демократии (*deliberative democracy*), должен возникнуть такой демократический дискурс, который не ограничивает содержание коммуникации между гражданами предметами, представляющими общий интерес в политическом смысле. По мнению С. Бенхабиб, такой дискурс «не предписывает содержание моральных аргументов посредством мыслительных экспериментов или определения границ между публичной и частной сферой»/5/. Наоборот, это есть коммуникация за пределами демаркационной линии между публичным и частным. Публичная сфера не должна ассоциироваться только с официальными политическими структурами, но она должна быть децентрализованной и состоящей из взаимно пересекающихся объединений и ассоциаций гражданского общества, которое представляет собой место выражения нормативных дискурсов.

Другие исследователи считают, что коммуникация должна происходить между публичными организациями, между входящими в них людьми и между людьми, не входящими в какие-либо организации, и ее содержание должно касаться не только политических вопросов, но любых жизненных проблем. Коммуникация должна учитывать плюралистическую

реальность на различных уровнях и помогать вырабатывать этос взаимодействия между людьми. Для этого коммуникация между различными идентичностями должна происходить не только на словах, но и на практике. В то же время коммуникация не должна быть попыткой добиться консенсуса за счет нивелирования принципиальных различий. Нельзя считать, что единственным путем достижения стабильности и справедливости в плюралистическом политическом обществе является выработка такого языка и аргументов, с которыми все были бы согласны. Необходимо учиться понимать людей именно в их различиях и частностях.

Убеждение в том, что религия влечет за собой большую интолерантность, чем многие формы секулярных идеологий, является отражением культурного мифа либерального общества. На самом деле, любые теории, философские системы и идеологии включают в себя противоречивые взгляды, которые потенциально могут быть интолерантными. В то же время для верующих людей в современном мире должно быть важно не то, что они обладают истиной, о которой они проповедуют, но то, в какой степени они сами являются воплощением этой истины в своей практической жизни. В межрелигиозной коммуникации участники сохраняют убежденность в своих собственных традициях и верованиях в качестве индивидов или представителей религиозных сообществ, но при этом учатся у других, иногда пересматривая свои взгляды, если они оказываются ошибочными, а иногда оставаясь твердыми в своей приверженности истине.

Ответ на вопрос, как люди должны жить вместе в плюралистическом обществе, не может быть дан в форме законченной политической теории. Скорее, он носит практический характер, и его принципом является открытая коммуникация, в которой учитываются различия между идентичностями. Именно под влиянием политического либерализма западное христианство утратило свой публичный, коммунитарный характер и превратилось в предмет частной веры и свободы частной совести. Эта трансформация, произошедшая с христианством, как и со многими другими образованиями западного либерального общества, привела к сведению его послания до уровня «частного» мнения. Христиане как сообщество в условиях либерализма вынуждены сохранять анонимность. Это приводит к своеобразному расщеплению сознания, когда христиане как члены вероучительного сообщества рассматривают свою веру как универсальную, а как члены политического сообщества – как частную. Выход из кризиса либерального общества может заключаться в рассмотрении политической сферы как пространства выражения различных убеждений, учений и практик в процессе взаимообогащающей коммуникации.

Литература:

1. *Owen J. Religion and the Demise of Liberal Rationalism: The Foundational Crisis of the Separation of Church and State.Chicago University Press, 2001. p.1.*
2. *Rawls J. Political Liberalism. New-York, Columbia University Press, 1993, p.154.*
3. *http://www.krotov.info/library/02_b/bar/t_krl_2.htm*
4. *Johnson K. Theology, Political Theory and Pluralism: Beyond Tolerance and Difference. Cambridge University Press, 2007, p. 224.*
5. *Benhabib S. The Claims of Culture: Equality and Diversity in the Global Era. NJ: Princeton University Press, 2002, p. 109.*

Стрекалов В.В. (г. Новокузнецк)

ГРАНИЦЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СВОБОДЫ СОВЕСТИ ПОЛИТТЕХНОЛОГОВ В АСПЕКТЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗРАБОТКИ И ПРИМЕНЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Современные задачи, решаемые на этапе становления культуры российского общества, обусловливают актуальность овладения его членами знаниями о природе, механизмах и функциях политики, условиях и возможностях активно влиять на её характер. Политические выборные технологии имеют большое значение в процессе функционирования общества, являясь важным элементом социально-политических отношений. На основе воздействия средств массовой коммуникации и системы избирательных технологий в обществе формируются предпочтения тех или иных объектов политического пространства (претендентов в различные структуры власти). Благодаря процессу демократического волеизъявления граждан предпочтения определяют факт избрания кандидатов.

Избирательные технологии - сфера профессиональной деятельности, связанная с продвижением соискателей властных полномочий. Активное использование избирательных технологий в отечественной практике связано с утверждением в политическом процессе механизма демократических выборов на альтернативной основе. Появившаяся конкуренция заставляет кандидатов и партии искать способы и механизмы эффективного воздействия на избирателей. В демократическом обществе нельзя легально заставить человека отдать свой голос за того или иного кандидата. Следовательно, способы влияния субъекта на управляемый объект должны быть весьма специфичными, связанными с особыми формами воздействия на мотивационную структуру личности, а главным содержанием избирательной кампании становится борьба за умонастроения, предпочтения населения /1/. Применение потенциала избирательных технологий среди всего арсенала средств политических коммуникаций представляется весомым фактором повышения вероятности победы на выборах. В руках

профессионалов технологии становятся достаточно сильным оружием, позволяющим привлекать на сторону кандидата значительные слои населения, изменять их электоральные предпочтения /2/. Итак, часто высокая конкуренция за право быть избранным толкает соискателей властных должностей на использование изощренных форм воздействия, манипулирование избирателями, введение их в заблуждение. Среди политтехнологов распространено суждение, согласно которому побеждать на выборах нужно «любой ценой». Именно поэтому возникает проблема определения границы допустимости, контроля и ограничения методов избирательных технологий.

Следует кратко охарактеризовать понятие профессиональной свободы совести. Свобода совести - это личное право человека, свобода каждого от любого идеологического и духовного контроля, право каждого человека самостоятельно выбирать для себя систему ценностей, не подвергаясь преследованиям и дискриминации со стороны государства и общества. Свобода совести является абсолютным правом, она не может быть ограничена ни при каких условиях. Таким образом, в свободном обществе каждый человек может иметь свободные взгляды, представления и прочее. Существует также свобода формирования и выражения собственных мировоззренческих установок человека. Однако возникает вопрос о границах проявления свободы человека в отношении общества в целом и конкретных его представителей, в том числе в процессе осуществления профессиональной деятельности. Свобода совести в профессиональной деятельности - право на достижение специальных рабочих целей и результатов, осуществляемое допустимыми в обществе морально-этическими методами.

Вопрос о границах свободы профессиональной деятельности политтехнологов вплотную упирается в анализ проблемы назначения и функционирования избирательных технологий, которую можно рассматривать с различных позиций. В частности, существует подход, согласно которому технологии рассматриваются с точки зрения исключительно их прагматического инициирования стороной, избирающейся во властные структуры. При таком подходе технологии становятся лишь инструментом достижения сугубо узкоутилитарных целей, часто манипулирования общественным мнением и электоральными предпочтениями, средством добиться избрания кандидата. Интересы общества, связанные с функционированием объективной информации, получением достоверных сведений о политической предвыборной ситуации, либо не учитываются, либо отходят на второй план. При данном подходе термин «избирательные технологии» обозначает действия, направленные на достижение необходимого результата на выборах любыми средствами. Часто формируется представление, что успех на выборах зависит в первую очередь от знания приемов и методов политических технологий, изощренности воздействия, нежели от стрем-

ления и умения организовать свою деятельность, основанную на реальных потребностях и ожиданиях избирателей, учете их проблем и интересов. В свете представления данного подхода технологии не столько отражают и интерпретируют действительность, сколько конструируют ее по своему усмотрению, манипулируя и воздействуя на избирателя.

Другой подход при рассмотрении назначения и функционирования выборных технологий ориентирован на представлении о них как социально значимом и полезном явлении. Считается, что благодаря реализации технологий налаживается массовый информационный процесс, помогающий населению в доступности, требуемых объемах предоставления актуальных сведений из области предвыборных процессов. В результате получения и обработки информации избиратель самостоятельно и объективно делает личный выбор и голосует в соответствии со своими взглядами. Данного подхода придерживается подавляющее большинство исследователей - Алхасов М.М., Зотова З.М., Лисовский С.Ф., Полуэктов В.В., Янковский И.Р.и мн.др.

В контексте данного материала назначение избирательных технологий рассматривается не в качестве приемов манипулирования электоратом, а с позиции помощи населению в разъяснении сущности политических взглядов, программных идей для того, чтобы избиратели сделали самостоятельный осознанный выбор. Однако существует большое количество изощренных способов, приемов и методов некорректной предвыборной борьбы, которые выходят за пределы допустимости морально-этических границ функционирования избирательных технологий. В разных источниках они обозначаются в рамках широкого терминологического диапазона, тем не менее фундаментально характеризуя единое явление: «черный PR», «грязные избирательные технологии», «некорректные методы предвыборной борьбы» и так далее. По способу осуществления подобные технологии могут быть разделены на три основные группы:

- технологии манипулятивные, негативные, вводящие избирателей в заблуждение, обманные;
- технологии прямого и косвенного подкупа избирателей;
- технологии, связанные с фальсификациями, подтасовками.

Целесообразно кратко остановиться на характеристике каждой группы некорректных избирательных технологий.

К первой группе относятся разного рода манипулятивные, негативные, вводящие в заблуждение, обманные технологии. Важно сразу уточнить, что не каждое распространение негативной, отрицательной информации о кандидате (партии) является морально недопустимым. Если подобные сведения соответствуют действительности и имеют существенное значение, они могут быть обнародованы, не ущемляя морально-этических основ свободы совести политтехнолога. Например, речь может идти о бывшей судимости кандидата, об ограничениях его возможностей в пол-

ной мере выполнять профессиональные обязанности и предвыборные обещания и тому подобное. Итак, к данной группе недопустимых избирательных технологий относятся:

- распространение недостоверной негативной информации о конкурентах в различной форме (так, на выборах в Новокузнецке намеренно распространялись листовки и слухи, в которых передавалась не соответствующие действительности сведения о том, что один из кандидатов, директор образовательного учреждения унижает сотрудников своего предприятия, не платит вовремя заработную плату, «отмывает» бюджетные деньги);

- применение коммуникативных моделей, манипулирующих избирателем, заставляющих его действовать и формировать взгляды не на основе собственного осознанного анализа и выбора, а в результате управления восприятием человека (например, в Новокузнецке зафиксированы технологии граффити - надписи на заборах с текстом «Х.- не вор!»; при восприятии такой формы передачи информации частица «не» стирается, в подсознании сохраняется лишь привязка фамилии кандидата и негативного наименования социального статуса).

В эту группу технологий включаются ночные телефонные звонки с агитацией «в пользу» кандидата, распространение негативной агитации от имени самого кандидата, ложное разъяснение правил заполнения бюллетеня для голосования, скрытая агитация, например, в виде имитации разговора между двумя людьми на входе в избирательный участок и так далее /3/, /4/.

Технологии подкупа избирателей также представлены широким спектром /5/. Так, практикуется простое устное соглашение, по которому за победу на выборах кандидат обещает заплатить избирателям определенную сумму; при чем вся сумма делится на две части - около 30% средств выплачивается авансом, остальное - в случае победы кандидата. Часто для снижения риска утечки информации о фактах подкупа политтехнологи страхуются различными договорами, в которых говорится об оплате избирателю за некие услуги, которых в действительности не было (например, размещение агитационных плакатов на балконах). В процессе поквартирной агитационной работы в устных беседах с населением определяются граждане, которые могут согласиться с предложением подкупа, который может осуществляться в более изощренных формах - в виде «бескорыстной помощи» продуктовыми наборами и так далее. В день выборов «свои» избиратели часто доставляются на участки для голосования организованно на автобусах, заказанных кандидатом. В других случаях подкуп бывает косвенным, не выражаться в прямом материальном поощрении намерения поддержать претендента во властные структуры. Так, в Новокузнецке один из кандидатов, директор общеобразовательного учебного заведения на встрече с родителями воспитанников намекнул, что в случае собствен-

ной победы все дети бесплатно поедут в лагеря отдыха. Крайне грубым выражением подкупа является так называемая «технология карусели». В день выборов недалеко от избирательного участка, возле пешеходной дорожки, ведущей к месту голосования, некоторым из идущих избирателей предлагаются деньги за обмен бюллетеней. В случае согласия, половина суммы отдается избирателю сразу вместе с уже заполненным бюллетенем. Задача избирателя - спрятать полученный бюллетень, пройти на участок, получить чистый список для голосования, за закрытой ширмой кабинки тайного заполнения поменять бюллетени и, проголосовав, вынести чистый список для получения второй части суммы подкупа. Таким образом, практически исключается возможность неподконтрольного голосования. В самом крайнем случае, избирателю удастся только испортить бюллетень, поставив отметку для голосования напротив еще одного кандидата, что, согласно правилам заполнения, сделает бюллетень недействительным.

Технологии, связанные с фальсификациями и подтасовками представляют собой отдельную группу. Сюда входит вброс бюллетеней, «помощь» при заполнении списка для голосования, намеренная порча бюллетеней при подсчете результатов волеизъявления граждан и многое другое.

Существуют также методы воздействия на результаты выборов, в силу своего содержания, модели построения коммуникаций и организации осуществления, не относящиеся к инструментарию избирательных технологий, но, к сожалению, используемые политтехнологами. Это силовые, а часто и откровенно криминальные действия. Так, на одном из округов в Новокузнецке были зафиксированы запугивания, угрозы, избиения агитаторов и родственников кандидата, временное задержание агитаторов под надуманными предлогами. Кроме того, практиковались методы внедрения в штабы противников «своих людей», которые собирали и передавали необходимую информацию, уничтожали агитационную литературу, распускали внутри команды соперников слухи, способствующие парализации деятельности штаба в самое ответственное время (например, что кандидат не заплатит за работу в течение последней недели кампании).

Все описанные избирательные технологии и методы воздействия на результаты выборов выходят за пределы границ профессиональной этики политтехнолога. Вопрос подобных технологий актуален, поскольку широта явления их использования представляет собой реальную проблему формирования модели морально-этических норм и свободы совести сообщества специалистов по организации предвыборных кампаний.

Основную задачу избирательной системы и избирательных кампаний можно рассматривать как определение тех людей, которые в наибольшей степени соответствуют представлениям населения о защите их интересов в выборных органах власти. Однако с «технологической точки зрения» избирательные кампании «призваны произвести запланированные результаты», а именно обеспечить «избрание» того или иного кандидата.

Осмысление современных технологий выборов представляется важным и актуальным для разворачивания реальных процессов демократизации в России. Избирательные технологии являются своеобразным индикатором, по которому можно судить об уровне развития избирательной системы и демократии в стране.

Итак, вопрос о границах профессиональной свободы совести политтехнологов в аспекте проблемы назначения и функционирования избирательных технологий довольно сложен. По мнению автора, соответствующая граница допустимости манипулятивного и прочих негативных проявлений избирательных технологий должна лежать в пределах действующего законодательства, а также ограничиваться системой морально-этических принципов сообщества политтехнологов и каждого конкретного профессионала. Согласно позиции автора, профессиональная свобода совести специалиста по организации избирательных технологий должна заканчиваться там, где его деятельность может ущемить права и свободы любого гражданина Российской Федерации.

Литература:

1. *Соловьев А. И. Политология: Политическая теория; Политические технологии: Учебник для вузов. М., 2000. С.535*
2. *Пушкарева Г. В. Избирательная кампания: как это делается? // Социально-гуманитарные знания. 2000. № 2. С.267-285*
3. *Стрекалов В.В. Избирательные технологии как форма политических коммуникаций // Актуальные проблемы современного политического процесса: Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 15 февраля 2007 г. СПб.: Балт.гос.техн.ун-т, 2007. Ч.2. С.171-176.*
4. *Стрекалов В.В. Использование инструментария социологии при организации избирательных технологий // «(Пост)современность и наука: социология в поисках себя и общества: Материалы V международной научной конференции студентов и аспирантов. Харьков, апрель 2007 г. Харьков, Харьковский национальный университет им. В.Н. Карамзина, 2007. С.242-243.*
5. *Политический менеджмент: электоральный процесс и технологии / под ред. Сморгунова Л.В. Санкт-Петербург, 1999. С. 156.*

Шабалина С.С. (г. Екатеринбург)

ПРАВОВОЕ ПОНИМАНИЕ СВОБОДЫ СОВЕСТИ И СВОБОДЫ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ

Конституция Российской Федерации гарантирует каждому свободу совести и свободу вероисповедания. На первый взгляд, законодатель четко закрепил в статье 28 данное культурное право граждан /1/, но при

его толковании возникает много противоречий. «Свобода совести» и «свобода вероисповедания» воспринимаются не однозначно, и даже трактовка термина «свобода», особенно в сопоставлении с термином «право», вызывает немало полемики.

Как отмечает Т.Ю. Тагиева, «разнообразие используемых терминов основывается на субъективных предпочтениях правоведов и законодателей, особенностях конкретных культурно-исторических моментов, а также связано со сложностью предмета регулирования, прежде всего наличием множества мировоззренческих доктрин, спецификой их внутреннего строения и существенным своеобразием отдельных их типов. Этому объективно способствует, кроме прочего, то обстоятельство, что терминология конституционного права в области прав человека часто складывается в своей основе за пределами позитивного правового поля» /2/.

Что касается терминов «право» и «свобода», то некоторые ученые вообще не видят в них различий и считают, что использование того или иного из них определено культурно-историческими обстоятельствами их применения и сложившимися на этой основе правовыми традициями /3/. А другие считают, что в большинстве случаев, когда речь идет о субъективном праве, предполагается наличие более или менее определенного субъекта, на котором лежит соответствующая этому праву обязанность. Когда же говорится о свободе, имеется в виду запрещение эту свободу отрицать или ограничивать, обращенное к неопределенному кругу субъектов, обязанных уважать данную свободу /4/.

Иная позиция у А.Ф. Черданцева, которая заключается в том, что в отличие от права юридически закрепленная свобода «предоставляет возможность совершения различных позитивных действий или не совершения их. Количество вариантов поведения здесь по сравнению с субъективным правом значительно возрастает» /5/.

Наиболее глубоко «право» и «свобода» разводятся при подходе, согласно которому субъективное право интерпретируется как «мера дозволенного поведения, допускаемого или порождаемого государством, а свобода как сфера самостоятельной деятельности индивидов, нормируемой ими независимо от государства, когда последнее лишь внешне упорядочивает общественно значимые аспекты свободной деятельности индивидов» /6/.

Достаточно сложно обстоит дело и с использованием понятия «совесть», так как оно в настоящее время не имеет развернутой и однозначной правовой трактовки. В качестве научного термина термин «совесть» сформировался в сфере этики как раздела философии и является элементом системы не правового, но нравственного регулирования. Совесть характеризует способность личности осуществлять нравственный

самоконтроль, самостоятельно формулировать для себя нравственные обязанности, требовать от себя их выполнения и производить самооценку совершаемых поступков. В конституционном праве свобода совести понимается как «отношение человека к религии, как его самоопределение по отношению к ней» /7/.

Тесная взаимосвязь и взаимообусловленность понятий «совесть» и «свобода совести» объясняется тем, что, как считают некоторые ученые, «на протяжении длительного исторического периода многие мировоззренческие вопросы были тесным образом связаны с религиозным мировоззрением, решались с позиций религиозного понимания, религиозной морали. Религиозная догматика лежала в основе всех представлений о мире, была исходным пунктом развития и содержания юриспруденции, естествознания, философии и т.д.» /8/. Влияние религии на нравственную сферу было особенно значительным. Постепенно выработался особый подход к осмыслению свободы совести как понятия, выражающего отношение человека к религии.

Как субъективное право, свобода совести представляет собой «право каждого человека самостоятельно решать вопрос о том, руководствоваться ли ему в оценке своих поступков и мыслей поучениями религии или отказываться от них» /9/.

Исчерпывающий смысл в содержание понятия свободы совести вкладывает в своих работах на эту тему Ю.А. Розенбаум, когда говорит, что «отношение человека к религии может быть трояким: человек может верить в бога, исповедовать какую-либо религию; не верить ни в каких богов и относиться к религии нейтрально или, последнее, может быть атеистом, т.е. человеком, не только не исповедующим никакой религии, но и отрицающим всякое существование бога и отвергающим религию в целом»/10/. Таким образом, полное содержание свободы совести - это право быть верующим, неверующим или атеистом.

Однако с другой стороны, свободу совести нельзя понимать примитивно, как свободу выбора между религией и атеизмом. Правовое, демократическое, светское государство, каким оно провозглашено в Конституции Российской Федерации, не может ставить своих граждан перед выбором о вере и неверии. «В гражданском обществе не может не быть многообразия убеждений, правовых гарантий от проявлений нетерпимости и дискриминации на основе религиозных или других убеждений» /11/.

Обсуждая проблемы терминологии, важно также отметить, что собственно формулировка «свобода совести» используется в конкретных правовых конструкциях соответствующих законодательных актов конституционных систем и международного права достаточно редко. «В различных международных и национальных конституционных законодательных актах, а соответственно и в исследовательских работах по

проблемам, касающимся регулирования общественных отношений, составляющих предмет правового института свободы совести, используется целый ряд более сложных формулировок, содержащих рассматриваемый термин как элемент» /12/.

Например, во Всеобщей декларации прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.) (ст. 18) /13/ и в Международном Пакте о гражданских и политических правах (принят Генеральной Ассамблеей ООН 19 декабря 1966 г.) (ст. 18) /14/ звучит формулировка «свобода мысли, совести и религии» («freedom of thought, conscience and religion»). Аналогичные формулировки содержатся в Европейской конвенции о защите прав и основных свобод (подписана представителями государств – первоначальных членов Совета Европы 4 ноября 1950 г.) (ст. 9) /15/, в Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (провозглашена резолюцией Генеральной ассамблеи ООН 25 ноября 1981 г.) (ст. 5) /16/ и др.

В научных исследованиях Т.Ю. Тагиевой, термин «совесть», по ее мнению, используемый буквально для обозначения предмета регулирования в формулировке «свобода совести», не вполне содержателен, и наиболее адекватным представляется использование термина «мировоззрение». «Свобода совести (свобода мировоззрения) при этом может быть понята как официально признанная и легализованная в особой юридической форме мера мировоззренческой активности, реализуемая людьми по общему правилу в одностороннем порядке независимо от государства, характеризующаяся неопределенным множеством вариантов осуществления, обеспечивающая защиту от мировоззренческой дискриминации, сохранение достоинства и целостности личности, допускающая правовое упорядочивание лишь внешних, публично значимых аспектов» /17/.

Так как в ст. 28 Конституции РФ «свобода вероисповедания» находится в одном ряду со «свободой совести», то напрашивается вопрос об их содержательном соотношении. Но, прежде всего, следует выяснить, что представляет собой свобода вероисповедания.

«Свобода вероисповедания означает, что никто не может быть принуждаем в выборе религии, изменении вероисповедания» /18/. В Российской Федерации исторически сложилось религиозное многообразие: православие, католичество, протестантство, ислам, буддизм, иудаизм, различные секты, имеющие своих последователей. Каждый человек по своему усмотрению приобщается к тому или иному вероисповеданию и тем самым реализует свою свободу вероисповедания. Но каждый равным образом свободен не исповедовать никакой религии. При этом важно подчеркнуть, что одной из самых существенных гарантий свободы совести, свободы вероисповеданий является закрепленное

Конституцией Российской Федерации равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от отношения к религии /19/.

Право на религиозные убеждения в соответствии со ст. 15 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. N 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» раскрывается как право гражданина единолично или со своими единоверцами исповедовать любую религию, беспрепятственно совершать религиозные культы, добровольно вступать в религиозные объединения или выходить из них. Это право означает также, что гражданин может высказывать и распространять религиозные взгляды и убеждения в устной, печатной и любой другой форме при условии, что эта деятельность не противозаконна, не нарушает общественного порядка и не сопровождается посягательствами на личность и права граждан. Воспрепятствование принятию религиозных убеждений или отказу от них, вступлению в религиозное объединение или выходу из него, равно как и применение в этих целях мер принуждения, наказывается по закону.

Содержание вероисповедания включает в себя совершение культов, распространение своих убеждений в обществе непосредственно или через средства массовой информации, миссионерскую деятельность, дела милосердия и благотворительности, религиозное обучение и воспитание, подвижническую деятельность (монастыри, скиты и прочее), паломничество и иную деятельность, определяемую соответствующими вероучениями и предусмотренную уставом (положением) данного объединения /20/.

А.Н. Кокотов детализирует содержание свободы вероисповедания в следующих индивидуальных и коллективных правомочиях: 1) право на исповедание определенного религиозного культа; 2) право на смену религиозной принадлежности и переход из одной религиозной конфессии в другую при соблюдении внутрицерковных правил соответствующих конфессий; 3) право на участие в отправлении религиозных обрядов; 4) право на миссионерскую и религиозно-просветительскую деятельность; 5) право на религиозное образование и воспитание. Свобода вероисповедания охватывает и право граждан не реализовывать упомянутые возможности.

Совместно с правом граждан на объединение (ст. 30 Конституции РФ) свобода вероисповедания предусматривает и право индивидов на объединение в религиозные сообщества. Она охватывает собой также: право на тайну исповеди; право индивидов действовать в соответствии с религиозными убеждениями, в том числе избирать альтернативную службу; право священнослужителей на отсрочку от призыва на срочную военную службу в мирное время /21/.

А со свободой вероисповедания (или религиозной свободой) свобода совести соотносится, как видовое и родовое понятия, как частное и

общее. Свобода вероисповедания есть лишь элемент свободы совести, так как к последней, в политико-юридическом значении этой категории, относится, помимо свободы выбора религии и свободы отправления религиозных культов, еще и право не исповедовать религии вообще, право быть атеистом и иметь право и реальную возможность распространять атеистическую пропаганду /22/.

Таким образом, «свобода слова шире свободы вероисповедания, поскольку включает и свободу придерживаться атеистических убеждений, а вторая, следовательно, образует часть первой» /23/.

Т.Ю. Тагиева в своей работе также выделяет, что свобода вероисповедания (религии) и свобода совести (мировоззрения) соотносятся как часть и целое. Свобода вероисповедания (религии) обладает определенным своеобразием, но сохраняет сущностные системные характеристики свободы совести (мировоззрения) /24/.

В разграничении этих двух категорий схожа позиция и у Н.Ю. Тетерятникова, который видит различие между свободой совести и свободой вероисповедания «в наличии в последней позитивно-правовых элементов (права религиозных объединений, институт тайны исповеди и другие), тогда как первая таковых не содержит: позитивное закрепление свободы совести в официальных источниках - это лишь ее признак как юридической свободы, но не элемент. Естественно-правовые элементы свободы вероисповедания (индивидуальная свобода вероисповедания с составляющими ее правами следовать религиозным убеждениям, выполнять вытекающие из этих убеждений обряды и ритуалы и другими) представляют собой содержательную часть свободы совести, относящуюся к религиозным убеждениям поведению ими обусловленному» /25/.

Итак, в сопоставлении юридических категорий «свобода совести» и «свобода вероисповедания» все ученые более или менее придерживаются одной точки зрения, и спорных позиций здесь нет.

Литература:

1. *См.: Теория государства и права: Учебник для вузов /Отв. ред. В.Д. Перевалов. М., 2005. С. 309-310.*
2. *Тагиева Т.Ю. Конституционно–правовое регулирование свободы совести в Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. С. 25-26.*
3. *Алебастрова И.А. Конституционное право зарубежных стран. М., 2000. С. 15.*
4. *См.: Конституционное (государственное) право зарубежных стран (общая часть) / Под ред. Б.А. Страшуна. М., 2005. С. 57.*
5. *Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. Екатеринбург, 1993. С. 50.*
6. *Конституционное право России. / Отв. ред. А.Н. Кокотов, М.И. Кукушкин. Екатеринбург, 2001. С. 197-198.*

7. Постатейный научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / Отв. ред. С.В. Фомина. М., 2003. С. 198.
8. Конституция Российской Федерации: Научно-практический комментарий / Под ред. академика Б.Н. Топорнина. М., 1997. С. 228.
9. Розенбаум Ю.А. Советское государство и церковь. М., 1985. С. 31.
10. Там же С. 31.
11. Постатейный научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / Отв. ред. С.В. Фомина. М., 2003. С. 199.
12. Тагиева Т.Ю. Конституционно –правовое регулирование свободы совести в Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. С. 23
13. Международные акты о правах человека: Сб. док. М., 2000. С. 41.
14. Там же. С. 59.
15. СЗ РФ.2001 г. № 2. Ст. 163.
16. СССР и международное сотрудничество в области прав человека. Док. и мат. М., 1989. С. 283.
17. Тагиева Т.Ю. Конституционно–правовое регулирование свободы совести в Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. С. 26, 30-31.
18. Конституция Российской Федерации: Научно-практический комментарий / Под ред. академика Б.Н. Топорнина. М., 1997. С. 230.
19. Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» с изменениями, внесенными Федеральным законом от 29.06.2004 г. № 45-ФЗ (СЗ РФ. 1997. № 39). Ст. 4465; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 ноября 1999 г. № 16-П//СЗ РФ. 1999. № 51. Ст. 6363.
20. См.: Постатейный научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / Отв. ред. С.В. Фомина. М., 2003. С. 198.
21. Конституционное право России: Учебник. – Екатеринбург, 2001. С. 199-200.
22. Фомина С.В. Демократия и права человека. Право на свободу совести и свободу вероисповедания // Правовая система «Консультант Плюс».
23. Конституционное (государственное) право зарубежных стран (общая часть) / Под ред. Б.А. Страшуна. М., 2005. С. 184.
24. Тагиева Т.Ю. Конституционно–правовое регулирование свободы совести в Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. С. 10.
25. Тетерятников Н.Ю. Теоретико-правовые аспекты свободы совести: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. С. 10.

Ягофарова И.Д. (г. Екатеринбург)

ПРАВО НА СВОБОДУ СОВЕСТИ: О МЕРЕ И БЕЗМЕРНОСТИ В РЕАЛИЗАЦИИИИ

Буквально на днях по одному из радиоканалов объявили о том, что церковь благословила одного из партийных лидеров, а именно, Сергея Миронова на участие в парламентских выборах. Эта она сделала в силу собственных убеждений и в благодарность за то, что партия финансирует строительство очередного храма. Этот пример очень точно и ясно демонстрирует ту модель взаимоотношений между религией и государством, которая существует на сегодняшний день.

Согласно действующей Конституции РФ (ст. 28) каждому человеку гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать любую религию индивидуально или совместно с кем-либо или не исповедовать вообще никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные или иные убеждения и действовать в соответствии с ними. В то же время, в п. 1 ст. 14 Конституции указан один из основополагающих принципов государства - светский характер.

Свободу совести можно понимать как личностную сферу человека, недоступную государственному вмешательству или его регулированию, это свобода убеждений в отношении бога. Свобода вероисповедания предполагает, что никто не может быть принужден в выборе религии, изменении вероисповедания и т. д.

Право на свободу совести и вероисповедания является абсолютным, оно не подлежит ограничению даже в период чрезвычайного положения, что является довольно-таки весомым показателем ценности и приоритетности данного права (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ).

Такая свобода в исповедании религий и такая значимость данного права в России появились недавно, с распадом Союза. Взамен практически полностью атеистического общества, появляется поликонфессиональность, причем, этот процесс появления и распространения религиозности идет по нарастающей, как снежный ком. В России сложилась благодатная почва для различного рода религиозных направлений, которые хлынули к нам с Запада без соответствующих моральных и иных ограничений.

Последние несколько лет различные религиозные конфессии переживают небывалую активность, свои идеи они буквально насаждают среди самых разных слоев населения. Их сторонники агитируют людей на улицах, в офисах, в квартирах, убеждая примкнуть к ним и поддерживать их культ бога. Идет активная пропаганда религиозного образа жизни.

Воздействие религии на человека, как и любого иного явления, многогранно, нельзя однозначно выделить положительные или отрицательные стороны. С одной стороны, религия, в определенной мере, способствует воспитанию нравственности человека, но, с другой стороны, в своих разнообразнейших проявлениях является в сегодняшнем мире препятствием для подлинной взаимной терпимости. Она или реально служит источником ненависти к иноверующим, как у исламских фанатиков или используется как прикрытие самых низменных инстинктов. Любая религиозная органи-

зация по определению нетерпима к иным религиозным направлениям, поскольку она претендует на обладание абсолютной истиной и заинтересована в увеличении количества своих сторонников. Поэтому течения, связанные с разными видами религиозного фундаментализма, как правило, в принципе отрицают толерантность. И в этом есть доля истины, ибо и «Библия, и Коран в той или иной мере разжигают религиозную рознь, поскольку проповедуют явное превосходство своей веры над остальными» (Олег Наумов: «Толерантных религий не бывает» («Независимая газета»).

Поэтому надо идти к тому, чтобы взаимная толерантность различных религий исходила из того, что во всех религиях есть зерно истины, ибо все религии имеют схожие корни, идеи, отличаются, главным образом, тем, что возникли и развиваются в разных исторических, социальных, экономических условиях.

Российское государство, несмотря на поликонфессиональность общества и, что самое главное, несмотря на свой светский характер, весьма отчетливо и акцентуировано демонстрирует свою приверженность и поддержку определенной религиозной конфессии - православной. Это, с одной стороны, якобы говорит гражданам о нравственности (а, тем самым, и религиозности) «духа» «власть предержащих», которым сегодня уже не чуждо не только ничто человеческое, но и ничто святое. С другой стороны, такая данность является, как на это не смотри, все же нарушением ч. 1 ст. 14 Конституции РФ, в которой закреплен светский характер российского государства.

Далее. Как известно, государство принципиально поддержало и дало свое согласие на введение в школах учебного предмета «Основы православной культуры». Это решение вызвало бурные дискуссии, оно обсуждается на всех уровнях, даются различные оценки, но фактом остается то, что церковные служители все-таки получили право воздействовать на несовершеннолетних граждан (соответствующий эксперимент официально проводится в шести субъектах РФ, расположенных в Нечерноземье, - Липецкой, Белгородской и др. областях). Таким образом, они вторгаются в светскую жизнь граждан, нарушая, тем самым, право свободы выбора человеком религиозного направления и, одновременно, происходит дискриминация иных вероисповеданий.

Достаточно показательным и интересным было также проведение весной 2007 г. в Екатеринбурге совместной акции православной епархии и органов ГИБДД по соблюдению ПДД среди водителей. Сотрудники ГИБДД проводили воспитательные мероприятия на дороге, а священнослужители - в храмах.

Да и в целом, это стало модно быть верующим, в том числе среди молодежи. В крупных городах все чаще стали встречаться женщины в плотно повязанных платках как славянской, так и неславянской внешности, идет активная реклама мусульманских магазинов, ресторанов, предназначенных

только для мусульман, товаров и т. д. Православие идет по тому же пути, вводя в ресторанах линию блюд во время постов, магазины самообслуживания в храмах и т. п. Иные религиозные группы и объединения, не имеющие возможности подобного влияния, организуют более малочисленные по своей направленности мероприятия, например, дискотеки в своих храмах.

Если для Европы такое положение и религиозное многообразие - это сложившаяся годами традиция, то для России - это пока полнейшая сумятица, которая может иметь негативный результат.

Несмотря на то, что государство стремится упорядочить отношения в этой сфере путем принятия ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», порядка нет, идет процесс противопоставления одной религии другой, имеется ввиду, православия и мусульманства. И процесс этот идет планомерно, разбивая на людей на две цивилизации. Говоря словами американского политолога С. Хантингтона, призрак бродит по планете, призрак столкновения цивилизаций. Ученый предупреждал, что в XXI столетии конфликты могут развиваться именно в этом направлении.

В этом плане кажется, что чрезмерная свобода во всем, в том числе и в свободе совести и вероисповедания опасна, она может обратиться негативной стороной для всего общества в целом. Поэтому, кажется, необходимо определить меру, переходя которую свобода превращается в произвол.

Как уже было отмечено, право на свободу совести и вероисповедания является абсолютным, не подлежащим ограничению со стороны государства. Собственно свобода совести не может быть ограничена даже требованием не нарушать права и свободы других лиц до тех пор, пока убеждения или религиозные верования не становятся предметом внешнего выражения. Так, ограничению федеральным законом в соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ подлежат не сами убеждения и верования, а действия в соответствии с убеждениями и верованиями, в частности, при проведении богослужений, распространении веры и т. д. Поскольку религиозные верования и отправление религиозных обрядов обычно связаны с распространением вероучения и совместной с другими лицами деятельностью, то к свободе вероисповедания имеют непосредственное отношение регулирование и ограничение других конституционных прав: права на свободу выражения мнения и информации (ст. 29 Конституции), право на объединение (ч. 4, 5 ст. 13, ст. 30 Конституции) и свободу собраний (ст. 31 Конституции). Государство может воздействовать только путем позитивного воздействия, защищая религиозные объединения и их сторонников от противоправных посягательств.

Отсюда следует, что четко установленных ограничений свободы совести и вероисповедания нет. Самой главной мерой в реализации свободы вероисповедания все-таки является светский характер государства, которое подразумевает, что религия и религиозные объединения не должны оказывать влияния на формирование и осуществление государственной власти. Но

этого недостаточно для урегулирования той ситуации, которая существует в России, для снятия нарастающего социального напряжения, вызванного, в том числе, и религиозными факторами.

Поэтому мера в реализации права на свободу совести и свободу вероисповедания должна быть, она, по большому счету, есть в самом понятии права, поскольку дозволение (предоставление права на что-либо) представляет собой меру поведения, в рамках которой субъекту права предоставляется возможность проявить собственную активность, реализовать свой интерес, правовые дозволения определяют минимальную меру свободы (В.А. Чиркин). Таким образом, предполагается, что, осуществляя свое право на свободу совести и вероисповедания, субъекты не должны превышать определенную меру. Разумеется, речь идет не о количественных показателях, а о пределах разумного при осуществлении прав и свобод. Эта необходимая мера, скорее всего, должна сформироваться, исходя из требований морали и разума во взаимоотношениях государства и церкви, а также между самими религиозными течениями.

Объединив усилия, государство и само общество должны найти ту меру взаимоотношений религиозных конфессий, при которой их деятельность пойдет во благо, а не во вред интересам и государства, и общества в целом.

Якимов Г.А. (г. Екатеринбург)

СВОБОДА СОВЕСТИ В СТРУКТУРЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СТАТУСА ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Светский характер российского государства является одной из основ конституционного строя, свобода совести и свобода вероисповедания гарантируются в качестве основ правового статуса личности в Российской Федерации. Конституция России предусматривает уникальные, характерные только для этого правового акта иерархию прав человека, соотношение прав и обязанностей человека, принципы конституционного статуса человека. Поэтому невозможно понять конституционное содержание свободы совести без учета всей совокупности норм о конституционном статусе человека в Российской Федерации.

Конституционный статус человека как правовой институт, совокупность конституционных норм, определяющих правовое положение человека в российском обществе и государстве, во взаимоотношениях между людьми, состоит из конституционных прав и обязанностей человека, а также конституционных (правовых) принципов. **Анализ соответствую-**

щих конституционных норм позволяет говорить об особом месте свободы совести в структуре конституционного статуса личности.

1. Согласно ч. 3 ст. 56 Конституции Российской Федерации, свобода совести относится к числу прав, не подлежащих ограничению в условиях чрезвычайного положения. Конституционный Суд Российской Федерации в ряде постановлений указывает, что права и свободы, перечисленные в ч. 3 ст. 56 Конституции, в принципе не подлежат ограничению (безотносительно чрезвычайного положения) /1/. Не оспаривая значение соответствующего конституционного положения, заметим, что норма ч. 3 ст. 56 имеет отношение исключительно к ограничениям в условиях чрезвычайного положения и является (с этой точки зрения) специальной по отношению к норме ч. 3 ст. 55 Конституции, а иерархия прав человека и гражданина является (в общем случае) динамичной и определяется в большей степени в соответствии с критериями, перечисленными в ч. 3 ст. 55 Конституции.

2. В соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Иными словами, существует три основных критерия конституционности ограничения того или иного права:

1) критерий формы;

2) критерий конституционной значимости ценности, в защиту которой ограничивается право;

3) критерий соразмерности.

Одной из конституционно значимых ценностей названа нравственность (нравственность других лиц). Поскольку совесть суть чувство нравственной ответственности перед окружающими людьми и обществом, а нравственность – это правила, определяющие поведение, духовные и нравственные качества, необходимые человеку в обществе, то можно утверждать, что свобода совести предполагает свободу человека в выборе нравственного эталона (убеждений и морально-нравственной позиции) /2/ и свободу следовать этому эталону. То есть, свободе совести соответствует конституционно значимая ценность (нравственность), которая может служить критерием конституционности любого конкретного федерального закона.

3. С учетом изложенного, интересной может стать попытка создать устойчивую модель общественного контроля законопроектов на предмет соблюдения свободы совести на основе мнения лиц различной религиозной принадлежности, неверующих и лиц, имеющих антирелигиозные убеждения, не связанные с неверием. При этом такой анализ предполагает следующую последовательность действий:

1) юристы моделируют конкретную ситуацию (ситуации), в которой человек может оказаться в силу действия той или иной нормы закона в обсуждаемой редакции (редакциях);
2) верующие различной религиозной принадлежности, неверующие, лица, имеющие антирелигиозные убеждения, описывают свою вероятную реакцию на смоделированную ситуацию; /3/
3) на основании полученных данных юристы приходят к выводу о наличии (отсутствии) нарушений свободы совести (необходимости защиты нравственности тех или иных лиц) в моделируемых ситуациях, дают соответствующие заключения (рекомендации) законодателю.

Такая работа может быть органично включена в учебный процесс.

Литература:

1. *См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 02.02.96 № 4-П.*
2. *Конституционное право России: Учебник / Отв. ред. А.Н. Кокотов и М.И. Кукушкин. М., 2004. С. 210.*
3. *Представляется интересным наиболее широко использовать в этих целях метод ролевых игр.*

Себенцов А.Е. (г. Москва)

Из выступления на лекции – дискуссии

РЕШЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И РОССИЙСКАЯ ЮСТИЦИЯ

В 2005 – 2007 гг. Европейским судом были приняты постановления по делам «Баранкевич против Российской Федерации» (жалоба № 10519/03) от 20 октября 2005 г., «Московское отделение Армии спасения против России» *(Жалоба № 72881/01)* от 05.10.2006 г. и делу «Саентологическая церковь г. Москвы против России» *(Заявление № 18147/02)* от 05.04.2007 г. Россия признана виновной в нарушении прав заявителей, ей присуждено выплатить 90544 евро.

Формальная сторона исполнения решений государством соблюдается, установленные суммы жертвам выплачиваются, а тот глубокий правовой анализ деятельности федеральных органов исполнительной и судебной власти, который содержится в решениях суда – остается, как глас вопиющего в пустыне, неиспользованным для исключения нарушений прав человека, защищаемых Судом.

Российская Федерация, присоединяясь к Европейской конвенции по правам человека /1/ в 1998 г. /2/, ограничилась признанием над собой

юрисдикции Суда и назначением своего представителя в Суде. В демократическом порыве Россия шагнула на чуждую правовую территорию, не успев полностью оценить последствия. Этот шаг был оправдан желанием стать равным и достойным членом международного сообщества. И если равенство в смысле ответственности достигнуто, то с достоинством не получилось, а в некотором смысле Россия его даже теряет.

Президент РФ Указом от 29 марта 1998 года № 310 утвердил Положение об Уполномоченном Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека. Уже тогда было ясно, что среди решений суда должны быть такие, в которых Российская Федерация будет признана неправой, и указ предусмотрел выделение средств на защиту интересов Российской Федерации в Европейском суде по правам человека и на выплату денежных компенсаций истцам в случае вынесения Судом соответствующих решений. Но отсутствие опыта работы с новой правовой материей не позволило сразу определить более глубокие последствия вхождения России под юрисдикцию Суда. Поэтому (цитирую) «изучение правовых последствий решений Европейской комиссии по правам человека и Суда для государств - членов Совета Европы и подготовка с учетом прецедентного права Совета Европы рекомендаций по совершенствованию законодательства Российской Федерации и правоприменительной практики» были возложены на Уполномоченного; а обеспечение его деятельности на Главное государственно-правовое управление Президента Российской Федерации. Однако ни Павел Александрович Лаптев, ни ГГПУ не уделили этой задаче существенного внимания. Тем временем состоялись десятки решений Европейского суда по делам против России, еще сотни ожидают рассмотрения с довольно прозрачной перспективой (поскольку накопились прецеденты), а число обращений перевалило за 20 тысяч.

В 2007 г. Президент Российской Федерации принял решение (Указ Президента РФ от 20.03.2007 г. № 370) об изменении статуса представительства при Европейском суде по правам человека. Администрация Президента Российской Федерации была освобождена от этой нагрузки, Уполномоченным при Европейском суде по правам человека, и одновременно заместителем Министра юстиции РФ стала Миленчук Вероника Владимировна (ранее Зам. директора НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ, кандидат юридических наук). Обеспечение ее деятельности возложено на специально созданный в рамках Минюста аппарат Уполномоченного на правах департамента.

Пока в Правительстве результатов изменения не ощущается. Вместе с тем, Минюст в соответствии со своим положением (Указ Президента РФ от 13 октября 2004 г. N 1313 в ред. Указа Президента РФ от 20.03.2007 г. № 370) отвечает за разработку общей стратегии государственной политики в установленной сфере юриспруденции, обеспечение в пределах своих

полномочий защиты прав и свобод человека и гражданина, и в этих целях (п. 7 Положения):

(1) вносит Президенту Российской Федерации и в Правительство Российской Федерации проекты федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, другие документы, по которым требуется решение Президента Российской Федерации или Правительства Российской Федерации, по вопросам, относящимся к компетенции Минюста России и подведомственных ему федеральных служб, а также проект плана работы и прогнозные показатели деятельности Минюста России и подведомственных ему федеральных служб;

(2) обеспечивает исполнение Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, а также международных договоров Российской Федерации по вопросам, относящимся к установленной сфере деятельности;

(4) обобщает практику применения законодательства Российской Федерации и проводит анализ реализации государственной политики в установленной сфере деятельности, разрабатывает на этой основе меры по совершенствованию своей деятельности;

(5) участвует в организации работы по систематизации законодательства Российской Федерации и подготовке Свода законов Российской Федерации;

(25) дает заключения о соответствии положений международного договора Российской Федерации законодательству Российской Федерации и их юридической силе в Российской Федерации, а также по иным вопросам, связанным с вступлением в силу и выполнением такого договора, если это предусмотрено международным договором Российской Федерации или является необходимым условием вступления его в силу;

(35) обобщает практику деятельности подведомственных Минюсту России федеральных служб, принимает меры, направленные на ее совершенствование.

Таким образом, в компетенцию Минюста России входит все, что необходимо для совершения переворота в отношении между российским правом и правом Европейского Суда.

Как представляется, самое сложное – осознание российским обществом, включая суды, что решения Европейского Суда являются своеобразным источником права. То есть любое, не только по делам «НН против России», решение Европейского Суда – может оказаться прецедентом, подлежащим учету при принятии решения по рассматриваемому сегодня делу.

Если суды вместо поддержки (на основе единства менталитета) действий государственных органов будут судить с учетом уже десятков при-

нятых ЕСПЧ решений, то и практика государственных органов вынуждена будет поменяться. Впрочем, это не исключает необходимости при обобщении министерствами практики подведомственных органов исполнительной власти учитывать тот анализ их деятельности, который был проведен ЕСПЧ при рассмотрении дел. Скажем, анализ действий регистрирующего органа в связи с обращениями за перерегистрацией Московской организации Армии спасения или Церкви сайентологии, содержащийся в постановлениях по делу «Московское отделение Армии спасения против России» *(Жалоба № 72881/01)* от 05.10.2006 г. и делу «Саентологическая церковь г. Москвы против России» *(Заявление № 18147/02)* от 05.04.2007 г. дает обширный материал для выявления в действиях должностных лиц и пренебрежения Конституцией Российской Федерации /3/, и административного произвола, и неуважения к людям, и нарушения здравого смысла. Разрабатывая административный регламент для Росрегистрации Минюст мог бы учесть проведенную ЕСПЧ работу и исключить возможности безобразий, приведших к обращению в Европейский Суд. Однако Минюст России ограничился формальной компиляцией из действующих актов и утвердил вполне бесполезный в этом смысле административный регламент, исполнение которого не исключает возвращения к прецеденту.

Конечно, наиболее эффективным методом обучения чиновников с уважением относиться к решениям ЕСПЧ, изучать прецеденты и не повторять ошибок, было бы установление нормы о взыскании сумм выплаченных из казны «жертвам» их деятельности компенсаций и судебных издержек с виновников. Но даже простимулированный самым жестоким образом интерес должностных лиц к новым особенностям применения отечественного права нуждается в официальных источниках информации. Поэтому первой и основной задачей является официальный перевод актов ЕСПЧ на русский язык, их публикация и включение в справочные правовые системы. Сегодня переводы этих актов удается найти на сайтах заинтересованных общественных объединений, например, ОО «Сутяжник» из Екатеринбурга. Но перевод не официальный, для судов явно не годится. Да и органы государственной власти и местного самоуправления, действия которых порой ущемляют права граждан, должны иметь в качестве источника правовой информации официальные тексты.

Сегодня исполнение постановлений ЕСПЧ по конкретным делам «НН против России» обеспечивается выплатами из казны. Но с осуществлением прав сложнее. Скажем, отказ в перерегистрации и признание его неправомерным требует от выигравшего "НН" определенных действий со ссылкой на постановление Суда. Вероятно, здесь не хватает научной проработки. Но роль государственных органов и процедуры пересмотра решений органов исполнительной власти и судов, отвергнутых ЕСПЧ, не очевидны. Скажем, по уголовным делам возможно вмешательство прокурора. А по гражданским, его роль практически исключена.

Проблемы реализации постановлений ЕСПЧ рассматриваются на различных семинарах, но монографий на эту тему пока немного, больше брошюр, разъясняющих, «как обратиться в Европейский Суд». Тем не менее, есть случаи, когда из постановлений ЕСПЧ вытекали и корректировки законодательства. Скажем, решение по делу Рябых против России от 24.07.2003 г. привело к корректировкам Уголовно-процессуального и Гражданско-процессуального кодексов, которые приблизили российскую систему к тому, что, с точки зрения подходов Европейского суда, обеспечивает принцип правовой стабильности. Были сокращены возможности в порядке надзора являть экстраординарные меры, которые бы “выскочили” в любой момент и огорошили человека, имеющего на руках уже исполнительный лист.

Хотелось бы отметить, что деятельность ЕСПЧ и вопросы реализации его решений вызывают достаточно широкий общественный интерес, являются предметом интернет-конференций, публичных лекций, в текущем году Московское бюро по правам человека проводило однодневный семинар (01.08.07), выпущена книга судьи Высшего арбитражного суда Татьяны Николаевны Нешатаевой "Уроки судебной практики о правах человека: европейский и российский опыт". Значительное внимание уделено актуальной проблематике защиты прав российских граждан в Европейском суде по правам человека в Докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2006 г. Владимир Петрович Лукин отмечает, что (цитирую) "наибольшие сложности возникают при исполнении решений Европейского суда в части мер общего характера. Устранение системных нарушений норм Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, как правило, требует анализа факторов, влияющих на реализацию тех или иных прав и свобод на практике, а также последующей разработки комплексных мер по улучшению ситуации.

Сохраняется неопределенность в вопросе о применении решений Европейского суда российскими судебными органами при рассмотрении конкретных дел. Некоторые судебные органы придерживаются мнения о том, что применению подлежат только те решения Европейского суда, которые были вынесены после ратификации Россией Конвенции о защите прав человека и основных свобод. В целом ясно, что за восемь лет, прошедших со времени ратификации Конвенции, единообразная судебная практика применения решений Европейского суда в нашей стране так и не сложилась. С учетом этого обстоятельства следовало бы, возможно, подумать о закреплении статуса решений суда специальным законодательным актом" (конец цитаты).

Как уже отмечалось в начале выступления, решение этих вопросов находится в руках у Министерства юстиции Российской Федерации и Уполномоченного при Европейском суде по правам человека, заместителя Министра юстиции РФ Вероники Владимировны Миленчук. Вопросов го-

раздо больше, чем отмечено мной, система их разрешения нормативными актами Президента Российской Федерации заложена, а информации о ходе дел явно не хватает. Выражаю надежду, что на одну из конференций будут приглашены представители аппарата Уполномоченного при Европейском суде по правам человека, и участникам удастся услышать о планах Минюста России.

1. 5 мая 1998 г. Конвенция вступила в силу в отношении нашей страны - это дата, когда ратификационные грамоты были вручены Генеральному Секретарю Совета Европы.

2. Источник публикации:

"Собрание законодательства РФ", 08.01.2001, N 2, ст. 163,

"Бюллетень международных договоров", N 3, 2001

Начало действия редакции (за исключением изменений, внесенных Протоколом N 11 от 11.05.1994) - 01.09.1998.

Изменения, внесенные Протоколом N 9 от 06.11.1990, вступили в силу для Российской Федерации 1 сентября 1998 г.

Изменения, внесенные Протоколом N 11 от 11.05.1994, вступили в силу для Российской Федерации с 1 ноября 1998 г.

3. Статья 18. Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием.

Приложение 1

РЕКОМЕНДАЦИИ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«Свобода совести в современной России: опыт, проблемы и перспективы развития»

3 октября 2007 года в Гуманитарном университете г.Екатеринбург состоялась Международная научно-практическая конференция «Свобода совести в современной России: опыт, проблемы и перспективы развития», посвященная 10-летию принятия Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». Организаторами конференции выступили Уральская школа прав человека, Уральский филиал Евразийского отделения Международной ассоциации религиозной свободы и Совет по толерантности Свердловской области, при поддержке Департамента внутренней политики Губернатора Свердловской области, Уполномоченного по правам человека Свердловской области и Российского Объединения исследователей религии (г. Москва). В ее работе приняли участие около 80 человек: ученые, педагоги, представители государственных и муниципальных органов власти, национальных и религиозных организаций, общественных объединений, из г. Москвы, Чувашской Республики, Свердловской, Калужской, Нижегородской, Кемеровской, Тамбовской и Челябинской областей.

Участники конференции, заслушав доклады на Пленарном заседании, а также на основе результатов обсуждения проблем на заседании Круглого стола, считают возможным сделать следующие выводы и рекомендации.

1. Российское законодательство, регулирующее отношения и деятельность в сфере свободы совести, нуждается в совершенствовании, основанном на анализе накопленного опыта его применения, а также на приведении его в соответствие с Конституцией РФ. международным нормам и принципам в данной области.
2. Реализации прав граждан на свободу совести будет способствовать изменение механизма принятия законов, связанных с этой сферой: общественная проверка их на соответствие с Конституцией и широкое обсуждение на стадии законопроекта, в том числе представителями различных конфессий.
3. Для развития общественного правосознания необходимо усиление и координация роли различных институтов власти и гражданского общества в обеспечении и защите права на свободу совести.
4. Институализация нормативно-правовой категории «традиционной

религии» в сфере свободы совести противоречит Конституции РФ и с учетом поликонфессиональности современной России, является основой дискриминации и нарушения прав граждан, чье вероисповедание не впишется в рамки «традиционных религий».

5. Формирование установок толерантного сознания и поведения, веротерпимости и миролюбия, предупреждение различных видов экстремизма и противодействие им будут содействовать снижению социальной, политической, этнической и межрелигиозной напряженности и укрепит в российском обществе гражданский мир, социальную справедливость, доверие, согласие, взаимодействие и сотрудничество во благо всех народов России.

6. Утверждению в обществе идей религиозной толерантности будет способствовать введение в высших и средних учебных заведениях России многоуровневой системы образования по изучению религиозно-культурологических аспектов всех религий мира, соединенное с повышением качества преподавания этой учебной дисциплины, так как принципы свободы совести, конфессионального нейтралитета являются основополагающим для этой науки.

7. На региональном уровне целесообразно создать Центр либо рабочую группу экспертов по исследованию проблем религии, права на свободу совести и вероисповедания, его философско-теоретического и практического применения с привлечением широкого круга различных участников с целью выработки соответствующих рекомендаций и предложений.

8. Актуальность проблем, связанных с реализацией прав граждан России на свободу совести и вероисповедания свидетельствует о необходимости ежегодного проведения конференций, посвященных этой тематике, с привлечением широкого круга представителей религиозных и общественных организаций, органов власти, иных государственных учреждений, общественных организаций, ученых и всех заинтересованных лиц.

Гуманитарный университет, г. Екатеринбург,
3 октября 2007г.

Приложение 2

РЕКОМЕНДАЦИИ КРУГЛОГО СТОЛА «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ»

16 ноября 2007 г. в Международный день толерантности в Гуманитарном университете состоялся круглый стол «Актуальные проблемы этноконфессиональной толерантности». Организаторами выступали Уральская школа прав человека, Центр прав человека Гуманитарного университета (г.Екатеринбург), Уральский филиал Евразийского отделения Международной ассоциации религиозной свободы, Совет по толерантности Свердловской области, а так же рабочая группа экспертов по проблемам свободы совести, государственно-конфессиональным и межконфессиональным отношениям. В работе круглого стола приняли участие около 60 человек: ученые, педагоги, представители государственных и муниципальных органов власти, национальных и религиозных организаций, общественных объединений Свердловской области.

Участники круглого стола на основе результатов обсуждения проблем на заседании круглого стола, считают возможным сделать следующие выводы и рекомендации:

1. Необходимо провести фундаментальное социологическое исследование по проблемам этноконфессиональной толерантности в Свердловской области и России, в целом, с целью выявления объективных и субъективных причин напряженности в этноконфессиональной сфере.
2. Для обеспечения практической реализации принципов толерантности необходимо проводить мониторинг российского законодательства с позиций толерантности.
3. Важным и актуальным для современной России является обеспечение постоянного и динамичного общения представителей различных конфессий в сфере культуры.
4. Для более тесного взаимодействия национальных и религиозных организаций было бы полезным организовывать выставки, посвященные культуре и традициям этих организаций; выпускать справочники и информационные бюллетени о деятельности данных организаций.
5. Для укрепления этноконфессиональной толерантности необходима разработка рациональной миграционной политики в РФ. Российское законодательство о трудовых мигрантах так же нуждается в совершенствовании.

6. Принципы толерантности необходимо преподавать в учебных заведениях России в виде спецкурса по толерантности, для чего нужно подготовить и издать учебное пособие «Правовые и моральные основы толерантности».
7. Учитывая огромную роль средств массовой информации в формировании общественного сознания необходимо рекомендовать СМИ более ответственно подходить к материалам, затрагивающим этнические и религиозные вопросы, больше уделять внимания укреплению толерантности в обществе.

г. Екатеринбург
Гуманитарный университет
16 ноября 2007 г.

Приложение 3

КОНФЕРЕНЦИЯ ЭКСПЕРТОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ РЕЛИГИОЗНОЙ СВОБОДЫ ПРИНИМАЕТ ДОКУМЕНТ ОБ ОТВЕТСТВЕННОМ ПРОЗЕЛИТИЗМЕ

Во всем мире прозелитизм является основным вопросом религиозной свободы. В некоторых странах люди, осуществляющие обращение в свою веру или перешедшие в другую веру, могут быть приговорены к смертной казни. В других странах религиозные меньшинства или системы верований, еще не получившие официального признания, для которых прозелитизм является основным принципом, могут стать объектом различных форм преследования.

Любая форма преследования со стороны государственных или религиозных институтов нарушает международные нормы, относящиеся к свободе религии или вероисповедания, - главным образом, положения Всеобщей декларации прав человека. Такие действия не должны оставаться незамеченными. К сожалению, деятельность, направленная против прозелитизма, может являться результатом неблагоразумных методов, используемых теми, кто осуществляет прозелитизм.

Эти опасения послужили основой для тщательного изучения проблемы прозелитизма на Конференции экспертов Международной ассоциации религиозной свободы (МАРС), и конечным итогом этих исследований стало принятие согласованного документа. Конференция экспертов МАРС созывалась в мае 1999 г. (Сан Лоренцо де Эль Эскориаль, Испания) и в январе 2000 г. (Лас Навас дель Маркес, Испания). Встречи комитетов Конференции проходили в Мадриде (Испания), Брэкнелле (Великобритания) и Силвер Спринг (штат Мэриленд, США). В число участников Конференции входили ученые, священнослужители и члены правительств из стран Африки, Европы, Северной и Южной Америки, а также представители Организации Объединенных Наций. Были представлены христианство (католики, православные и протестанты), ислам и иудаизм. Конференция экспертов выразила приверженность сохранению свободы людей свидетельствовать о своей вере, а также выбирать или изменять свою религию или верования.

Берт Б. Бич, Президент

Джон Грац, Генеральный Секретарь

Ричард Ли Фенн, Заместитель Генерального Секретаря

РУКОВОДЯЩИЕ ПРИНЦИПЫ ОТВЕТСТВЕННОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ВЗГЛЯДОВ И УБЕЖДЕНИЙ

ПРЕАМБУЛА

Учитывая растущую глобализацию и усиление межрелигиозных и идеологических конфликтов, конструктивные взаимоотношения между религиями приобретают настоятельную необходимость. Для рассмотрения этих вопросов Международная ассоциация религиозной свободы организовывала в течение 1999 года и в начале 2000 года встречи и конференции экспертов в США, Великобритании и Испании, на которых было принято следующее заявление по конкретным пунктам соглашения:

Свобода религии и вероисповедания относится к основным правам человека. Несмотря на твердую поддержку этого всеобщего права на протяжении последних пятидесяти лет, выраженную в различных международных документах, начиная со *Всеобщей декларации прав человека (1*948 г.) и включая *Международный пакт о гражданских и политических правах.* (1966 г.), *Декларацию об исключении любых форм религиозной нетерпимости и дискриминации* (1981 г.), а также *Декларацию о правах лиц, принадлежащих к национальным, этническим, религиозным и языковым меньшинствам* (1992 г.), продолжают широко встречаться его нарушения.

Свобода религии и вероисповедания включает право человека выражать и передавать свои религиозные взгляды и убеждения другим людям. Различные религии расходятся в способах распространения своих убеждений. Вопрос о «прозелитизме», или об обращении в веру других людей, оказывает неизбежное влияние на межрелигиозные отношения. Термин «прозелитизм» может истолковываться неоднозначно и имеет в большинстве случаев негативный оттенок, относящийся к агрессивному поведению и нечестным методам убеждения людей. Имея это ввиду, участники Конференций экспертов намеренно избегали данный термин.

Ставя свое целью расширение религиозной свободы, терпимости, диалога и соблюдение всеобщего равноправия, Конференция экспертов, организованная Международной Ассоциацией Религиозной Свободы, предлагает следующие руководящие принципы, касающиеся ответственного распространения религиозных взглядов и убеждений. Эти принципы имеют, в первую очередь, этический характер и предлагают критерии, которыми должны руководствоваться отдельные лица и религиозные группы в отношениях между собой. Они также актуальны для отношений между религиозными группами и государством. Эти принципы основываются на достоинстве человеческой личности и свободе людей следовать голосу своей совести.

Участники Конференции убеждены в том, что соблюдение следующих руководящих принципов имеет неоценимое значение для обеспечения общественного спокойствия, повышения социальной сплоченности, личной и коллективной ответственности, а также для поддержания всеобщего равноправия.

Участники Конференции выражают надежду на то, что различные религиозные группы, к которым в первую очередь адресованы сформулированные принципы, рассмотрят их в свете своих убеждений и обычаев, внесут собственные предложения и необходимую адаптацию, признавая тот факт, что верующие и религиозные институты, свидетельствуя о своих убеждениях, должны преследовать не индивидуальные интересы, а служить Господу или тем высоким идеалам, в которые они верят.

ПРИНЦИПЫ

1. Преподавать, выражать и распространять религиозные взгляды и убеждения - это признанное право каждого человека. Каждый имеет право пытаться убедить других в истинности своих убеждений. Каждый имеет право выбирать или изменять свою религию или веру без принуждения и в соответствии с голосом совести.
2. Осознавая свою общую ответственность, религиозные объединения должны строить отношения друг с другом посредством контактов и неформальных переговоров, выражая свои взгляды со смирением, уважением и искренностью. Конфронтация должна уступать место диалогу. Незыблемость достоинства человеческой личности требует, чтобы при свидетельствовании другим людям или при планировании среди них миссионерской деятельности уважались их история, убеждения, образ жизни и культурная самобытность.
3. Религия, вера и религиозные убеждения распространяются наилучшим образом, если свидетельство жизни того или иного человека логически связано с провозглашаемой вестью и ведет к свободному признанию ее теми, к кому эта весть адресована.
4. Распространяя вероучение или религиозные убеждения, каждому верующему следует честно и беспристрастно относиться к другим религиям и верованиям. Это требует сравнения идеалов своей религиозной группы с идеалами (но не с приписываемыми недостатками) других религиозных групп.
5. При распространении религиозных взглядов и убеждений следует защищать права, как большинства, так и меньшинства, в соответствии с требованиями международных документов по правам человека, осуждающих все формы дискриминации и нетерпимости.
6. При упоминании других религиозных групп и сообществ верующих следует пользоваться уважительными и не оскорбительными вы-

ражениями.

7. Обращение людей - это прежде всего духовный опыт. Полностью признавая право на гуманитарную деятельность, ее не следует, однако, увязывать с таким распространением вероучений или религиозных убеждений, при котором злоупотребляя нуждами неимущих и незащищенных членов общества, предлагались бы финансовые или иные материальные стимулы с целью побудить людей придерживаться или изменить свои религиозные взгляды или убеждения.
8. Признавая право людей придерживаться и выражать свои религиозные взгляды и убеждения, следует избегать межрелигиозных конфликтов, ненависти и антагонистического соперничества, заменяя их диалогом в духе искренности и взаимного уважения.
9. Никто не должен делать преднамеренные ложные заявления по какому-либо из аспектов других религий, клеветать или высмеивать верования, обычаи или происхождение других людей. Всегда требуется наличие объективной информации об этих религиях с тем, чтобы избежать распространения необоснованных суждений и огульных предубеждений.
10. При распространении среди людей религиозных взглядов и убеждений следует уважать их свободу выбирать или отвергать ту или иную религию или убеждения без физического или психологического принуждения; не следует также вынуждать людей разрывать естественные связи с семьей, являющейся основным элементом общества.
11. Иностранным миссионерам следует избегать использования политического или экономического влияния под предлогом распространения религиозных взглядов и убеждений.
12. При ответственном распространении религиозных взглядов и убеждений необходимо признавать, что в некоторых случаях этот процесс может привести людей или группы населения к укреплению их веры или же к свободному и нестесненному решению изменить свою религиозную принадлежность.
13. Свобода распространения религиозных взглядов и убеждений не является абсолютной. Она подлежит законодательным ограничениям, необходимым для защиты общественного порядка, здоровья населения и законных прав других людей.
14. В случае возникновения конфликтов, связанных с распространением религиозных взглядов и убеждений, соответствующие религиозные группы должны рассмотреть возможности для начала процесса примирения.

Международная ассоциация религиозной свободы Конференция экспертов

Документ принят 29 января 2000 года
Лас Навас дель Маркес, Испания

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Антонова О.И. аспирантка кафедры социологии Уральской академии государственной службы.

Арцыбашев И.Г. аспирант кафедры религиоведения философского факультета Уральского государственного университета им. А.М. Горького.

Быстров А.А. кандидат культурологических наук, ООО "Металл-Трейд", психолог.

Глушкова С.И. доктор политических наук, заместитель декана юридического факультета, директор Центра прав человека Гуманитарного университета, член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации.

Денисов С.А. кандидат юридических наук, доцент кафедры публичного права юридического факультета Гуманитарного университета.

Дьячкова М.А. кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей педагогики и истории образования Уральского государственного педагогического университета.

Дьячкова О.Н. ассистент кафедры онтологии и теории познания Уральского государственного университета им. А.М. Горького, ученый секретарь Национального института по правам человека.

Ершов Ю.Л. кандидат юридических наук, управляющий партнер Адвокатского бюро "Эксперт", доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Курганского государственного университета.

Кириллова К.В. юрист «СВ Групп».

Костина Н.Б. доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и практики управления Уральской академии государственной службы

Куропаткина О.В. аспирантка Российского государственного гуманитарного университета.

Незнамова З.А. доктор юридических наук, профессор Гуманитарного университета и Уральской государственной юридической академии.

Ничик В.И. юрист, Исполнительный директор Уральского филиала Евразийского отделения Международной ассоциации религиозной свободы (УФ ЕОА МАРС), Сопредседатель Совета по толерантности Свердловской области.

Савоськин А.В. кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры конституционного права Уральского юридического института МВД России.

Себенцов А.Е. Ответственный секретарь Комиссии по вопросам религиозных объединений при Правительстве РФ.

Семякин М.Н. доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой частного права Гуманитарного университета.

Степанова Е.А. доктор философских наук, профессор, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук.

Стрекалов В.В. аспирант Кемеровского государственного университета, член Муниципальной избирательной комиссии г. Новокузнецка.

Шабалина С.С. аспирантка кафедры конституционного и муниципального права России Уральской государственной юридической академии.

Ягофарова И.Д. кандидат юридических наук, доцент кафедры истории и теории государства, конституционного и международного права Уральского института коммерции и права.

Якимов Г.А. аспирант кафедры конституционного права Уральской государственной юридической академии.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие от составителей…….……..3
Приветственное слово Себенцова А.Е…….……5
Приветственное слово Степанчука Д…….……..7
Себенцов А.Е. Доклад на пленарном заседании. Десять лет – правовые проблемы развития законодательства о свободе совести и религиозных объединениях…….…….8
Антонова О.И. Социальное служение религиозных общностей как проявление толерантности. …….....18
Арцыбашев И.Г. Веротерпимость – основное условие обеспечения свободы совести в современной России……..22
Быстров А.А. Проблема свободы совести в христианстве: взгляд изнутри…….……26
Глушкова С.И. Свобода совести в современной России: проблемы понимания и реализации…….……29
Денисов С.А. Российское государство против свободы вероисповедания…….…..33
Дьячкова М.А. Реализация права на свободу совести в сфере образования: нормативно-правовой аспект…….…..36
Дьячкова О.Н. Правотворчество в сфере реализации права на свободу совести. …….…….42
Ершов Ю.Л. Отдельные проблемы реализации свободы вероисповедания в РФ…….45
Кириллова К.В. Проблемы правового регулирования целительской деятельности: медицинский и религиозный аспекты…….……..47
Костина Н.Б. Государственно-конфессиональные отношения как условие толерантности. ……..…..53
Куропаткина О.В. Стратегии «новых» пятидесятников в сфере достижения межконфессиональной толерантности…….…..58
Незнамова З.А. Уголовно-правовая охрана свободы совести по законодательству России…….……..62
Ничик В.И. Принципы государственно-конфессиональных отношений, содействующие полной реализации права на свободу совести……68
Савоськин А.В. К вопросу о допустимости религиозного преподавания в России……....72
Семякин М.Н. Гражданско-правовые способы (формы) защиты

права на свободу совести……76
Степанова Е.А. Кризис либерализма, толерантность и
принцип свободы……..78
Стрекалов В.В. Границы профессиональной свободы совести
политтехнологов в аспекте проблемы разработки
и применения избирательных технологий. ……...…...83
Шабалина С.С. Правовое понимание свободы совести и
свободы вероисповедания……..….…88
Ягофарова И.Д. Право на свободу совести: о мере и безмерности
в реализации…….....…94
Якимов Г.А. Свобода совести в структуре конституционного
статуса человека в Российской Федерации…….……..98
Себенцов А.Е. Решения Европейского Суда по правам
человека и российская юстиция……..……..100

Приложение 1. Рекомендации конференции от 03-04.10.2007……..…106
Приложение 2. Рекомендации круглого стола от 16.11.2007…….108
Приложение 3. Руководящие принципы ответственного
распространения религиозных взглядов и убеждений. ……...……110
Сведения об авторах……..114
Содержание ……...116

Научное издание

Свобода совести в современной России: опыт, проблемы и перспективы развития

Материалы международной
научно-практической конференции
Екатеринбург, 3 - 4 октября 2007 г.

Авторская редакция

Подписано в печать	Формат 60 х 84 1/16	Бумага тип. № 1
Печать трафаретная	Усл. печ. л. 7,5	Уч.-изд. л. 7,5
Заказ	Тираж 200	Цена свободная

РИЦ Курганского государственного университета
640669, г. Курган, ул. Гоголя, 25.
Курганский государственный университет